

Джони Эрексон, Джо Муссер
ДЖОНИ

Джони Эрексон
Джо Муссер

ДЖОНИ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Потрясающий рассказ молодой женщины, парализованной в результате несчастного случая, о ее духовной борьбе и победе.

Джони Эрексон, Джо Муссер

Джони. Перевод с английского
Издание второе, исправленное
© 1976 by Joni Eareckson, Joe Musser
© 1997 «Свет на Востоке»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Минута. Частица времени. Час состоит из шестидесяти минут, день — из 1440. А к семнадцати годам прожито уже около девяти миллионов минут.

Но лишь одна-единственная минута решила всю мою дальнейшую судьбу. Именно она была выделена Божьей волей из равномерного течения моей жизни. Эти шестьдесят секунд оставили во мне гораздо больший след, чем миллионы, прожитых до того. Все подробности происшедшего за эти секунды еще и сейчас стоят перед моими глазами. Ничто не предвещало события, которое так круто изменило всю мою жизнь.

Этот краткий миг вместил самые разные мысли, ощущения и чувства. Как мне описать их, чтобы ничего не упустить?

Оскар Уайльд писал: «В этом мире существуют две истинные трагедии. Одна из них заключается в отсутствии того, чем человек хотел бы владеть, вторая состоит в том, что человек получает именно то, что хотел бы иметь».

Так же парадоксально звучит высказывание о наших молитвах. С одной стороны — Бог слышит все наши молитвы, с другой — не на все наши молитвы мы получаем ответы.

Я пришла к такому выводу, потому что убедилась: Богу гораздо лучше известны мои потребности, нежели мне самой. И поэтому как бы ни складывалась жизнь, следует полностью и абсолютно полагаться и уповать только на Него.

Джони СБ

1

Это случилось 20 июля 1967 года. Жаркий летний день был на исходе. Солнце уже садилось, отражаясь красноватым сиянием в водах Чесапикского залива. Водная поверхность выглядела темной, но, когда я нырнула, вода оказалась прозрачной. Тогда это и произошло. Я ударилась головой о что-то твердое. В тот же миг я необъяснимым образом ощутила, что потеряла власть над собственным телом. Я как будто услышала громкое гудение. Со мной происходило что-то такое, чего я не в состоянии описать. Это было подобно удару током, сопровождающемуся сильным сотрясением, как будто где-то во мне сорвалась массивная металлическая пружина. Гудение заглушалось водой. Собственно, это был не столько звук, сколько ощущение.

Боли я не чувствовала. Лежа на дне бухты лицом вниз, я слышала шуршание песка подо мной. Как я очутилась в таком положении? Почему руки словно привязаны к груди? Помогите! Я попала в западню!

Легкое течение то приподнимало, то опускало меня. Боковым зрением я видела слабый свет. Смятение слегка отступило. Я помнила, что прыгнула в воду головой вниз. А затем? Может быть, я попала в рыболовные сети? Мне необходимо вырваться! Пытаюсь пошевелить ногами. Но ноги, должно быть, тоже запутались!

Мной овладела паника. Изо всех сил стараюсь освободиться. Не удастся. Волна вновь приподняла и опустила меня.

Что же случилось? Я ударилась головой. Неужели я потеряла сознание? Попытка шевельнуться напомнила мне то состояние, которое бывает при желании двигаться во сне. Невозможно! Тону! Увидит ли меня кто-нибудь? Если я действительно без сознания, разве могла бы я тогда ощущать, что происходит вокруг? Нет, я в сознании, я жива!

Я чувствовала, как во мне растет давление от сдерживаемого дыхания. Вскоре необходимо будет сделать выдох и вдох.

Новая волна снова приподняла и опустила меня. В голове смешались обрывки мыслей и каких-то событий: дела, за которые было стыдно. Быть может, Господь призывает меня к Себе, чтобы потребовать за них отчет?

— Джони!

Голос звучал глухо, словно звали из зловещего коридора. Был ли это Бог? Была ли это смерть? Я умираю? Но я не хочу умирать! Помогите, помогите же!

— Джони!

Голос, заглушаемый водой, раздавался издалека. Но вот он приблизился:

— Что случилось, Джони?

Катя! Моя сестра видит меня... Помоги, Катя!

Следующая волна была сильнее и подняла меня выше. Но я вновь упала вниз на крупы ракушек. Песок и камни врезались в плечи, лицо.

— Джони, ты ищешь раковины?

«Да нет же! Я увязла, подними меня! Я не в состоянии больше сдерживать дыхание!»

— Ты что, здесь ныряла? Да ведь тут так мелко, — услышала я Катин голос, теперь уже четкий и ясный.

По тени я поняла, что она стоит надо мной. Я отчаянно сопротивлялась внутренней панике, но уже знала, что запас воздуха в легких совсем на исходе.

Вокруг стало темно.

Я почувствовала Катину руку у себя на плече. Она приподняла меня.

«Господи, не дай мне умереть!»

Приложив все свои силы, Катя снова приподняла меня.

Боже, сколько еще терпеть? Все было черным-черно. Меня приподнимали, а казалось, что я падаю. В тот момент, когда я окончательно теряла сознание, Катя, наконец, подняла мою голову над водой. Воздух! Прекрасный, бодрящий, насыщенный морской солью воздух! Я стала дышать так быстро, что опять чуть не задохнулась.

— Благодарю, Боже, благодарю Тебя! — бормотала я.

— Что с тобой? Все в порядке? — спрашивала Катя.

Я зажмурилась, стараясь прийти в себя, стряхнуть смятение. Что-то не ладилось: я видела, что моя рука безжизненно висела на плече Кати, а мне казалось, что она лежит у меня на груди.

Я взглянула на грудь. Мои руки вовсе не были привязаны к ней. С растущим ужасом я стала сознавать, что они безжизненно висят. Я не могла шевельнуть ими.

После секундного замешательства Катя стала распоряжаться. Она позвала женщину, плававшую неподалеку на надувном матраце. Они затащили меня на матрац и стали толкать к берегу. Я слышала, как матрац коснулся берегового песка.

Я попыталась встать, но мне казалось, что я накрепко привязана к матрацу. Вокруг, желая узнать, что же случилось, начали собираться люди. Вскоре образовалась толпа, любопытные лица склонились надо мной. Их взгляды и шепот были мне неприятны. Меня это смущало, было как-то не по себе:

— Катя, пусть они уйдут.

— Да, да, сейчас. Пожалуйста, разойдитеесь! — крикнула в толпу Катя. — Не мог бы кто-нибудь побыстрее вызвать «скорую помощь»? Ей не хватает воздуха.

Катин друг Бутч опустился на колени рядом со мной. Его фигура закрыла меня от взглядов людей, они стали постепенно расходиться.

— Что с тобой, малышка? — спросил он участливо. Его темные глаза, как всегда, были доброжелательны, но на лицо легла тень озабоченности.

— Я не могу пошевелиться, — выдавила я наконец.

Я увидела, как все испугались.

Катя склонилась надо мной.

— Держи меня крепко, — попросила я ее.

— Я держу тебя, Джони. — Катя приподняла мои руки, показывая, что держит их крепко.

— Я ничего не чувствую. Прижми меня к себе.

Катя склонилась и, должно быть, крепко прижала меня к себе. Но я не ощущала ее объятий.

— Чувствуешь? — она коснулась моей ноги. — А здесь? — она сжала мое запястье.

— Нет, — заплакала я, — ничего не чувствую.

— А так? — ее рука скользила по моей вверх к плечу.

— Да! Да! Теперь чувствую!

Мы вздохнули облегченно и радостно. Наконец-то я смогла хоть часть тела чувствовать.

Теперь я ясно представила себе, что могло случиться. Нырняя, я ударилась обо что-то головой, и полученная травма вызвала потерю чувствительности.

Хотелось бы знать, сколько времени будет продолжаться это мое состояние.

— Не беспокойтесь, — успокаивала я Бутча, Катю, а заодно и себя. — Господь не допустит, чтобы со мной случилось что-то непоправимое. Я скоро буду здорова.

Я услышала звук сирены. Подъехала «скорая помощь». Санитары быстро положили меня на носилки

и осторожно внесли в машину. Их белые халаты подействовали на меня успокаивающе.

Когда Катя садилась в машину, Бутч, придерживая ее за руку, тихо сказал: «Я поеду на своей машине следом за вами». Затем попросил водителя «скорой помощи»: «Будьте поосторожнее с нею».

Сирена взвыла, и мы покинули берег.

Я взглянула на санитаря, сидящего рядом, и сказала: — Жаль, что доставляю вам столько хлопот. Надеюсь, скоро приду в себя и избавлюсь от этой неподвижности.

Он ничего не ответил, осторожно смахнул с моего лица прилипший песок и, улыбнувшись, отвернулся.

Почему он не сказал, что скоро опять все будет в порядке, что, как только врачи осмотрят меня, я вернусь домой?

Никто не говорил мне слов утешения. Я была предоставлена своим мыслям. В окно автомобиля я видела мелькающие мимо дома; сирена выла не переставая.

«Господь — Пастырь мой...»

Люди на тротуарах глядели с любопытством.

«...Я ни в чем не буду нуждаться...»

Автомобили сворачивали, освобождая дорогу.

«Он покоит меня на злачных пажитях...»

Наша машина, сбавив скорость, свернула на менее оживленную улицу.

«...Насыщает душу мою...»

Мне трудно по-настоящему сосредоточиться на молитве, я хваталась за те библейские обетования, которые помнила наизусть.

«...Если пойду и долиной тени смертной, не убоюсь зла, потому что Ты со мною...»

Внезапно сирена смолкла, ее звук перешел в тихое жужжание. Автомобиль подъехал к больнице. Я уви-

дела вывеску: «Прием больных. Остановка запрещена. Только для машин «скорой помощи».

Между тем стемнело, я стала мерзнуть еще сильнее, захотелось домой.

В приемной царила рабочая обстановка. Меня внесли в какое-то помещение и положили на каталку. Яркий свет слепил глаза. Отвернувшись от резкого света, я увидела разложенные в ряд предметы: бутылочки, пузырьки, бинты, ножницы, скальпели, пакеты с длинными медицинскими названиями и еще какие-то странные инструменты. Резкий запах от дезинфекции был неприятен.

Медицинская сестра крепко привязала меня к каталке и увезла в один из многочисленных боксов.

Я опять попробовала двинуть ногой или рукой. Они оставались непослушными и неподвижными. Я была совершенно беспомощна. Мне стало страшно, слезы затуманили глаза.

— Скажите, что со мной? — спросила я.

Сестра лишь пожала плечами и начала снимать кольца с моих пальцев.

— Скоро придет врач. Я положу ваши драгоценности в этот конверт. Таковы правила.

— Сколько я здесь пробуду? Когда меня отпустят домой?

— К сожалению, ничего не могу сказать, спросите врача.

Ее ответы напоминали ответы автоматической телефонной станции.

В бокс вошла другая медсестра с какими-то формулярами.

— Ваша фамилия?

— Джони Эрексон.

— Джонни?

— Нет, просто Джони, меня называли в честь отца.

Только пишут мое имя несколько иначе. А фамилия — Эрексон.

Затем я сообщила ей домашний адрес, имена родителей, номер их телефона и попросила им позвонить.

— Вы застрахованы?

— Не знаю. Спросите родителей или сестру. Она, наверное, ждет в приемном покое. Мы были вместе на берегу. Ее зовут Катя.

Медсестра с блокнотом в руке вышла, прежняя — положила на стол конверт с моими украшениями, затем выдвинула ящик и достала большие ножницы.

— Что вы хотите делать? — простонала я.

— Я должна снять с вас купальник.

— Не режьте его! Он ведь совсем новый. Я первый раз его надела, это мой лучший купальник!

— Жаль, но такое у нас правило, — и тут же раздался звук режущих ножниц.

Она собрала лоскуты от купальника и бросила их в ведро для мусора. Казалось, ей все было безразлично. Мой красивый купальник не значил для нее ничего. Мне хотелось плакать.

Она накрыла меня простыней и вышла.

Мне было не по себе. Простыня сползла, обнажив грудь, но я не в состоянии была натянуть ее снова. От отчаяния и страха я заплакала. Постепенно до меня стала доходить серьезность моего положения.

«Если пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною...»

Я глотала слезы и пыталась думать о чем-то другом. Позвонила ли Катя маме и папе? Знает ли уже все Дик?

Какой-то человек в темных твидовых брюках и белой куртке отодвинул занавес и вошел ко мне в бокс.

— Я доктор Шерилл, — сказал он дружелюбно и начал перелистывать страницы в блокноте. — Тебя зовут Жанна?

– Нет, Джони. – Неужели, подумала я, каждому нужно объяснять все сначала?

– О`кей, давай посмотрим, что с тобой случилось.

– Доктор, когда я вернусь домой?

– Скажи-ка лучше, чувствуешь ли ты что-нибудь? – он взял длинную иглу и начал колоть ею мои руки и ноги.

– Нет, ничего не чувствую.

– А здесь?

Я сжала зубы в надежде сосредоточиться, чтобы что-то почувствовать. Ничего! Он взял мою руку в свои и стал колоть пальцы, запястье, локоть.

– Почему я ничего не чувствую?

Он коснулся плеча. Наконец-то я почувствовала легкий укол в плече.

– Да, вот тут чувствую.

Доктор Шерилл сделал какие-то пометки в блокноте и попросил позвать другого врача. Вместе с ним он еще раз повторил иглоукалывания. У моего изголовья они начали обсуждать что-то вполголоса. Их медицинская терминология была мне непонятна.

– Кажется, перелом. Дислокационный перелом.

– Судя по чувствительности, думаю, в области четвертого или пятого сегмента.

– Надо приступать к делу. Рентгеновские снимки не покажут наличие непрерывности.

– Следует ли готовить ОП?

– Да, немедленно. И попытайтесь еще раз дозвониться до родителей.

Коллега доктора Шерилла быстро удалился, его место заняла медсестра.

Этой черствой медсестре, разрезавшей мой купальник, доктор Шерилл дал какие-то указания, и она ушла.

Я увидела, как кто-то протер мою руку ватным там-

поном, мне ввели иглу в вену. Я ничего не почувствовала.

Глянув в сторону, я увидела в руках у доктора Шерилла электрическую машинку для стрижки волос.

— Нет, нет! Не трогайте мои волосы, прошу вас, не надо! — я начала рыдать.

Я чувствовала, как ножницы скользили по моей голове, видела, как пряди влажных светлых волос падали на пол.

Медсестра приготовила мыльный раствор, потом взяла бритву и подошла ко мне.

«Она хочет обрить мне голову! Боже, не допусти!»

Комната стала вращаться вокруг меня. Я становилась сонной, вернее, впадала в обморочное состояние — вероятно, началось действие укола. Меня одолел панический страх. «Что если я не проснусь? Никогда не увижу Дика! Катю! Маму и папу! О Боже, мне страшно!»

Затем я услышала высокий пронзительный звук. Сверло! Кто-то крепко держал мне голову, а сверло стало врезаться в череп.

Я видела лица, слышала голоса. Но уже ничто не имело для меня смысла. Комната потемнела, шум прекратился. Впервые после прыжка в воду я почувствовала себя расслабленной и умиротворенной. Мне стало безразлично, что я парализована, что обнажена, что у меня бритая голова, что я лежу на столе. И сверло не казалось мне больше страшным. Я погрузилась в глубокий сон.

* * *

Когда я проснулась, мне все еще слышался звук сверла. Я напряглась, чтобы окончательно стряхнуть сон. Хотела что-то сказать, но не могла произнести ни слова. Попыталась открыть глаза. Комната вращалась.

Шум позади становился отчетливее, но это был не сверлильный аппарат, а всего лишь вентиляционное устройство.

Сознание и зрение прояснились, но все-таки я не могла вспомнить, где нахожусь и почему мной владеет страх перед сверлом. И вдруг я все вспомнила.

Глядя на вентиляционную решетку, на потрескавшуюся потолочную побелку, я попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, что меня окружало, но не могла пошевелиться. Колющая боль с обеих сторон головы ограничивала движения. Вдруг мне представилось, что это из-за отверстий, сделанных в моем черепе. Все-таки изловчившись и глянув в сторону, я увидела большие металлические тиски, прикрепленные к какому-то аппарату. У меня было чувство, словно мне оторвали голову. Потребовалось много сил, как телесных, так и душевных, чтобы вновь начать воспринимать окружающий мир.

В эти первые после операции дни мое сознание было значительно деформировано. Снотворное погружало в мир грез, далеких от реальности. Частые галлюцинации пугали меня. Внешние впечатления, воспоминания и сны смешивались, перепутывались, взаимопроникая друг в друга, так что мне часто казалось, будто я теряю рассудок.

Меня постоянно одолевали видения, вызванные введением наркотиков. Грезилось, будто я вместе с моим другом Джейсом Левертоном нахожусь на какой-то необычной арене. Мы ждем суда. Я, совершенно голая, пытаюсь прикрыть свою наготу. В этом видении я вдруг оказывалась перед какой-то фигурой в ниспадающих одеждах. Я знала: это апостол. Он не произносил ни слова, но мне было ясно, что я осуждена. Внезапно, вытащив острый меч, он отсек мне голову. Это видение постоянно преследовало меня.

Были и другого рода галлюцинации: светящиеся контуры и фигуры вдруг сливались в странные и необычные образы. Я видела «устрашающие» цвета, «мирные» контуры и очертания, а также краски, как бы представляющие чувства, настроения и ощущения.

Громкие стоны других больных пробуждали меня, и видения исчезали. Я пробудилась. Лежа лицом вниз, я старалась припомнить, сколько времени прошло с того момента, когда я потеряла сознание, как я оказалась в таком положении? Тиски-зажимы находились на прежнем месте и сильно давили на голову, что вызывало острую боль.

Наконец я поняла, что лежу на натянутой на какую-то раму парусине. В ней было отверстие для лица, но я могла видеть только небольшой кусок пола — прямо под собой. В узком пространстве моего поля зрения я увидела ноги в белых туфлях и нейлоновых чулках.

— Сестра, — позвала я.

— Да, я здесь.

— Что... — произнесла я, пытаюсь сформулировать свой вопрос.

— Тише. Постарайся не разговаривать, не напрягайся, — сказала она.

По ее приятному голосу и спокойному обращению я решила, что это не та сестра, которая разрешила мне купальник и обрила голову. Я почувствовала ее руку на своем плече.

— Ты лежишь в реанимации. Тебя прооперировали, ты находишься под заботливым наблюдением. Если можешь, поспи еще. Ни о чем не беспокойся, ладно? — она слегка похлопала меня по плечу.

Пришло успокаивающее сознание, что я обрела чувствительность, только в голове осталось неприят-

ное ощущение: словно клещи врезались в мою плоть и кости.

Постепенно я стала воспринимать окружающее. Мне сказали, что я лежу на особой подвесной кровати между двумя брезентовыми покрывалами, как между двумя половинками сэндвича. Через каждые два часа приходили медсестры и переворачивали меня. Они опускали на меня раму с натянутым брезентом и искусно поворачивали меня вместе с ней, при этом одна из них поддерживала грузы, крепившиеся специальными установками возле моей головы. Потом они вынимали раму, на которой я до того лежала, предварительно убедившись, что я лежу в том положении, в каком должна пробыть следующие два часа. Я поочередно видела то пол, то потолок. Вскоре я узнала, что в реанимационной восемь кроватей и что «реанимация» предназначена для интенсивного ухода за больными. Я прежде никогда не слышала этого выражения, теперь предположила, что оно связано с тяжелыми несчастными случаями. Посетителей впускали раз в час только на пять минут, и притом лишь родственников.

По мере того как проходили минуты, часы, день за днем, я лучше узнавала больных, находившихся со мной в палате. Из обрывков разговоров, распоряжений врачей, каких-то звуков я могла составить определенное представление.

Мужчина на соседней кровати стонал не переставая. Во время утренней пересмены я слышала, как медсестра, дежурившая ночью, шепотом сообщала своей сменщице: «Он застрелил жену, а затем хотел убить и себя. Вероятно, не выдержит — умрет».

Так я смогла понять бряцание цепей: он был прикован наручниками к кровати!

Какая-то женщина тоже стонала всю ночь и умоляла медсестру принести ей сигарету или лед.

Джуди, как и я, молодая девушка, после автомобильной катастрофы потеряла ясность сознания.

Том – молодой человек, с которым при нырянии произошел несчастный случай. Хотя я знала, что Том сломал себе позвоночник, я не приходила на мысль, что и со мной, собственно, случилось то же самое. Никто не сказал мне этого.

Том не мог дышать самостоятельно. Я узнала об этом, когда спросила медсестру, что за своеобразный шум раздается в палате. Она объяснила, что это дыхательный аппарат Тома.

Когда мы узнали о сходстве несчастных случаев, происшедших с нами, мы стали посылать друг другу записки.

Медсестры и посетители писали их под нашу диктовку и служили нам почтальонами.

По ночам, когда дневная лихорадка слегка спадала, я слышала стоны других. Вот тогда-то я и прислушивалась к непрерывному шуму дыхательного аппарата Тома. Я не могла повернуться и взглянуть на него, но этот шум действовал на меня успокаивающе. Мне казалось, что я незримо связана с ним, и я думала о том, как бы Том мог выглядеть. Утром, решила я, попрошу у него фото.

Поздно ночью дыхательный аппарат вдруг стих. Тишина показалась мне громкой, как взрыв. Меня охватила паника, я хотела закричать о помощи, но у меня перехватило дыхание. Я услышала, как медсестры подбежали к кровати Тома.

– Дыхательный аппарат сломался! Неси другой, Далли! – приказал кто-то.

Я слышала шаги по коридору, а затем раздался металлический шум, вызванный удалением кислорода из резервуара.

В комнате для медсестры кто-то по телефону

настойчиво требовал помощи. На несколько минут реанимационная палата уподобилась голубятне. Медсестры и врачи возбужденно бегали взад и вперед. Кто-то из них кричал:

— Где же новый аппарат?

— Может быть, сделать ему искусственное дыхание, доктор? — спросил женский голос.

Моя полная неподвижность не позволяла мне повернуться. Я лежала, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами.

— Санитар побежал вниз, чтобы принести новый дыхательный аппарат.

— Дышите рот в рот! Мы обязаны сохранить ему жизнь, пока... — мужской голос умолк. Я слышала, как в коридоре раскрылись и захлопнулись двери лифта, затем шум шагов и звук приборов. Шум достиг нашей палаты, я услышала вздох облегчения, а кто-то сказал:

— У меня прибор, освободите, пожалуйста, для него место.

Но затем, к своему ужасу, я услышала холодное возражение:

— Оставьте, уже поздно. Он мертв.

Я почувствовала, как мурашки побежали по моему шее и плечам. С возрастающим ужасом я поняла, что они говорят не о каком-то неизвестном мне больном, а о Томе. Том был мертв! Мне хотелось кричать, но я не выдавила из себя ни звука.

Этой ночью я боялась уснуть, меня одолевал страх, что я не проснусь.

Охвативший меня ужас не прошел и на другой день. Я скорбела о человеке, которого знала только по запискам, а затем стала размышлять о своем собственном положении. Правда, я не нуждалась в дыхательном аппарате, чтобы дышать, но зависела от внутри-

венных вливаний, дававших моему телу питание, от катетера, который удалял из тела продукты распада. Что случится, если что-то откажет? Что, если ослабнут тиски, держащие голову? Что будет, если... Меня одолевали тысячи страхов.

Двумя днями позже в реанимацию поступил мужчина, у которого тоже была травма, схожая с моей. Его положили на такую же кровать под кислородный колпак.

Боковым зрением я видела, как выглядит, собственно, эта кровать. Ведь своей собственной я не могла видеть, а только понимала, что происходит, когда меня переворачивали: два часа лицом вверх, два — вниз. Мне казалось, что мы, как бараны, которых переворачивают на вертеле. Всякий раз, когда меня поворачивали, я приходила в ужас.

Новый пациент был таким же боязливым, как я. Когда санитары хотели его однажды повернуть, он с отчаянием воскликнул:

— Нет, прошу вас, не переворачивайте меня! Когда вы меня переворачивали последний раз, я не мог дышать. Пожалуйста, не переворачивайте!

— Дорогой, но ведь все в порядке. С вами ничего не случится. Мы должны повернуть вас. Ты готов, Майк? Когда скажу «три», повернем.

— Нет, прошу вас, нет! Я не могу дышать! Я уверен, что потеряю сознание!

— Все в порядке, не волнуйтесь. — Они укрепили кислородный колпак и ушли.

Слыша тяжелое дыхание этого человека, я молилась о том, чтобы скорее миновали эти два часа: и ради него, и ради себя.

Вдруг дыхание прервалось.

Опять началась лихорадочная суета, медсестры и помощники делали что могли. Но было поздно. Умер еще один.

Горячие слезы катились по моим щекам. Страх и отчаяние — мои постоянные спутники первых дней в реанимации — снова настигли меня. С возрастающим ужасом я все более сознавала, что реанимационная палата — это комната смерти. Я чувствовала, что моя собственная жизнь висит на волоске, и то, что я еще жива, — это не само собой разумеющееся, как я думала до сих пор.

А вскоре, когда меня в очередной раз переворачивали, я тоже потеряла сознание и перестала дышать. Однако через несколько минут меня оживили.

Медицинские средства и отличный уход все-таки действовали успокоительно.

— Мы будем хорошо смотреть за тобой, Джони, — сказал один из врачей.

Тем не менее каждое переворачивание приводило меня в ужас, хотя я видела, что сестры и помощники делают это с большей, нежели прежде, осторожностью, по крайней мере мне так казалось.

Я вдруг ощутила, как холодно в реанимационной. Пациенты, будучи большую часть времени в бессознательном состоянии, не чувствовали этого холода, а на меня он стал действовать отрицательно. Я начала опасаться простуды. Кто-то однажды заметил, что простуда может быть для меня столь же опасной, как и заражение крови, часто происходящее в случаях, сходных с моим.

Оказывается, существовало множество причин, вызывавших опасения. Я ни в чем не могла увидеть даже проблеска надежды.

Врачи делали осмотр ежедневно. Иногда они совместно обсуждали мой случай.

— У нее тетраплегия, — объяснил один из них коллегам, — вызванная диагональным переломом на уровне четвертого и пятого позвонков.

Я знала, что неподвижна, только не знала, по какой причине. И не представляла, сколько все это будет длиться. Никто не объяснил мне суть моей травмы.

Медсестры говорили: «Спроси врачей».

Врачи говорили: «О, тебе уже лучше, намного лучше».

А меня мучило скверное подозрение, что я сломала шею. Эта мысль наполняла страхом. Меня одолевали четкие воспоминания детства. Это был единственный случай перелома шеи, о котором я слышала. Главный герой романа «Черная красота» упал с лошади и сломал себе шею. Он умер. Вот почему мне хотелось узнать подробнее, что со мной.

Я знала, что нахожусь на смертном одре, предчувствовала, что умру, как Том, как тот, другой, человек. У них были аналогичные травмы. А потому я думала, что врачи не отвергают возможности моей смерти, они лишь боятся сказать мне об этом.

2

Проходили дни. Они были отмечены постоянно возвращающимися галлюцинациями и неудобствами моего заточения между брезентовыми полотнищами и металлическими тисками, держащими голову. Я пришла к заключению, что, возможно, не умру. В то время как другие пациенты реанимационной либо умирали, либо поправлялись настолько, что их отправляли в обычный госпиталь, я все еще оставалась здесь. Мне не становилось ни лучше, ни хуже. Чтобы избавиться от мучительных галлюцинаций, после которых я пробуждалась вся в поту, я пыталась размыш-

лять о тех событиях, которые происходили в моей жизни до несчастного случая.

Я жила весьма счастливо в кругу друзей и домашних. Никого из нас никогда не постигали удары судьбы; насколько я помнила, в нашей семье всегда царили счастье и покой, всегда грело солнце.

Причиной этого, вероятно, был отец, в честь которого назвали меня. Родившись в 1900 году, он впитал все лучшее, что отличало как прошлый, так и нынешний век. Он был неисправимым романтиком и творчески сложившимся художником, и при этом отлично разбирался в технике. Его отец торговал углем, а сам он после окончания школы был вынужден работать на конюшне.

Пройдя, как он выражался, «суровую школу жизни», он вынес из нее много ценного и полезного. Его всегда притягивали необычные и трудные задачи, потому что он был убежден, что, решая их, можно многому научиться. Особенно высоко ценил он твердость характера, личную гармонию и душевный опыт. Человека, обладающего этими качествами и способного передать их своим детям, отец считал достойным уважения.

Мой отец пытал счастье во многом, начиная от профессии моряка и кончая собственным «родео» — циркообразным манежем, в котором объезжали диких лошадей. Увлекался он лошадьми, живописью, архитектурой, ваянием. Его работы украшают буквально все стены и полки в нашем доме.

Как-то я спросила отца: «Как ты, наряду со своей основной работой, еще выкраиваешь время, чтобы мастерить, рисовать, заниматься лошадьми и делать многое другое?»

Он посмотрел на меня смеющимися голубыми глазами и сказал: «Дорогая, все началось во времена безработицы. Никто не работал, большинство сидели,

вздыхая и сострадая друг другу. А я? Я ведь мог воспользоваться своими руками! Резать по дереву — не сложно, и я делал всевозможные предметы из выброшенных деревянных вещей. Таким образом я зарабатывал во времена безработицы, и эта привычка мастерить осталась у меня навсегда».

Во времена этих бедственных лет случилось так, что отец стал даже членом олимпийской команды по борьбе. Он был национальным чемпионом Американского атлетического союза, пятикратным победителем национальных соревнований по борьбе среди христианской молодежи и в 1932 году стал чемпионом олимпийской команды США. Вот тогда он получил травму, от которой и сегодня подчас страдает.

В молодости он принимал активное участие в церковной жизни. В двадцатилетнем возрасте он работал с молодежью церкви, которая его любовно звала «капитаном Джоном». Он руководил молодежным палаточным лагерем, организовывал с молодыми людьми походы по выходным дням и путешествия во время каникул. У отца был старый грузовичок, на котором они перевозили спальные мешки, походную печь, туристские принадлежности. Это были чудные времена, запомнившиеся тогдашней молодежи на всю жизнь.

Одна молодая дама была под особым впечатлением от «капитана Джона». Это была бодрая и энергичная Маргарет Линди, чья тяга к игре и спорту импонировала «капитану Джону». Вскоре они полюбили друг друга. Их встречи бывали даже чересчур оживленными, потому что Джон приводил с собой всю юношескую команду.

Из любви к нашей будущей матери «капитан Джон» трудился не покладая рук и построил дом в качестве подарка будущей жене к свадьбе. В поисках строительного материала отец исколесил на своем грузови-

чке едва ли не всю округу. Он обнаружил старый парусник, балки которого пошли под фундамент и чердачные перекрытия.

Однажды он проезжал мимо рабочих, разбиравших каменную стену.

— Что вы собираетесь делать с камнями? — спросил он.

— Как что?

— Я охотно забрал бы их, — сказал отец.

— О`кей, — пробормотал бригадир. — Только смотрите, чтобы к пятнице вы все увезли. У нас впереди уйма работы.

— Хорошо! — обрадовался отец.

Он приступил к тяжелой работе в одиночку: грузил и увозил камни, большинство которых весило больше центнера. Он сделал множество рейсов и перевез весь строительный материал. Сегодня два больших великолепных камина в нашем доме являются памятником этому труду.

Наконец дом его мечты был готов, и он ввел в него свою невесту. В этом доме они живут и по сей день.

Неменьший активный интерес и деловитость проявлял отец во всей своей деятельности. Много лет назад он открыл собственную фирму по изготовлению половых настилов. Он сказал как-то: «Я слишком самостоятелен, чтобы работать на кого-то, и слишком люблю семью, чтобы связывать себя распорядком времени и интересами других лиц. Будучи же сам себе хозяином, мне не нужно ни у кого спрашивать разрешения, если потребуется свободный день, чтобы поехать с семьей на море или просто побыть вместе. Я просто вывешу объявление на двери, замкну ее и уеду».

Мы так и делали. Во время каникул мы часто отправлялись в походы и путешествия. При этом мы испытывали так много радости, что даже не ощущали

их воспитательного значения. Отец знакомил нас с географией и геологией. Он показывал следы различных животных, учил распознавать их голоса и привычки — словом, рассказывал нам о том, чего никогда не встретишь и не услышишь в городе.

С детства он научил нас ездить верхом на лошади. В два года я уже держалась в седле.

Отец часто даже хвалился: «Помнишь, Джони, как наша семья проделывала верхом путь в сотни миль? Это был путь от Ларами в Шайенн в Вайоминге. Помнишь ли ты это, Джони? Тебе было тогда четыре года, и ты была самой младшей из совершивших эту поездку в Шайенн».

Когда мы стали постарше, отец взял нас в поездку в Скалистые горы. Видя эту первозданную красоту, мы были охвачены глубочайшим благоговением перед Богом и Его творением.

Отец научил нас искусно и грациозно ездить на лошадях.

«При верховой езде старайся следовать ритму лошади, — часто поучал он. — Обычно все начинающие не умеют сочетать ритм собственных движений с движениями лошади. Ты должна плавно ехать, твои движения должны слиться с движениями лошади».

Отец всегда был уравновешен и дружелюбен. Ничто и никто не могли вывести его из равновесия. Ни разу за все годы детства и юности я не видела, чтобы он потерял терпение. Именно поэтому мы и старались своим поведением не причинять отцу огорчений. Мы не совершали дурных поступков, потому что всегда спрашивали себя: «Как к этому отнесется папа?» И никогда не делали того, что казалось нам сомнительным или ошибочным.

Когда отцу разрешили ненадолго приходиться ко мне в реанимационную, а потом в больницу, он неизмен-

но привносил атмосферу бодрости. Но как он ни стремился к непринужденности, к уверенности, как ни пытался изобразить надежду, его усталые голубые глаза, прежде столь ясные и улыбочивые, говорили мне о его нервозности. Дрожь обветренных рук выдавала его подлинные чувства. Он стал казаться опасливым, угнетенным... Дочь, которую он так любил, которую назвал своим именем, теперь беспомощно лежала между двумя брезентовыми полотнищами с присоединенными капельницами и катетером...

Для него, который всю жизнь занимался спортом и жил среди природы, больница была самым неподходящим местом. Потому-то ему и было так трудно скрыть тревогу и беспокойство.

Мне больно было видеть, как подействовало на него мое несчастье. «Почему, Боже, — задавалась я вопросом, — почему же Ты допустил это?»

Наша мать, с ее сильным характером и добросердечным нравом, как и отец, заботилась о том, чтобы у нас была счастливая домашняя атмосфера. Она любила жизнь на свежем воздухе, спортивные соревнования и во всем разделяла интересы отца. Она научила нас, девочек, играть в теннис. Плавание и путешествия были увлечениями всей семьи. Мои родители редко расходились во мнениях, их взаимная любовь, сообщая нам чувство уверенности и общности, проявлялась и в нашей жизни. Мать не отходила от меня в больнице, пока не убедилась, что опасность для моей жизни миновала. В течение первых четырех дней она неотступно была рядом, оставляя меня совсем ненадолго, чтобы немножко подремать на диване в комнате для посетителей.

В нашей семье царило взаимопонимание, и мои сестры разделяли заботы родителей. Кате было двадцать лет. Она была темноволосая, красивая и немнож-

ко робкая. Это она вытащила меня из воды и спасла жизнь.

Джей, моей самой любимой сестре, в это время исполнилось 23 года. Она была тихой и грациозной, солнце и вода слегка отбелили ее длинные светлые волосы. Замужняя Джей была матерью маленькой девочки по имени Кей. Несмотря на семейные обязанности, она находила время навещать меня. Если в это время мне приходилось лежать лицом вниз, она ложилась на пол и разворачивала передо мной журналы, которые мы вместе читали. Она попыталась даже украсить цветами мой уголок в палате, хотя их вскоре пришлось убрать.

Линда — моя самая старшая сестра — была замужем и имела троих детей. С ней я не была так близка, как с Катей и Джей.

Воспоминания о прекрасных годах, прожитых среди близких, помогали мне хоть как-то забывать о болях и галлюцинациях. Я вспоминала и пору моей учебы в гимназии, те дружеские отношения, которые существовали там.

Наша гимназия располагалась в красивом месте в пригороде Балтимора. Двухэтажное каменное строение хорошо вписывалось в пейзаж. Дорожки были обсажены деревьями. Маленький ручей вился меж близлежащих лугов. Часто на уроках рисования мы делали зарисовки школьных строений. За школой располагались спортивные площадки, бейсбольное поле, теннисный корт и поле для лакросса. Лакросс, американская игра в мяч, — мой любимый вид спорта; меня даже выбрали капитаном команды девушек. В последний учебный год для меня это значило гораздо больше, чем быть в числе лучших учениц.

На второй год учебы в гимназии я завязала контакты с организацией «Молодая жизнь» — это было рели-

гиозное движение, членами которого были в основном учащиеся гимназии. Мне нравилось, что большинство лучших учеников были христианами, принадлежавшими к организации «Молодая жизнь», а потому и мне хотелось вступить в нее, особенно когда я услышала о «фантастических» каникулах, которые проводят члены организации.

«Мамочка, — умоляла я, — ты должна разрешить мне вступить в нее. Ну, пожалуйста!»

Мне исполнилось пятнадцать лет, я была молоденькой девушкой, ищущей смысла жизни и стремившейся стать личностью.

Очередное собрание «Молодой жизни» состоялось в Нейчерел Бридж, в штате Виргиния. Местная молодежь встретила в маленькой церкви, чтобы провести вместе уик-энд, заняться спортом, игрой и изучением Библии. Мы хотели лучше узнать, что говорится в Библии об отношении к Богу.

Карл Нельсон, руководитель «Молодой жизни», сказал нам, что Евангелие начинается повествованием о славе Божьей и Его праведности. «Праведность Божья выражена в Десяти заповедях», — сказал Карл, открыл Библию и прочел: «Ибо законом познается грех». А потому людям, — продолжал он, — даже стараясь не переступать запреты и выполняя заповеди, не легко заслужить себе Небеса. Практически невозможно полностью исполнить закон, дарованный Богом».

После доклада я пошла прогуляться, подышать вечерним осенним воздухом. Неужели я грешница? Собственно, я никогда точно не понимала, что это значит. Теперь же — в свете святости Божьей — мне стала понятна моя строптивость. Я знала, что грешна, что погибла, хотя это и звучало весьма странно. «Следовательно, размышляя логически, я не в состоянии спасти себя. Тогда кто же?..»

Вдруг меня озарило — все, что Карл пытался нам разъяснить, приобрело смысл. Вот почему пришел Иисус, Сын Божий! «Он был Богом и одновременно Человеком. Поэтому Он мог исполнить закон и вести безгрешную жизнь. Он взял на себя наши грехи и понес за них наказание — умер на кресте». Я четко вспомнила слова Карла.

Я села, прислонясь к дереву, и смотрела на тихое и бездонное звездное небо, ожидая увидеть что-то там вверху, хотя и не знала, что именно. На меня глядели мерцающие крупицы. Я смотрела вверх, и меня одолевала любовь Божья. Я закрыла глаза. «О Боже, я вижу свои грехи, но я вижу также и Твое милосердие. Благодарю Тебя, что Ты послал Сына Своего Иисуса, чтобы Он умер за меня. Отныне я не хочу делать то, что огорчает Тебя. Вместо своеволия я бы хотела, чтобы Христос вошел в мое сердце и направлял меня. Благодарю Тебя за то, что Ты избавил меня от греха и даровал вечную жизнь».

Я поднялась и побежала в нашу комнату, спеша рассказать Джеки, своей подруге, что Бог искупил и мою вину. В детстве и юности я постоянно слышала о любви Божьей. Мать и отец были верующими и членами реформистской епископальной церкви в Катовилле. Однако в пору юности я искала разнообразия, так что у меня не было времени для Бога. Я пыталась понять, в чем заключается смысл моей жизни. Вначале я думала, что достаточно быть любимой и беседовать с юношами. Затем я надеялась найти себя в спорте. Но теперь поиски кончились. Звенья головоломки соединились и приобрели определенный смысл. Иисус, Сын Божий, пришел в мир, чтобы превратить меня в личность, чтобы сделать меня чадом Божиим.

В ту ночь глубокая радость охватила меня — я приняла Иисуса Христа в свое сердце и в свою жизнь! Я

тогда еще многого не понимала, но позже мне доведется узнать, как Бог терпелив, любвеобилен и милостив, прощая нам ошибки. В те дни мне стало ясно, что я грешница. Ни я и никто другой не может исполнить закон Божий, и поэтому Бог отдал Сына Своего Иисуса Христа на смерть за меня и за всех грешников. И сознание того, что Иисус умер за мое искупление, было самым захватывающим и важным моментом в моей жизни.

Затем я услышала и о другом интересном понятии — «о жизни с избытком». Наш руководитель объяснил нам, что Иисус пришел не только для того, чтобы умереть за наши грехи, но и затем, чтобы даровать нам «жизнь с избытком» (Ин. 10:10). В моем детском уме «жизнь с избытком» означала отказ от трудностей, возможность быть любимой, радоваться и хорошо учиться.

Ясно, что мое понимание «жизни с избытком» было ошибочным, однако вплоть до третьего года учебы в гимназии эти представления жили во мне достаточно прочно. Как новоиспеченная христианка я ожидала обретения уверенности, познания смысла жизни, надеялась на достижение тех целей, которые ставила себе в духовной жизни. Я решила регулярно посещать богослужения, петь в хоре и выполнять разные поручения в «Молодой жизни». Мои устремления сосредоточились на чем-то внешнем, они были недостаточно обращены к Богу. Жизнь моя вращалась вокруг преходящих ценностей, вокруг собственного «я».

Приблизительно в это время я познакомилась с Джейсоном Левертоном, статным и спортивным парнем приятной наружности. За успехи в соревнованиях по борьбе его, широкоплечего, темноглазого, светловолосого, товарищи прозвали «Белокурая молния». Мы подружились и на всех школьных мероприятиях были рядом.

Мой отец особенно любил Джейсона за его живой интерес к спортивной борьбе. Я уже не удивлялась тому, что рядом с Джейсоном, когда он появлялся у нас, играла вторую скрипку. Очень часто отец с Джейсоном схватывались в дружеском поединке, чтобы продемонстрировать необычные приемы.

Мне было очень хорошо с Джейсоном. Мы делились своими тайнами, обсуждали учебные планы, предполагали вместе продолжить учебу в колледже, а затем, возможно, и пожениться.

У нас было излюбленное место встречи — недалеко от вновь заложеного парка, где мы гуляли и о всевозможном говорили.

Джейсон тоже был членом «Молодой жизни», и мы часто обменивались духовными впечатлениями, находили время для совместной молитвы.

Когда наши отношения с Джейсоном стали интимнее, возникли настоящие проблемы. Мы учились в последнем классе гимназии и знали, что существует определенный предел, ограничивающий взаимные проявления любви, однако ни у одного из нас не было достаточно сил, чтобы справиться с искушением.

Мы часто катались на лошадях или отправлялись на автомобилях на прогулки. Как правило, нашей целью была красивая лужайка, живописно окруженная лесом под темно-голубым небом, по которому плыли великолепные летние облака. Эта природа, ее звуки, запахи действовали на нас романтически и возбуждающе. Прежде, чем мы поняли, что случилось, наши невинные юные изъявления любви — пожатия рук, объятия, поцелуи — высвободили такие чувства, с которыми мы уже не могли справиться. Мы пытались сдерживаться, однако, оставаясь наедине, заключали друг друга в объятия. Недостаток самообладания причинял нам много бед.

— Джейсон, почему мы не можем остановиться? Что с нами случилось? — спросила я его однажды вечером.

— Не понимаю. Я знаю, что наши отношения не должны заходить так далеко, но...

— Джейсон, нам нужно на некоторое время прекратить наши встречи. Другого выхода нет. Я не могу остановиться. И ты тоже. Если наше покаяние действительно истинно и серьезно, тогда мы обязаны хотя бы временно отказаться от наших встреч, чтобы избежать искушения.

Джейсон мгновение помолчал, а потом согласился со мной:

— Может быть, нам и не следует...

Затем он предложил мне подружиться с его приятелем Диком Филбертом, весьма глубоким и зрелым христианином. Но если уж дружить с кем-то, то действительно лучше с его товарищем. И все-таки мы сохранили косвенный контакт друг с другом.

Дик был высоким, подтянутым и выглядел так же хорошо, как и Джейсон. Но на этом и кончалось их сходство. Дик был тихим, робким и весьма красноречивым. Все в нем дышало непринужденностью, вплоть до старых джинсов и мокасин. Он как будто излучал добродушие. Светлые голубые глаза Дика успокаивали мои душевные бури, его присутствие было сильной опорой, за которую я могла ухватиться во времена бедствий.

В последний учебный год я делила время между Джейсоном и Диком. Я пыталась не вызывать в них романтических чувств, а обращаться с каждым, как с хорошим и верным другом.

Благодаря успехам в школе меня приняли на осенний семестр в колледж в Западном Мэриленде. Жизнь моя, казалось, протекала по строго определенному руслу, но это только казалось.

Я вспоминаю, как однажды утром уже после окончания школы, лежа в постели, я напряженно размышляла о своей судьбе. Лучи летнего солнца струились сквозь листву в комнату, рассыпаясь мерцающими зайчиками по розоватым обоям. Когда отец строил свой дом-мечту, он не забыл и о таких мелочах, как маленькие круглые окошечки «бычий глаз» у моей кровати. Можно было лишь слегка повернуться на постели, чтобы глянуть наружу.

Было еще рано, но я встала и быстро натянула джинсы и пуловер.

Когда я одевалась, мой взгляд еще раз остановился на дипломной папке из черной кожи, лежавшей на туалетном столике. Я тронула пальцами узор из вычурных готических знаков, воспроизводивших название школы и школьный герб. Всего несколько дней назад, облачившись в мантию и берет, я торжественно вошла в актовЫй зал, где мне вручили этот диплом.

— Джони, завтрак готов! — голос матери оторвал меня от воспоминаний.

— Иду! — крикнула я, мигом спустилась по лестнице и придвинула стул к столу.

— Ты собираешься после церкви на ранчо, Джони? — спросила мать.

— Да, конечно. Перекати-Поле готова для летней езды, но я хотела бы еще немножко объездить ее.

Ранчо — наша семейная ферма, располагавшаяся в двадцати километрах от города, на гребне горы, с которой открывался великолепный вид на долину. Наша ферма была окружена землей, принадлежавшей национальному парку.

Когда я приехала туда, солнце стояло уже высоко, навстречу мне доносился запах свежескошенного сена. По цветам, покрывавшим луга и склоны, от ветра пробегала рябь.

Тихо и счастливо напевая, я оседлала лошадку Перекати-Поле и вскочила на нее.

Как хорошо вдали от городского шума и загрязненного воздуха! В течение всего лета Балтимор страдает от смога и влажной духоты, идущей на город из Чесапикской бухты. Здесь, в нашем маленьком собственном раю, мы могли неограниченно наслаждаться летом, солнцем и свежим воздухом.

Я прищпорила пятками Перекати-Поле. Собственно, она не нуждалась в этом повелении, она и без того знала, что здесь достаточно места для неспешной рыси. Гнедая кобыла размеренно несла меня по неутоптанной дороге.

Когда мы выехали в поле, я еще раз ударила ее пятками. Здесь было сооружено несколько искусственных препятствий. Легким галопом мы приблизились к первому из них — деревянному барьеру высотой около метра и двадцати сантиметров. Я крепко сидела на лошади и чувствовала ее мягкий точный шаг.

Опытный всадник инстинктивно чувствует, когда лошадь готовится к прыжку. Перекати-Поле имела соответствующую сноровку, и я тоже. Мы уже завоевали всевозможные медали и награды. Я хорошо знала звук подков и чувствовала ритм, когда она брала препятствия.

Лошадь мягко взмыла вверх, и тотчас же мы оказались по другую сторону препятствия.

Миг в воздухе был подобен полету. Каждый раз я чувствовала при этом необычайную радость.

...После нескольких пробежек с барьерами Перекати-Поле покрывалась потом. Я сдержала ее и медленной рысью отправилась к конюшне.

— Джони!

Я оглянулась и увидела, что отец скачет по полю в

моем направлении на своем сером мерине. Улыбаясь, он остановил коня:

— Я видел, как она прыгала, Джони. Она в прекрасной форме, на следующей неделе на скачках вы возьмете все медали.

— Если да, то лишь потому, что ты научил меня всему необходимому для этого, — ответила я.

Когда мы с отцом на конюшне расседлали лошадей и, похлопав каждую ладонью, отпустили, было уже половина пятого.

— Давай поспешим, а то опоздаем к ужину, — торопил меня отец.

Позже я часто вспоминала тот славный день, когда сидела на спине Перекати-Поля. Однако внутренне я ощущала какой-то дискомфорт. «Что же мне делать, Господи? — думала я. — Я счастлива, довольна и благодарна за все доброе, что Ты посылаешь мне, но я знаю, что внутри у меня, где-то в глубине, не все благополучно. Я думаю, что действительно теперь нуждаюсь в Тебе, чтобы Ты как-то направил мою жизнь».

Когда я размышляла о своих духовных «достижениях» в минувшие годы, то вынуждена была признаться, что не намного продвинулась вперед. Да, мы расстались с Джейсоном. Дик во всех отношениях более соответствовал мне. Но я все еще грешила. Место «похоти плоти» заняли теперь «грехи чувств»: мое поведение во многом определяли злоба, неудовлетворенность, гнев, алчность.

В последние годы в школе я обленилась. Моя успеваемость ухудшилась, что раздражало родителей. У меня не было цели, и из-за этого я недостаточно работала. Мне стало ясно, что в течение двух последних лет, несмотря на то, что я стала христианкой, я достигла немногого. Мне даже казалось, что, чем больше

я старалась исправиться, тем больше становилась рабой своих желаний.

И вот тогда я обратилась к Богу: «Господи, если Ты действительно существуешь, сделай что-то в моей жизни, что укрепило бы меня, изменило бы и перевоспитало. Ты ведь знаешь, как слаба я оказалась в отношениях с Джейсоном, как самолюбиво и ревниво я веду себя по отношению к Дику. Мне нетерпима эта мнимая святость! Я бы хотела, чтобы Ты серьезно вмешался в мою жизнь и начал Свое действие. Не знаю, как, я даже еще не уверена, что Ты это можешь. Но я умоляю Тебя, начни что-то делать с моей жизнью. Соверши в ней поворот!»

Так я молилась незадолго до этого несчастного случая. И вот теперь, заключенная в кровати-сандвиче, я думала: «Неужели Бог мог так ответить на мою молитву?»

3

— В Библии сказано: «Любящим Бога... все содействует ко благу». Это верно и в отношении тебя и твоего несчастного случая, Джони, — Дик пытался утешить меня, но я не совсем внимательно его слушала.

— Я лежу здесь, в этой отвратительной больнице, уже месяц, — жаловалась я, — и не вижу в этом ничего положительного. По ночам не сплю из-за бреда и галлюцинаций. Торчу в этой глупой кровати. Что тут хорошего? Ну скажи, Дик, что в этом хорошего?

— Не знаю, Джони. Но думаю, что нам следует положиться на волю Божию. Нам ведь необходимо доверять Ему, верить, что здесь действительно заключает-

ся какое-то благо, — отвечал Дик спокойно и терпеливо. — Хочешь, я прочту тебе о чем-то другом?

— Нет. Извини, пожалуйста. Я не хотела бы разговаривать с тобой таким образом. Я думаю, что просто не так уповаю на Господа, как надо. Как ты думаешь?

Дик лежал на полу под моей кроватью и смотрел на меня. Его глаза выражали неопишемую печаль и страдание. Он моргнул и отвернулся.

— Пока, — сказал он наконец. — Я пойду, хорошо?

Дик был обязателен в своих посещениях, так же, как и отец, мать, Джеки и Джей, без которых я не могла обходиться в те первые горькие недели в больнице. Другие, например, Джейсон, тоже приходили, когда могли; больничные персонал уже смеялся от такого обилия «племянников» и «кузин», а правило «пять минут и только для родственников» часто нарушалось.

Когда приходили отец с матерью, я всегда просила кого-то, чтобы меня повернули лицом вверх. Они же шутили по этому поводу и ложились на пол, когда я лежала лицом вниз, а мне было очень стыдно, что им необходимо было становиться на четвереньки, а затем ползти под «кровать», чтобы посмотреть мне в лицо. Тогда я особенно старалась пробудить в них уверенность и надежду.

Когда я размышляла о своем горе, мне становилось легче, чем когда я начинала думать о других пациентах палаты, которым было еще хуже, и я пыталась справиться с силами, чтобы немного воодушевить навещавших меня. Старалась я быть приветливее и с больничным персоналом.

Однако нельзя было сказать, что изменилась моя сущность. Меня просто одолевал страх, что меня перестанут навещать, если я буду полна горечи и скорби. Поэтому я старалась быть веселой и радостной.

— Дорогая моя, сегодня ты в хорошем настроении, — заметила как-то утром Анита, одна из медсестер дневной смены.

— Да, а почему бы и нет? Сегодня ведь такой чудный день.

— Сегодня идет дождь!

— Но не на меня. Я здесь как сыр в масле, — сказала я, поддразнивая ее.

— Прийти к тебе попозже?

— Неужели можешь? Это было бы прекрасно, Анита.

Хотя Анита работала в другом отделении, она проявляла ко мне особый интерес. Мы часто проводили вместе обеденный перерыв, она читала стихи или просто разговаривала со мной.

Я уже давно лежала в реанимации и подружилась со многими медсестрами. Постепенно я все более привыкала к больничной рутине. Так как порой приходилось нарушать некоторые установленные в больнице правила, когда меня навещали, я, в свою очередь, старалась не замечать оплошностей больничного персонала.

Анита похлопала меня по плечу и сказала:

— Приду позже.

Я слышала ее удаляющиеся шаги по выложенному плиткой коридору.

После ее ухода меня навестил Джейсон.

— Здравствуй, милая, — улыбнулся он. — Когда же, наконец, ты выйдешь отсюда?

— Мое пребывание здесь на некоторое время еще продлится, — ответила я. — Думаю, что для меня это будет хорошим уроком. Дик говорит, что Бог трудится надо мной.

— Все это не имеет ничего общего с Богом! Ты сломала себе шею — и баста! Ты не должна просто сказать:

«Такова воля Божья!» — и на этом успокоиться. Тебе надо бороться за себя, Джони, — решительным тоном сказал Джейсон.

Он смотрел на меня и не знал, что же ему еще сказать. С тех пор, как мы решились на некоторое время охладить наши отношения, наша дружба стала ровнее. Теперь он давал мне понять, если не словами, то выражением лица и поглаживанием моих плеч, что очень много думает обо мне.

— Мы должны бороться, Джони. Ты должна опять стать здоровой, слышишь? — Он осекся. — Забудь об этой чепухе, будто ты лежишь здесь по воле Божьей. Борись против всего этого, слышишь? — Он произнес слова тихо и медленно, чтобы придать им больше значения, а затем вдруг сказал: — Нет, это просто невысказанно. Как Бог — если только Он существует — мог допустить подобное?

Этот ход мыслей был первым шагом, отдалившим Джейсона от Бога, началом его неверия и убеждением, что мое несчастье — лишь результат слепого случая.

— Я знаю, что так может казаться, Джейсон. Но вот Дик говорит, что у Бога есть на это Свои причины.

После его ухода я опять уставилась в потолок. Уже миновал месяц, а я все еще была здесь. В чем же дело?.. — размышляла я.

— Здравствуй, девочка! Как поживает моя самая любимая пациентка?

Я не могла еще видеть его, но уже узнала голос доктора Харриса.

Высокого роста, рыжеволосый, он, наконец, оказался в поле моего обозрения. Я улыбнулась и поприветствовала его.

Доктор Харрис как раз работал в тот вечер, когда я поступила в шоковое и травматологическое отделение. С тех пор он проявлял ко мне личную заинтере-

сованность, внимательно наблюдая за мной. Меня немножко забавлял его шотландский акцент.

Он взял мою руку в свою и посмотрел на нее.

– Ну что ж, дело идет на поправку. Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше?

– Не знаю. А что со мной, доктор Харрис? Сестры молчат, а доктор Шерилл все время говорит на своем профессиональном языке. Пожалуйста, скажите мне, когда же я смогу вернуться домой?

– Ну, дорогуша, точно я не могу тебе сказать. Я ведь не так хорошо знаком с историей твоей болезни, как доктор Шерилл. Я только...

– Доктор Харрис, вы лукавите, – прервала я его. – Вы знаете. Скажите же мне!

Положив мою руку, он какое-то мгновение смотрел в сторону, пытаясь придать своему лицу приятное выражение.

– Я скажу тебе, но предварительно переговорю с доктором Шериллом. Я попрошу его рассказать тебе всю эту историю простым языком. Согласна?

Я улыбнулась:

– Это уже звучит лучше. Я считаю, что имею право знать все, не так ли?

Доктор Харрис кивнул, как будто хотел еще что-то сказать, но затем улыбнулся, словно ему на ум пришло нечто лучшее.

Через день меня навестил Дик. На нем была куртка, что в августе казалось странноватым.

– Я пробежал вверх все девять этажей, – сказал он.

– Почему же ты не воспользовался лифтом?

– Вот причина, – ответил он и расстегнул куртку.

Оттуда вылезла крошечная юркая собачка. Дик лег на пол под моей кроватью, собачка лизала его лицо и тихонько тявкала. Мы испугались, что она поднимет на ноги всю больницу.

— Ну успокойся, моя малышка! Неужели ты хочешь, чтобы нас прогнали отсюда? — уговаривал песика Дик.

Он поднес собачку к моему лицу. Я почувствовала теплоту и влажность песьего языка, облизавшего мне лицо.

— О Дик, как же это прекрасно! Я так рада, что ты купил собаку.

— Мне кажется, я что-то слышу! — воскликнула вдруг одна из медсестер с наигранным возмущением. — Как же вы протащили псину мимо вахтеров?

— Я поднялся по лестнице запасного входа. Но вы же нас не выдадите?

— Кто? Я? — Она нагнулась, прижала собачку к себе, а затем вернула ее. — Я ничего не вижу, ничего не знаю, — сказала она и занялась своими обязанностями.

Мы с Диком около часа играли с собачкой, и никто этого «не замечал».

— Я опять воспользуюсь запасным входом, — сказал он, уходя, — иначе в следующий раз они подвергнут меня личному досмотру.

Мы рассмеялись, и Дик ушел, пряча собачку у себя под курткой.

* * *

На следующий день меня повезли в рентгеновский кабинет делать снимок. Необходимо было заснять шейные позвонки. Снимок сделали быстро и ловко. Но процедура миелограммы прошла не так просто и не столь безболезненно. Пришлось брать спинно-мозговую жидкость. Для этой цели воспользовались двумя иглами длиной в пятнадцать сантиметров. В часть полученной спинно-мозговой жидкости накапали какое-то красящее вещество.

После окончания этой процедуры меня начали по-

ворачивать, фиксируя в различных положениях под флюороскопом, а врачи делали свои наблюдения.

Когда все было кончено, от спинно-мозговой жидкости отделили красящее вещество и вспрыснули ее мне обратно. Эта процедура сопровождалась сильными головными болями. Но избежать ее нельзя было, а потому в течение нескольких последующих дней мне пришлось принимать обезболивающие средства.

Когда позже ко мне подошел мой лечащий врач Шерилл, я спросила:

– Доктор Шерилл, скажите точно, что со мной?

Он ответил без промедления:

– Разве ты не знаешь, Джони? У тебя поврежден позвоночник между четвертым и пятым шейными позвонками – так называемый перелом со смещением.

– Значит, я сломала себе шею?

– Да.

– Доктор, я умру?

– Твой несчастный случай весьма серьезен, – ответил доктор Шерилл. – Но то, что ты прожила уже четыре или пять недель, означает, что кризис, вероятно, уже миновал.

– Но вы не исключаете, что я могу умереть? Во всяком случае, вы думали прежде, что я умру?

– У тебя оказалась очень тяжелая травма. Многие умирают в результате таких несчастных случаев.

Я тотчас же вспомнила Тома и другого человека; обоих их подвергли тому же лечению, что и меня.

– Я думаю, что мне повезло, – заметила я.

– Тебе действительно повезло. Ты очень сильная и волевая. Теперь, когда кризис прошел, я бы хотел, чтобы ты сосредоточила всю свою волю на выздоровлении. Если ты окрепнешь, я смогу сделать тебе еще одну операцию.

— Какую? Только объясните мне это на понятном языке, доктор Шерилл.

— Это будет своего рода «ремонт». Твои позвонки раздвинулись, а мы хотели бы их вновь свести друг с другом.

Опять свести? Мое воображение заработало, хватаясь за это простое объяснение. Значит, я опять смогу двигать руками и ногами.

Дик прав: «Все содействует ко благу». Таково было значение слов в Послании к римлянам (8:28). Скоро я опять буду стоять на ногах!

— Когда же вы хотите меня оперировать?

— Как только будет возможно.

— Великолепно! Тогда давайте!

Я не знала, к каким результатам приводит операция по соединению позвонков. Я полагала, что если свести позвонки, позвоночник окажется в порядке, и все будет, как раньше, — я избавлюсь от своей неподвижности. Однако я просто невнимательно слушала.

После операции меня, к счастью, отправили уже не в реанимацию, а в обычную палату. Я думала, это признак того, что я поправляюсь. Ведь если бы это было не так, меня опять положили бы в реанимационную.

Мать с отцом были уже в палате и очень обрадовались, когда меня привезли из операционной. Пришел и доктор Шерилл.

— Все отлично, — сказал он, угадывая наши вопросы. — Операция прошла успешно.

Все облегченно вздохнули.

— Я бы хотел теперь, чтобы все сосредоточились на следующей ступени выздоровления. Еще многое надлежит сделать. Впереди трудные дни, Джони. Ты должна уяснить себе это и подготовиться. Самая трудная часть борьбы — психологическая. Сейчас все на удивление хорошо. Прежде ты сердилась, отчаивалась, бо-

ялась, но еще никогда не была подавленной. Скоро твои друзья отправятся в колледж, потом они привыкнут к твоему состоянию, и оно станет для них обычным. У твоих друзей появятся новые интересы, и потому они перестанут навещать тебя. Готова ли ты к этому, Джони? К этому лучше всего готовиться заранее. Это время обязательно наступит.

— Я знаю, что надо еще подождать, и я опять буду здорова, — ответила я.

— О каком промежутке времени вы говорите, доктор Шерилл? — спросил отец.

А мать добавила озабоченно:

— Вы говорите о том, что друзья Джони осенью отправятся в колледж. Вы хотите сказать, будто Джони не сможет пойти вместе с ними? Мы уже внесли плату в университет Западного Мэриленда за ее обучение. Неужели нам следует отложить ее поступление до следующего семестра?

— По крайней мере.

— А точнее?

— Вы можете потребовать возвращения внесенной вами суммы. Опасаюсь, что учеба для Джони вообще исключается.

— Вы... вы полагаете, что неизвестно, когда Джони опять сможет ходить?

— Ходить? Боюсь, что вы неправильно меня поняли, господин Эрексон. Увечье Джони непоправимо. Операция в этом отношении ничего не изменила.

Слово «непоправимо» разорвалось в моем сознании, словно бомба.

Я поняла, что мать и отец сегодня впервые узнали об этом. Или они были слишком легковверны, или врачи в своих объяснениях не были вполне определенны. А может быть, и то и другое.

На какое-то мгновение в палате воцарилось мучи-

тельная тишина. Никто из нас не решался проявить хоть как-то свои чувства из страха, что он может ранить и огорчить другого.

Тем не менее доктор Шерилл попытался несколько ободрить нас:

— Джони никогда уже не сможет ходить, но мы надеемся, что она опять будет владеть руками. Многие люди проводят весьма полезную и осмысленную жизнь, не имея возможности двигаться. Они могут даже пользоваться автомобилем, работать, содержать дом в чистоте, так что, знаете ли, все не так уж и безнадежно... Мы очень надеемся, что с течением времени она опять научится пользоваться своими руками.

Мать отвернулась. Я знала, что она плачет.

— Мама, папа, не печальтесь! Часто случается, что люди ломают себе шею, но потом вылечиваются и опять ходят. Я слышала об этом, пока здесь лежала. Я буду ходить! Я верю, что Бог хочет, чтобы я опять ходила. Он поможет мне. Вот увидите, я сама выйду из этой палаты.

Доктор Шерилл ничего не сказал. Он кивнул маме, пожал руку отцу и вышел.

Долго никто из нас не проронил ни слова. Потом мы заговорили на темы, не представляющие большого значения. Наконец ушли и мои родители.

Я лежала одна в полутьме своей палаты. Мне следовало бы радоваться, что операция удалась, что я выздоравливаю. Но я не могла радоваться — меня одолевало жуткое отчаяние. Впервые после несчастного случая я стала молиться о том, чтобы умереть.

Приблизительно через час пришла медсестра Алиса. Она заменила мне пластиковый уриновый мешок и прибрала палату. Затем подошла к окну и занялась шторами.

— Мне кажется, что тебя сейчас навестят, — сказала она приветливо.

— Да?

— Твои родители сидят в саду. Они в любой момент могут прийти.

— Нет, они уже были здесь, — ответила я и почувствовала, что горячие горькие слезы потекли по щекам. А потом меня стали душить рыдания.

— Что такое, Джони? — Алиса вытерла мне лицо бумажной салфеткой. Затем вытащила из коробки вторую. — Скорее высморкайся! Теперь лучше?

Я улыбнулась.

— Мне больно. Я думаю о родителях. Доктор Шерилл сказал только что нам, что мое увечье неизлечимо, что я уже никогда не буду ходить. И я знаю, что они сидят там внизу и обсуждают услышанное. И они плачут. А я здесь наверху тоже плачу. Это просто слишком тяжело...

Алиса погладила меня рукой по щекам. Сочувствие ее было мне приятно. Все же на душе стало как-то спокойнее.

— Но я буду ходить, Алиса, Бог поможет мне, увидишь.

Алиса кивнула и улыбнулась.

В следующие после операции недели я не окрепла, как ожидала: хотя меня по-прежнему кормили через вену или жидкой пищей. Я быстро теряла вес. Мысль о твердой пище вызывала отвращение, я просто не могла есть то, что мне приносили на подносе. Я только пила виноградный сок.

Однажды в мою палату вошел какой-то незнакомый человек:

— Я Вилли, шеф-повар, — отрекомендовался он, — хотелось бы знать, почему тебе не по вкусу приготовленные мной блюда.

— Дело вовсе не в вашей пище. Мне вообще становится плохо, когда я думаю о еде, — извинилась я.

— А что ты охотнее всего ела до болезни?

— Раньше? Пожалуй, бифштекс и жареный картофель...

— А еще?

— Не знаю. Может быть, кукурузу...

— Салаты?

— Я любила салат «Кесарь».

— Ну посмотрим, что можно будет сделать.

Он ушел. Вечером, как обычно, помощница принесла поднос. Когда подняли крышку, я увидела огромный бифштекс, крупный картофель со сметаной и маслом, кукурузу и великолепный салат «Кесарь». Однако когда она пододвинула поднос ко мне, запах пищи вызвал у меня обычное отвращение.

— Пожалуйста, уберите это! Мне неприятно, я просто не могу есть.

Она кивнула, убрала поднос, я с грустью отвернулась.

Я никак не могла решить, являлось ли мое отвращение к еде естественным или это было следствием принятия определенных медикаментов. Я постепенно привыкла к галлюцинациям и была убеждена, что бред и галлюцинации вызывались лекарствами. В то время у меня постоянно возникало ощущение, что какие-то страшные чудовища стоят у моей постели, ожидая, когда меня можно будет унести.

Этот бред, эти галлюцинации — что бы это ни было — угнетали меня все сильнее. Я не могла реально видеть этих чудовищ, но знала, что они здесь, что они только и ждут, чтобы я умерла или, по крайней мере, уснула. Из страха, что они могут унести меня, я боролась со сном.

Я радовалась, когда меня навещали, потому что до известной степени присутствие посетителей возвращало меня к действительности и внушало надежду. Но сама я не понимала, как тяжело им приходиться ко мне каждый день.

Когда знакомые появлялись первый раз, они казались какими-то беспомощными, словно не знали, как вести себя в палате. Но, привыкнув к обстановке, они всегда спрашивали одно и то же:

- Как ты себя чувствуешь?
- Тебе больно?
- Где у тебя болит?
- Как проходит твой туалет?

Многие посетители были весьма чопорны, а потому испытывали неудобство. Некоторых смущали тиски-зажимы у моей головы. Мне часто казалось, что им очень тяжело, тяжелее, чем мне, смириться с моим положением.

Однажды меня навестили две подружки по гимназии. Они не видели меня со времени несчастного случая. Я была столь же не подготовлена к их реакции, как и они сами. Они вошли в палату, медленно остановили взгляд на подвесной кровати, потом осмотрели комнату. Затем смущенно остановились возле меня.

Взглянув на них, я поняла, что с ними.

— Хелло, — улыбнувшись, приветствовала я их. — Жаль, что не могу кивнуть головой, но если вы...

— О Джони! — произнесла одна из них, запинаясь.

— Боже мой, — прошептала вторая.

На мгновение в палате воцарилось мучительное молчание, а затем обе они бросились к двери. Я услышала, как они рыдали за дверью.

Меня охватил ужас. До сих пор еще никто не вел себя столь необычно. Были ли мои посетительницы

чрезвычайно чувствительны или причина заключалась в чем-то другом?

Тогда я не хотела этого знать. Однако через несколько дней, когда Джеки пришла навестить меня, я попросила:

— Джеки, принеси мне зеркальце.

Она только что приготовилась прочесть мне несколько открыток и писем, а потому глянула на меня и спросила:

— Зачем?

— Мне очень нужно.

— О'кей, в следующий раз захвачу.

— Нет, я хочу сейчас. Попроси у какой-нибудь медсестры.

— Почему ты не можешь подождать? Я принесу тебе из дома твой чудный косметический набор.

— Джеки! — я начала сердиться. — Принеси мне зеркало и немедленно.

Она не спеша пошла к двери и вскоре возвратилась с зеркалом. Руки ее дрожали, она нервно моргала, держа его надо мной.

Я вскрикнула, а Джеки, вздрогнув, уронила зеркало. «Как страшно, Господи, как Ты допускаешь такое? — молилась я сквозь слезы. — Во что же Ты превратил меня!»

Лицо в зеркале едва походило на человеческое. Взглянув на свое отражение, я увидела окруженные темными кругами глаза, которые стекленели в глубоких впадинах. Я потеряла в весе 23 килограмма и стала похожа на обтянутое желтоватой кожей привидение. Бритая голова еще больше подчеркивала мой скелетообразный облик. Произнося слова, я увидела свои зубы: они были покрыты черным налетом от разных лекарств. С этого момента я стала близка к самоубийству.

Джеки отложила зеркало в сторону и стала плакать вместе со мной.

— Джони, — рыдала она, — я не хотела, чтобы ты ви-дела себя.

— Пожалуйста, убери зеркало. Я больше никогда не посмотрю в него! Я этого больше не выдержу. Я умру. Посмотри на меня. Я и теперь почти мертва. Почему они заставляют меня так страдать?

— Я... я не знаю этого, Джони.

— Джеки, ты должна мне помочь. Они только под-держивают во мне жизнь. Но это несправедливо. Я так или иначе умру. Почему же они не хотят позволить мне просто умереть? Джеки, прошу тебя, ты должна мне помочь! — умоляла я ее.

— Но как же, Джони?

— Не знаю. Дай мне что-то, ты ведь знаешь. Дай мне много таблеток.

— Ты хочешь сказать, что я должна убить тебя? — спросила Джеки, широко раскрыв глаза.

— Да, я думаю... Нет, ты не могла бы убить меня. Ты только помогла бы мне умереть несколько раньше. Подумай, прошу тебя, я уже почти мертва. Разве ты не в состоянии прекратить мои страдания? Если бы я могла двинуться, я бы сама это сделала!

Я озлобилась и впала в отчаяние:

— Прошу тебя, перережь мне вены, я ведь ничего не чувствую. Мне не будет больно. Но тогда я умру, Дже-ки. Прошу тебя, сделай что-то!

Джеки начала рыдать:

— Джони, я не могу этого сделать. Понимаешь, не могу!

Но я продолжала умолять ее:

— Джеки, если бы я хоть что-то значила для тебя, ты бы помогла мне. Я уже почти мертва. Разве ты не видишь этого? Посмотри на меня! Посмотри еще раз на меня!

— Джони, ты не осознаешь, чего просишь. Может

быть, для тебя это и было бы лучше — я не знаю. Я бы очень хотела помочь тебе. Я люблю тебя больше, чем кто-либо другой, и мне больно видеть, как ты страдаешь. Но... но на это у меня просто не поднимется рука.

Потом я уже ничего больше не говорила. Однако несколько позже я все чаще и чаще страдала от подобных приступов подавленности и отчаяния и вновь умоляла Джеки помочь мне покончить с собой. Я негодовала, что не способна сделать это сама.

Я придумывала множество планов, как осуществить свое намерение. Принять лишние таблетки было бы проще всего, но медсестры могли это быстро обнаружить и промыть желудок. Конечно, Джеки могла бы перерезать мне вены и спрятать мои руки под простыней, но все равно ничего не вышло бы. Джеки никогда не согласится на это, я ведь уже пыталась уговорить ее. Единственное, что оставалось, — надеяться на какой-нибудь несчастный случай в больнице, который прекратит мои страдания.

Видя мою подавленность, Джеки стала уделять больше внимания моей внешности, кроме того, она старалась пробудить во мне интерес к вещам, способным отвлечь меня.

— Тебе скоро станет лучше, Джони, — обещала она. — Ведь Господь не допускает страданий свыше человеческих сил.

— Да?.. — пробормотала я.

Неподвижность и лекарства сделали меня весьма восприимчивой к свету и шуму. Я просила Джеки и медсестер опускать шторы и плотнее закрывать двери. Доктор Харрис сказал, что это признак выздоровления нервной системы. Но меня раздражали разговоры, четко и ясно слышимые из соседней комнаты, обычные больничные шумы казались мне резкими диссонансами.

Однажды в жаркий летний день Джеки переставила вентилятор, и он по недосмотру упал, ударившись об пол. Мне показалось, будто в голове у меня что-то взорвалось.

— Джеки!.. — закричала я.

Ругательства, произносимые моими губами, были грязны, они словно поднялись из темных закоулков души. Я начала обзывать ее страшными словами.

Потом меня одолело чувство вины.

— Джеки, я сожалею... Все меня выводит из себя, — я тихо плакала. — Я верю что Божий замысел в отношении меня существует. Пожалуйста, позвони Дику. Он мне нужен. Попроси его прийти сегодня же вечером.

Джеки кивнула и собралась уходить.

— Подожди, Джеки, я хочу тебе что-то сказать прежде, чем ты уйдешь.

Она стояла рядом со мной.

— Джеки, ты хорошая подруга. Твои заботы я принимаю как нечто само собой разумеющееся. Я постоянно кричу на тебя, потому что у меня нет никого, на ком я могла бы вымещать свое раздражение. Знаешь, я больше всего хотела бы рассердиться на Бога, на маму и папу, на Дика. Мое возмущение, моя горечь, вероятно, приводят тебя в недоумение, но я просто время от времени должна давать всему этому выход. Ты ведь единственная, на кого я могу прикрикнуть без всяких опасений. Маме и папе и так слишком тяжело. Я вынуждена брать себя в руки, вести себя спокойно, когда они меня навещают. Немыслимо относиться к ним требовательно и грубо. Я не могу потерять Дика. Он мне нужен, и я не хотела бы расстаться, сделав ему больно. Мне все причиняет страдания, Джеки. Но ты мой козел отпущения, ты больше всех мучаешься от моего настроения, когда я даю себе волю.

Джеки мило улыбнулась и пожала плечами:

— Ладно, Джони. Я знаю, что на самом деле ты не думаешь дурно. А кроме того, — продолжала она, изменившись в лице, — друзья есть друзья. — Она подошла к кровати, поправила одеяло и поцеловала меня в лоб. — Я позвоню Дику.

Он пришел чуть позже. Я лежала и слушала утешительные слова из Нового Завета, которые он читал в новом английском переводе. Многие стихи были полны жизни и значения, соответствующего моему состоянию.

— Послушай-ка, Джони! — восклицал Дик взволнованно. — «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение» (Иак. 1:2–3).

— Что это значит, Дик?

— Я полагаю, что Бог и в твоём несчастье имеет определенную цель. Он испытывает твою духовную стойкость и рассчитывает на твое упование.

— Тогда я совсем разочаровала Бога!

— Джони, послушай еще: «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1:4).

— У меня одна проблема, с которой я не могу справиться. Все точно так, как здесь сказано.

Дик отложил в сторону Библию и начал молиться: «Отче, мы благодарим Тебя за Твои заботы и старания. Мы благодарим Тебя за Твое Слово, за Твои обетования, которые Ты даровал нам. Твое Слово говорит, что, если у кого из нас затруднение, с которым мы не в силах справиться, нам следует обратиться за советом к Тебе. Теперь, Господи, мы просим Тебя, услышь нашу молитву. Во имя Иисуса. Аминь».

Затем я стала молиться: «Господь Иисус, мне очень больно и совестно, что я не всегда обращалась к Тебе за помощью. В своем несчастье я еще никогда не усматривала испытания своей веры. Но вот теперь я вижу, что все случилось, как должно было случиться. Господи, как говорит Твое Слово, я верю, что беда приключилась со мной ради испытания моей веры и стойкости. А потому у меня чувство, что Ты хочешь исцелить меня. Я благодарю Тебя за этот урок. С Твоей помощью я и впредь буду уповать на Тебя. Я благодарю Тебя за то, что и этот несчастный случай послужит моему благу. Я умоляю даровать и другим видеть Тебя. Молю Тебя во имя Твое. Аминь».

После этого я начала видеть нечто положительное в моей беде. В последующие дни я решила сообщить медсестрам, врачам и посетителям о намерении воспринимать свой несчастный случай как допущенное Богом испытание моей веры и стойкости. «После того, как я выдержу испытание, — сказала я им, — Он опять поставит меня на ноги. Вот увидите!» Я начала по-новому воспринимать тяжелые обстоятельства, в которых находилась.

Врачи сообщили моему отцу следующее: «Вам следует знать, что ваша страховка не покрывает даже части расходов на лечение Джони. Счет за лечение Джони в больнице составит приблизительно тридцать тысяч долларов».

Я успокоила отца:

— Не волнуйся, папа. Бог даст нам все, что нужно.

Когда доктор Шерилл сказал мне: «Джони, обычно неподвижность гораздо трудней переносить людям, привыкшим к спорту, поэтому подумай, как лучше справиться со своей депрессией», я сразу ответила: «Бог поможет».

Как-то одна из сестричек сказала:

— Я кое-что прочла о твоём несчастном случае. Если бы перелом случился на два сантиметра ниже, ты могла бы пользоваться руками. Печально, что это не так.

— Это правда, но будь перелом сантиметром выше, я уже давно умерла бы. Бог лучше знает, что хорошо для меня, так ведь?

Дик опять принес мне подарок. В палате уже было множество игрушечных зверюшек, картинок и других безделушек. И среди них плюшевый медвежонок, которого я назвала Диком и велела надушить одеколоном, обычно используемым после бритья. Мне казалось, что запах будет напоминать о Дике и утешать меня, когда его нет рядом.

На этот раз Дик подарил мне огромную Библию, шрифт которой был достаточно крупный, чтобы я могла читать ее сама, когда книга будет лежать на полу под моей кроватью и кто-то станет переворачивать страницы. В посвящении было написано: «Моей любимой Джони в надежде, что Иисус Христос всегда будет третьим в нашем союзе и дарует нам терпение ожидать друг друга. С любовью Дик. 9 сентября 1967 года».

Вскоре Дик, Джеки и все мои лучшие друзья поступили в колледж. Дик навещал меня так часто, как только мог. Я не представляла, насколько это ему тяжело, и не знала, что из-за этого страдает его успеваемость. Я считала его присутствие само собой разумеющимся. Мне, замкнувшейся в своём эгоистичном мирке, было безразлично, чего ему это стоило, я хотела только, чтобы он был со мной. Ведь я так в нём нуждалась. Не осознавая своего эгоизма, я пользовалась своим несчастьем, чтобы привязать Дика к себе. Однажды вечером я решила даже как-то поднажать на него.

— Хелло, Джони! — улыбнулся Дик и поцеловал меня.

— Где же ты пропадал? Уже почти восемь.

— Мне очень жаль, но я не мог уйти раньше. Как ты провела день?

— Ты сказал, что придешь в шесть, а теперь восемь, — во мне все кипело.

— Джони, я же сказал, что сожалею. Но я действительно не мог уйти раньше. — Дик стал защищаться, а я хотела его ранить.

— Дик, день без тебя пуст и жалок. А прошлой ночью мне приснилось, что ты оставил меня ради другой.

— Я никогда бы этого не сделал!

— Прошу тебя, Дик, обещай мне это! Скажи, что любишь и не покинешь меня.

— Ты ведь знаешь, что ты мое единственное сокровище.

— Скажи мне! Скажи мне это, прошу!

— Я люблю тебя, — сказал Дик просто и искренне.

Я заметила, что он не вынуждал себя, но в то же время и не хотел этого говорить. Не потому, что не любил меня, — я знала, что он любит. Но он обиделся, что я вынудила его на признание. Он хотел это сказать мне не по принуждению и в свое время.

Но теперь он все-таки улыбался и, чтобы подытожить свое спонтанное объяснение, добавил:

— Я уже давно-давно люблю тебя, Джони. Если бы ты подождала еще пять минут, я бы сказал тебе это без принуждения с твоей стороны.

— Но мне необходимо было услышать это сейчас, Дик!

— Люблю, люблю, люблю тебя! — Всякий раз, когда он говорил это, он целовал меня.

— О Дик, я тоже люблю тебя. Как прекрасно будет, когда я выйду отсюда!

— Я все время молюсь о том, чтобы это случилось побыстрее. Из-за этих «затяжных игр» в моей учебе полная неразбериха.

— Но это может и долго длиться.

— Ты узнала сегодня что-то новое?

— Может быть, для выздоровления потребуется несколько месяцев. А может быть, и целый год.

— Не беда!

— Дик, мне страшно, но я все вынесу, если ты будешь со мной. Ты должен мне помочь. Без тебя я не выдержу. Если ты меня покинешь, я умру. Я не могу больше жить без тебя. Обещай мне, что ты меня не оставишь.

— Конечно, я не оставлю тебя.

— Если ты действительно любишь меня, обещай мне, что всегда будешь со мной.

— Обещаю, — сказал он, закрыв глаза.

— Сначала я научусь владеть руками, а затем буду ходить. Потом я буду с тобою учиться в колледже, — обещала я ему.

— Конечно, — прошептал Дик.

— А как в колледже? Действительно очень тяжело?

— Нормально. Хотя, правда, трудней, чем в гимназии. Гораздо трудней.

— Может быть, ты занимаешься слишком много? А как команда?

— Команда? Полагаю, что все в порядке. В следующую пятницу она участвует в первой игре сезона.

— А ты сам готов к игре? — спросила я возбужденно.

— Я больше не играю, — сказал Дик просто.

— Ты больше не играешь?

— Я лишился стипендии...

— Но почему же?

— Ах, Джони, не все ли равно.

— О Дик, ты причиняешь мне боль! Потому, что ты

вынужден навещать меня так часто и у тебя нет времени для учебы?

— Нет, в этом отношении все в порядке. На учебу времени хватает. Может быть, прочесть что-нибудь из Библии?

— Теперь нет, Дик. Я устала. А тебе пора уходить. Только обними и поцелуй меня прежде, чем уйдешь.

Он склонился и взял меня за подбородок. Он целовал меня долго и нежно.

— Я люблю тебя, — шептал он. — Ты знаешь, что в любом случае я буду ждать тебя. Помни об этом. Я всегда буду рядом.

После его ухода я заплакала. Я казалась себе самолюбивой эгоисткой. Я загнала Дика в тупик. У него не было выбора. Разве он мог мне сказать, что у него действительно на сердце?

«Джони, мы еще слишком молоды, чтобы вступить в брак. Воля Божья относительно нашего будущего еще сокрыта от нас. Мы подождем, лучше не спешить с этим вопросом. Ты ведь знаешь, что всегда можешь на меня положиться. Ты у меня в сердце», — я уверена, что он мог бы сказать мне нечто подобное.

Но мне этого было недостаточно, а Дик был слишком деликатен, чтобы причинить мне боль, во всяком случае сейчас, после несчастного случая. Поэтому он и сказал мне то, что я хотела услышать. Но так я лишь усложнила наши отношения. У меня возникло чувство, что я добилась у него признания раньше, чем оно созрело. Постепенно у меня пропало доверие к собственным чувствам.

«Я исправлюсь, — обещала я Богу, молясь в тот вечер. — Я сделаю все возможное, чтобы быть достойной любви Дика. Я предприму все от меня зависящее, чтобы научиться ходить. Тогда он будет любить меня не из-за моего несчастья, не из сострадания, а ради

меня самой. Я так хочу этого, Господи! Умоляю Тебя...»

* * *

Когда назавтра ко мне пришла медсестра по лечебной гимнастике, я вспомнила наказ Джейсона: «Ты должна бороться!» Лечебная гимнастика была первым шагом на пути к выздоровлению. Я решила, что сделаю все, что будет в моих силах.

Медсестра закрепила мои руки в петле и приступила к объяснению.

— Твой перелом, как ты знаешь, между четвертым и пятым шейными позвонками. Ниже первого позвонка находится центр нервов, контролирующих наши самые важные жизненные органы — сердце и легкие. Люди, у которых случается перелом в этом месте, редко остаются живы. Ниже второго и третьего позвонков — нервные центры, управляющие движениями шеи и головы, — продолжала она. — При переломе между четвертым и пятым позвонками обычно наступает, как это случилось и у тебя, паралич всех четырех конечностей. Нервные центры между шестым и седьмым позвонками управляют мышцами груди и рук. Ты не потеряла чувствительности в плечах, в верхних частях рук и в грудной клетке. Это значит, что, возможно, ты в состоянии тренировать мышцы спины и плеч, чтобы они могли заменить мышцы рук.

— Это имели в виду врачи, когда говорили, что мне необходимо вновь учиться владеть своими руками? — спросила я.

— Примерно. Твое состояние свидетельствует, что ты отчасти можешь пользоваться мышцами верхних частей рук. Достигнешь ли ты большего, мы увидим, когда начнем терапию. Другие мышцы должны при-

нять на себя те моторные движения, которые ты теперь не производишь.

— Ну что же, попытаемся, — сказала я.

— Прежде всего попробуй двинуть плечом. Воспользуйся для этого верхними мышцами спины, шеи и плеч. Сделай попытку шевельнуть рукой.

Я попыталась. Ничего не вышло.

Я закрыла глаза, сосредоточилась: почувствовала, как мышцы напряглись и начали медленно вибрировать, но казалось, что они не хотят повиноваться моей воле. Я никак не могла заставить их шевельнуть рукой.

— Попробуй еще раз. Ты должна это сделать, — сказала мне медсестра.

Я сжала зубы и сделала еще одну попытку. Без толку.

— Еще раз, Джони, — ободрила она меня.

— Я стараюсь изо всех сил.

— Трудно перестроиться мускулам, не предназначенным к выполнению этой функции. Не пытайся приподнимать руку так, как ты делала это прежде. Представь себе, как мышцы прикреплены к сухожилиям и костям — вот так, как здесь, — она показала мне рисунок в книге и провела линию по моей руке. — Надо сделать движение этими мышцами. Воспользуйся верхними мышцами спины и старайся поднять руку.

Я попробовала сделать это еще раз, в то время как она давала соответствующие указания. Более десяти минут я собиралась с силами.

Наконец я подняла руку приблизительно на три сантиметра, но вскоре она безжизненно упала.

— Прекрасно! Молодец! Ну еще раз! Употребь всю энергию, сосредоточься, чтобы поднять руку и удерживать ее высоко.

Я собрала все силы для того, чтобы еще раз выпол-

нить полученную команду. После нескольких напряженных секунд я опять подняла руку приблизительно на три сантиметра и потянула петлю, к которой она была прикреплена.

– Еще раз! – приказала медсестра.

– Не могу больше. Мне больно от большого напряжения. Я должна немного отдохнуть, – умоляла я.

В течение получаса я дважды благополучно подняла руку приблизительно на три сантиметра.

– Хорошо, Джони. Ты видишь, это упорный труд. Нам придется еще много поработать. Скоро мы настолько укрепим твоё здоровье, что ты сможешь отправиться в «Зеленые Дубы», – сказала медсестра.

– «Зеленые Дубы»?

– Да, в оздоровительный реабилитационный центр «Зеленые Дубы», – объяснила она. – Доктор Шерилл расскажет тебе о нём.

– Оздоровительный центр? Понимаю. Там я буду учиться ходить!

Медсестра улыбнулась, сняла петлю и поднялась.

– Всего доброго, Джони. Завтра утром мы опять поработаем с тобой. Надо подготовить тебя к отправке в оздоровительный центр.

4

В течение целого месяца я сосредоточивала свои усилия на подготовке к следующей ступени. Там, в «Зеленых Дубах», я научусь ходить и начну новую жизнь.

Когда поступило известие, что в «Зеленых Дубах» освободилось место, все очень обрадовались. Медсе-

стры и врачи пришли пожелать мне всего наилучшего на новом этапе выздоровления.

— Ну, девочка моя, держи себя в руках! Никаких бесчинств и оргий, — шутя дразнил меня доктор Харрис, — или нам придется забрать тебя обратно.

— О нет, вам это уже не удастся! — воскликнула я. — Обратно вам меня не заполучить. У вас достаточно больных и без меня. Может быть, я и приду однажды сюда, — поправила я себя, — но только своими ногами.

— Договорились! — улыбнулся доктор Харрис. Похлопав меня по плечу и подмигнув, он вышел.

Медсестры Анита и Алиса помогли мне собраться. Они сняли со стен картинки, упаковали все, скопившееся здесь за три месяца. Набралось три полных ящика.

Наконец санитары понесли меня в автомобиль, который должен был ехать в «Зеленые Дубы». Меня коснулось дыхание чистого и сладковатого свежего воздуха, повсюду было разлито солнечное сияние.

— Умоляю вас подождать минуточку. Чувствуете, как пахнет воздух?! — возбужденно вскрикнула я, обращаясь к ним.

— Тяжелый воздух, — пробормотал один из них добродушно.

— Нет, чудный и свежий воздух! — Я стала глубоко его вдыхать.

— Вы еще опьянеете от кислорода, — сказал другой.

Они осторожно внесли меня в автомобиль, закрыли дверь, и мы отправились в «Зеленые Дубы».

Я невольно сравнивала эту поездку с той, предыдущей: деревья были зелеными, трава сочной, всюду цветы, а люди одеты по-летнему. Сейчас воздух был свеж и прохладен. Витрины магазинов украшены для праздника всех святых, завершалась осенняя распродажа. Деревья горели золотыми, красными и

оранжевыми оттенками — всей палитрой осенних красок.

Пока я лежала в больнице, лето миновало! Это было странно, однако я не печалилась. Возбуждение от окружающей меня красоты было настолько сильным, что я не могла печалиться об ушедшем лете.

В окно автомобиля струились теплые лучи солнца. Водитель опустил стекло, и теперь свежий воздух обволакивал меня теплым, нежным дуновением. Это было славное чувство, так что от радости хотелось заплакать.

Когда мы подъезжали к «Зеленым Дубам», я еще больше разволновалась. В самом названии мне виделось хорошее предзнаменование. Я представила огромное здание с высокими белыми колоннами, а позади него — зеленые поляны, окаймленные высокими дубами.

Когда мы въезжали в ворота, я заметила, однако, что ничто не соответствует тому, что я вообразила себе. Это было большое низкое каменное строение, скорее похожее на старый промышленный комплекс, административное здание или фабрику.

— Вот и приехали, — сообщил водитель.

— Да-а, — протянула я.

— Что-то не так?

— Нет. Но вообще-то я немножко разочарована, все оказалось совершенно иным, чем я себе представляла.

Он улыбнулся, а затем добавил:

— Не огорчайтесь, здесь лечат весьма результативно. Я думаю, что вам помогут. Здесь много девушек вашего возраста. Вы скоро привыкнете.

— Надеюсь, — озабоченно ответила я.

Когда он вез меня на каталке по коридору, я смотрела в открытые двери. Было тихо, как в больнице. Я не видела «исцеленных», никто не ходил и не бегал.

Я видела людей, сидевших в креслах-каталках или лежавших на подвесных или обычных кроватях. Коридоры производили мрачное и угнетающее впечатление, как и все эти люди. Когда меня привезли в палату, я была вконец подавлена.

Мама и папа уже были здесь и радостно встретили меня. Они уже уладили формальности по приему, оплатили мое пребывание в лечебнице. Теперь они пытались приободрить меня, а затем извинились и ушли.

Их реакция была такой же, как и в городской больнице, когда они узнали о неизлечимости моего увечья. Я знала, что их нервы на пределе, и они не хотели, чтобы я видела их отчаяние и слезы. Они простились со мной, пообещав: «Дорогая, мы придем, как только сможем».

После их ухода я огляделась. В комнате находились еще четыре девушки. Я решила представиться.

— Привет, я Джони Эрексон, — начала я.

— Джони Эрексон! — с пренебрежением повторила одна из них и с насмешкой добавила: — Только это я и слышала в городской больнице: Джони, да Джони! Просто тошно!

Меня очень поразила злость, прозвучавшая в ее голосе. Однако я быстро справилась со смущением и ответила:

— О, я вовсе не думала, что окажусь вдруг в клубе поклонников.

Лед был сломан. Девушки рассмеялись.

— Ты должна извинить Анну, — объяснила мне одна из них. — Она тоже здесь новичок. Она после тебя попала в городскую больницу, но не была столь образцовой пациенткой, как ты. Там тебя всегда ставили в пример. Я Бетти — Бетти Джексон. Девушка в кровати напротив — Денис Уолтерс.

– Хелло! Извини, что не встаю. Рада познакомиться с тобой, Денис.

– А там – тоже Бетти, – сказала Бетти Джексон и как будто указала своей бессильной рукой на девушку напротив: – Бетти Гловер. Чтобы нас не путать, меня называют Бэдж, по первым буквам имени и фамилии.

Бетти Гловер была тоненькой красивой темноволосой девушкой, выглядевшей гораздо моложе всех остальных.

– Хелло, Бетти, – улыбнулась я.

Бетти взглянула на меня и, улыбнувшись, кивнула.

– У меня, как и у тебя, перелом шеи, – сказала Бэдж. – У Бетти сворачивается кровь в позвоночнике. Врачи усиленно исследуют, в чем дело, желая узнать, почему она парализована. Денис же здесь потому, что у нее РС.

– Что такое РС? – спросила я.

– Рассеянный склероз.

Я пожалела, что спросила об этом. Я вспомнила кое-что из того, что слышала в больнице о рассеянном склерозе. Это смертельная болезнь. Денис, вероятно, умрет, не дожив и до двадцати лет, подумала я. Меня охватил ужас, и вместе с тем я удивлялась, как она в ее положении могла быть столь любезной и открытой.

– А в том углу, – продолжала Бэдж, – лежит Анна Вильсон, с ней ты уже познакомилась. Ее хобби – злословие.

Анна продолжала злиться. Она вынула изо рта сигарету и кинула окурки в направлении Денис, но она упала на кафельный пол.

– Ну, вот ты и познакомилась с нами. Ты готова к такому обществу? – спросила Бэдж.

– Полагаю, что да, – пробормотала я и мысленно добавила: «Исключая Анну и ее курение».

Анна закурила новую сигарету.

В больнице я как-то удерживала окружающих от курения. В «Зеленых Дубах» курили многие пациенты. Мне казалось, что курение — отвратительная и пагубная привычка, которой люди могли предаваться у себя в четырех стенах и по возможности не в моем присутствии. Я ненавидела резкий запах дыма и едкое зловоние сигарет. Но сейчас я могла притязать лишь на одну пятую комнатного пространства, а потому мне не оставалось ничего иного, как привыкать к мучениям.

Я попыталась применить единственную известную мне уловку:

— Ты знаешь, что никотин вызывает рак легких? Ведь это может убить тебя!

Анна посмотрела мне прямо в глаза и сказала спокойным голосом:

— А как ты думаешь, зачем я это делаю?

При более близком знакомстве она уже не казалась столь строптивой и противоречивой, как это могло показаться на первый взгляд. Я видела в ней ту же злобу и жесточенность, которые недавно испытывала я. Несколько недель тому назад и я страдала от такой же подавленности и отчаяния, как она, подумала я. Ведь и я хотела погубить себя. Анна была скорее в замешательстве. Показным бесчувствием она прикрывала свою беспомощность, просто не зная, как нужно вести себя. Я решила попытаться познакомиться с ней ближе.

В последующие дни я получила более четкое представление об отношениях и атмосфере, существовавших в «Зеленых Дубах». Пациенты самых разных возрастов и социальных слоев размещались в четырех флигелях здания. Среди них были перенесшие ампутацию, совершенно парализованные, страдающие

мышечной недостаточностью, рассеянным склерозом, больные полиомиелитом.

— Как же все-таки получается, что здесь столько новеньких, особенно в нашем возрасте? — спросила я Бэдж.

— Перелом шеи. Большинство таких переломов случается летом во время плавания и ныряния. Пострадавшие проводят обычно несколько месяцев в одной из городских больниц, а затем уже попадают сюда для поправки, — объяснила Бэдж.

Мысленно я обратила внимание на слово «поправка». Я старалась усвоить и другие привычные здесь выражения, которыми пользовались девушки, чтобы не выглядеть новичком.

— Сколько же пациентов с переломами шеи находится здесь сейчас? — спросила я.

— Десять, а может быть, и пятнадцать.

— А ты давно уже здесь, Бэдж?

— Два года, — ответила она.

Два года! Меня бросило в дрожь. Два года, и она все еще парализована и все еще лежит в постели, как и я! Мысль о том, что мне предстоит здесь находиться здесь столько же, показалась мне совершенно невыносимой. Долго я не могла сказать ни слова.

Ночью я пыталась уснуть. Но мне это не удавалось. Огорчение и прежний ропот на Бога, одолевавшие меня еще в больнице, вновь проснулись во мне. Я пыталась молиться, но не могла. Я мысленно искала в Евангелии слова, способные меня ободрить, но не находила.

Другие девушки, вероятно, уже примирились со своей судьбой. Они тихо беседовали в ожидании, когда выключат свет. Все, кроме Анны. Она говорила громко, употребляя непристойные выражения.

Это глубоко меня задевало. Я решила, по крайней

мере внешне, быть любезной и ровной, не такой, как Анна, даже если остальную часть жизни вынуждена буду провести в таком месте, как это.

Анна не имела друзей: очевидно, она и дома вела себя так же, как здесь. Видимо, никто не стремился завоевать ее доверие и дружбу.

«Мне нужны друзья, а то я совсем пропаду», — решила я про себя и мысленно пообещала никогда не терять душевного равновесия: ни в присутствии родителей, ни в отношении с Джеки и всеми, кто придет навестить меня. Я не подам виду, как бы горько мне ни было.

— Отличная мысль, — заметила Бэдж, когда на следующий день я рассказала о своем решении. — Здесь у каждого одинаковые проблемы, а потому не жди, что встретишь много сочувствия. Собственно, весьма разумно вообще не пытаться подружиться здесь с кем-нибудь.

— Почему? — спросила я удивленно.

— Жизнь здесь, словно в башне из слоновой кости. Все в более или менее в равном положении. Если провел достаточно времени прикованным к инвалидной коляске, тогда можешь вернуться домой. Но на возвращение сюда вновь уже едва ли можно рассчитывать. А ведь гораздо легче жить с людьми, которые находятся в таком же положении, как и ты. Здесь нет проблем из-за опорных аппаратов или инвалидных колясок. И когда покидаешь эту лечебницу, становится действительно тяжело. Люди на улицах думают, что, если твои ноги парализованы, стало быть, у тебя и в голове не все в порядке. Они обращаются с тобой, как с идиотом. Поэтому каждый охотно стремится сюда вернуться, мысленно сравнивая свои телесные и душевные травмы с травмами и страданиями других. И ты станешь такой же, когда привыкнешь. Но если в

башне жить легче, то это еще не значит, что это лучше. Нет, не лучше. Я это знаю, потому что уже два года тут живу. Но что бы ты ни выбрала, береги дружбу с живущими за пределами этого дома!

Казалось, моя любимая сестра Джей понимала мои эмоциональные потребности в общении. Она не только часто навещала меня, но и приводила с собой старых школьных друзей.

В отличие от городской больницы в «Зеленых Дубах» строго следили за соблюдением правил посещения. Ровно в восемь Джей и ее друзей выпроваживали из клиники.

Тупое однообразие жизни нарушалось лишь, когда меня навещали.

На моем теле образовались пролежни, так как я была прикована к постели. Утром медсестра меняла мочеприемник и кормила меня. Затем она поправляла круглое зеркало над моей кроватью, отражавшее экран телевизора.

В обед меня опять кормили. Затем вновь телепередачи. Если с утра обычно шли шуточные сюжеты или опросы, то после обеда — сентиментальные и душещипательные фильмы. Вечером ужин, замен мочеприемника, и опять телевизор вплоть до того, как выключался свет. Каждый новый день монотонно повторял предыдущий: прием пищи, телевидение, сон — непрерывный, разрушающий нервную систему замкнутый круг.

Мне необходимо было научиться быстро есть и пить. Персонал всегда был занят и не мог уделять много времени на кормление каждому больному. Обслуживание больных составляло желать лучшего. Если, например, у меня забит нос, приходится ждать, пока Джей поможет мне высморкаться. Волосы у меня немного отросли, но спутались, загрязнились,

на голове появилась перхоть. Но ни у кого не хватало времени помыть мне голову.

Как-то Джей, придя ко мне, спросила:

— Откуда такой неприятный запах?

— Какой запах? — удивилась я.

— Ужас! Это твои волосы! Когда их мыли в последний раз?

— Приблизительно месяц назад. Когда я была еще в городской больнице, — ответила я.

— Это же ужасно! Нужно что-то сделать, — заявила она. Джей договорилась с медсестрами, получила таз, воду, шампунь и вымыла мне голову.

— Как хорошо! — с облегчением воскликнула я.

— И мне тоже, — попросила Денис. — Джей, прошу вас, помойте и мне голову!

— А потом и нам, — воскликнули Бэдж и Бетти.

Теперь Джей каждую неделю мыла нам всем пятерым голову.

Как только у меня отросли волосы настолько, что их можно было расчесывать, я вновь проявила интерес к своей внешности. Побочные действия медикаментов постепенно прекратились, мой внешний вид уже не вызывал во мне прежнего ужаса. Правда, я все еще была очень тощей — кости, обтянутые кожей, на которой порой открывались страшные язвы.

* * *

Вскоре меня регулярно стала навещать Диана Уайт, подруга по гимназии и «Молодой жизни», девушка весьма заботливая, тактичная, с живым и милым характером. Она была христианкой, трудилась радостно и успешно. Ее оптимизму сопутствовал практицизм. Она была сильной личностью и бесстрашно встречала все трудности жизни. Готовность прийти на помощь, приятный характер снискали ей уважение у

тех, с кем она общалась. Глаза ее светились, когда она говорила. Улыбка была доброй. В ее присутствии я даже свободней дышала.

А когда Джей запуталась в своих жизненных затруднениях и не могла быть у меня так же часто, как прежде, я еще больше стала ценить визиты Дианы. Посещения Дианы меня особенно ободряли; когда же она читала мне Слово Божье, заполнялась пустота, образовавшаяся оттого, что Дик не мог навещать меня достаточно часто. Джейсон вовсе исчез из моей жизни. Я слышала от его приятелей, что у него другая девушка, с которой он познакомился в колледже и на которой хотел бы жениться.

Лечебная гимнастика разнообразила дневную рутину, вносила оживление в повседневность. Через несколько недель меня каждый день стали возить на два часа в зал для лечебной гимнастики.

В первый раз оглядывая зал, я представила себе камеру пыток. Я видела причудливые машины и аппараты для вытягивания, протягивания и сгибания ставших неподвижными рук, ног и тел. Однако, несмотря на это странное впечатление, зал вселял в меня надежду: я думала, что именно здесь научусь ходить, как другие, упражнявшиеся на костылях и у тренировочных решеток.

Джо Лерой, отличный психотерапевт, обладавший большим терпением, привез меня в это помещение и показал все, что здесь происходило.

Джо объяснял, какую помощь может оказать сгибание, вращение и потягивание рук и ног, всего моего уснувшего тела, если придавать им различные положения.

— Все это будет содействовать тому, чтобы твоя мускулатура стала вновь эластичной, — говорил Джо.

— Но ведь я ничего не чувствую. Как же я смогу

достичь чего-то, если мои ноги и руки, все мое тело неподвижно и онемело? — спросила я.

— Эта проблема связана с кровообращением, с ухудшением снабжения конечностей кровью. Кроме того, тело немеет, когда не работают мышцы. Твои руки и ноги худеют, а тело становится неподвижным, — сказал Джо, указывая мне на больных, которых нужно было перемещать, приподнимать и растягивать.

Медсестра занималась со мной ежедневно по двадцать минут, стремясь добиться эластичности мышц. Следующей целью лечебной гимнастики было перемещение из специальной кровати-сэндвич в обычную.

Чтобы я смогла принять сидячее положение в постели, со мной начали заниматься сложными упражнениями. Меня закрепили на подвижной доске, которую можно было наклонять, затем начали поднимать тот конец, где была моя голова, опуская одновременно другой, где были закреплены ноги. Я почувствовала, как кровь начала отливать от головы, и меня затошнило.

— Подождите! Не поднимайте меня выше! Я не выдержу этого! — крикнула я.

Несколько секунд с поднятой головой было слишком много для меня после шести месяцев пребывания в горизонтальном положении.

— О Джо, — всхлипывала я, — я думала, что потеряю сознание! Неужели я так и никогда не смогу сидеть?

— Обязательно сможешь, Джони. Но для этого необходимо время. Мы наклонили тебя приблизительно на сорок пять градусов. Попытаемся приподнять тебя еще раз и продержат в таком положении несколько дольше. Когда ты сможешь выдерживать это несколько минут, мы увеличим угол наклона доски. Еще до Дня жатвы ты научишься сидеть в кресле, — сказал радостно Джо.

Эрл, другой помощник, добавил:

— Твое тело привыкло к горизонтальному положению, постепенно к нему приспособилось и кровообращение. — Он иллюстрировал свои объяснения выразительными жестами. — Когда мы поднимаем верхнюю часть твоего тела, кровь отливает от головы, и тебе кажется, что ты теряешь сознание. Но если мы будем делать это медленно и постепенно, сердце твое опять «вспомнит» свою задачу и вновь начнет выполнять свою работу. И кровообращение наладится, и в твою голову снова поступит кровь.

Так мы упражнялись изо дня в день, увеличивая время тренировок, пока я не привыкла, наконец, находиться в наклонном положении, так что меня уже более не тошнило и перед глазами не возникали темные круги.

Так было достигнуто частичное восстановление моей мышечной силы и способности ощущать. Врачи и тренеры лечебной гимнастики установили, что у меня сохранилась чувствительность в области головы, шеи, плеч и плечевых суставов. Ощущался даже легкий зуд в верхней части руки и в грудной клетке, так что казалось, будто эти части не онемели, а только уснули.

Диана, приходя, видела мои успехи в лечебной гимнастике и ободряла меня. Оптимизм ее действовал заразительно. Всякий раз во время ее посещений я получала новые утешения из Библии.

— Послушай, — говорила она. — В Евангелии от Иоанна сказано: «О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна». Разве не величественно?

— Да, действительно. Может быть, Бог творит что-то особое. Слышала ли ты, что задумала наша церковь? — спросила я.

— Церковь? — удивилась Диана. — Нет, а что такое?

— Наша церковь решила провести молитвенное собрание продолжительностью в целую ночь. Они хотят молиться о моем исцелении и восстановлении моих сил, — сказала я ей.

— О, это прекрасно! «Просите и получите!» — повторила Диана.

Упражнения и занятия лечебной гимнастикой вызвали легкий зуд в пальцах. Это ободряло меня еще больше. Хотя пальцы в основном оставались бесчувственными, я все же ощущала в них слабое и еще не ясное покалывание. «Бог начинает исцелять меня!» — ликовала я.

Вечером на молитвенное собрание в реформистскую епископальную церковь пришли мои друзья по гимназии, преподаватели, родители друзей. В ту ночь я уснула с ожиданием, что на следующее утро проснусь исцеленной.

Так, конечно, не случилось. А потому я стала размышлять: может быть, Господь хочет испытать мою веру, а потому процесс исцеления и восстановления будет совершаться медленно и постепенно, а не внезапно и сверхъестественно?

Меня навестили Диана, Джей и друзья по «Молодой жизни», я же делала вид, что все в порядке, не проявляя никакого разочарования и нетерпения.

— Господь исцелит меня, — заверяла я их. — Только будем молиться и уповать на Него!

— О Джони! — горячо восклицал то один, то другой из навестивших меня. — Какая ты мужественная. Нам бы твою веру!

Я улыбнулась, а внутренне горячо молилась Богу, чтобы Он скорей исцелил меня.

5

В декабре я по-прежнему была еще слаба, худа, у меня было много пролежней, но все-таки упражнения лечебной гимнастикой помогли мне научиться сидеть, и врачи сочли возможным отпустить меня на один день домой.

Я выбрала день Рождества, а приготовления к нему привели меня в невообразимое волнение, так что я всю ночь не смогла сомкнуть глаз. Лежа во тьме, вспоминала праздник Рождества до несчастного случая. Я гуляла с Диком по снегу, в Сочельник мы были на богослужении в кафедральном соборе, потом лепили снежных баб, позже сидели у камина, пили горячий шоколад, пели рождественские песни, я подыгрывала на гитаре. Как же все будет в этом году?

Наконец пришло Рождество! Джей помогала медсестре одеть меня в дорогу. Мне принесли нарядный брючный костюм, купленный во время нашей семейной поездки на Запад незадолго до несчастного случая. Но теперь он висел на мне, как мешок. Джей подарила мне красивый светлый парик, потому что мои волосы еще недостаточно отросли для прически.

Отец ждал нас в машине возле подъезда. Эрл и Джо внесли меня в машину. Они дали моим родственникам точные указания, как везти такую парализованную, как я.

— Я никогда не думала, что поездка в автомобиле может быть опасной, — сказала я и добавила: — Кроме, конечно, возможности несчастного случая.

— Для того чтобы тебя травмировать, уже не нужен

несчастный случай, — предупредил Джо. — Ведь из-за паралича ты не можешь сидеть в автомобиле без посторонней помощи. Тронется ли машина, затормозит ли даже не очень резко, сделает ли поворот, тебя понесет по инерции, и ты ударишься либо о дверь, либо о щит для приборов, либо о смотровое стекло, если будешь сидеть впереди.

Он объяснил, как следует пристегнуть меня ремнем, а моим спутникам посоветовал все время меня поддерживать, особенно на поворотах, при остановках и в начале движения.

В пути ничего особенного не произошло, хотя поездка представлялась мне интересной и полной маленьких приключений. Уже зима, миновало два времени года с тех пор, как я последний раз была дома.

— Ну вот мы и приехали, — заметила Джей, когда машина сделала последний поворот.

Я смотрела на улицу: гимназия, дом моей учительницы музыки, аптека — все было таким, каким сохранилось в моей памяти. Меня одолела тоска по дому.

Через несколько минут мы въехали в аллею перед нашим домом и подрулили к заднему входу. Отец и Джей осторожно вынули меня из автомобиля и внесли в дом. Сердце защемило. Комнаты были празднично украшены. В столовой, где я должна была ночевать, стояла большая и душистая елка. Возле нее мама поставила домашнюю «больничную» кровать для меня.

Я вспомнила свою комнату, размещавшуюся как раз над столовой, с которой сопряжено было так много разных воспоминаний, тайных помыслов, молитв и надежд. Конечно, сейчас меня невозможно было поднять по узкой зигзагообразной лестнице наверх, потому я должна была ночевать в столовой.

Мать отодвинула к стене большой обеденный стол, чтобы комната стала уютнее.

Когда отец строил дом, он в расчете на гостей сделал большую столовую. Она, действительно, была настоящим залом, приблизительно в сорок квадратных метров, в два раза больше, чем обычные столовые комнаты, а стол был так велик, что за него свободно могли усесться человек четырнадцать.

В камине пылал огонь, красивые рождественские украшения, свечи и светильники создавали обстановку радости и покоя, — для меня этого было даже слишком много и действовало пьяняще. Во время пребывания в больнице и в «Зеленых Дубах» я страдала духом, душой и телом и вынуждена была отказываться от многого. И вот теперь меня охватила такая волна счастья, что комната словно кругом ходила.

К сожалению, я могла сидеть только короткое время, и мне раздвинули «больничную» кровать. Я приняла полулежачее положение. В брючном костюме и светлом парике я выглядела почти «по-людски», однако чувствовала себя все-таки несколько скованной, особенно из-за своих ног. Мне казалось, что они как-то неестественно торчат, вызывая у других неприятное чувство.

— Прикрой меня, мама, — попросила я.

— Разве тебе холодно, дорогая?

— Нет, но я хочу, чтобы меня прикрыли хотя бы по пояс. Я так плохо выгляжу!

— Глупости, — ответила она. — Ты выглядишь очень хорошо. Не правда ли, Джей?

— Ну, конечно! — воскликнула сестра.

— Но я бы хотела, чтобы меня прикрыли. Принеси, пожалуйста, коричневое одеяло и положи мне на ноги. Не хочу, чтобы гости, придя, уставились на меня. Ну, пожалуйста, — настаивала я.

— Хорошо, Джони, пусть будет так, как ты хочешь, —

сказала со вздохом мама, накинула одеяло и подвернула его мне под ноги.

Истинной же причиной того, почему я хотела прикрыть ноги, были вовсе не люди. Дело в том, что мои ноги постоянно напоминали мне, что я совершенно иначе проводила свои прежние рождественские праздники.

В этот день пришел Дик со своими родственниками и друзьями, и время пролетело быстро. Это и огорчило, и обрадовало меня, так как помогло отвлечься от воспоминаний о минувшем Рождестве, от столь печальных перемен в моей жизни. Я уже не могла просто бегать по снегу или распевать с соседями рождественские песни. Эти и другие радости стали для меня недоступны. И все, казалось, чувствовали это. Не было слез, по крайней мере тогда, однако дыхание печали тяготело над всеми, а потому было как-то тревожно.

Только оказавшись вновь в своей постели в «Зеленых Дубах», я разрешила себе выплакаться. Я не могла сдержаться и рыдала безудержно. Обе Бетти, Денис и Анна тоже были дома на Рождество.

Однако для всех нас, где бы мы ни провели праздник — дома или в «Зеленых Дубах», — рождественские дни были равно печальными, потому что всех нас мучили воспоминания о прежних — лучших временах.

Я пыталась исследовать свои чувства в связи с пребыванием дома. Я была очень счастлива, когда праздновала Рождество дома, но сразу же отрезвела, оказавшись в прежней знакомой обстановке.

Войдя на следующий день в комнату и осмотрев меня, медсестра сказала:

— Джони, опасаясь, что теперь на долгое время тебе придется отказаться от посещения дома.

— Почему же?

— Потому что опять открылись пролежни на спине

и на бедрах. Кости, выступая, протирают тебе кожу. Пролезни не смогут зажить, если ты не будешь лежать в своей подвесной кровати, — сказала она просто.

— Так неужели же мне вообще не суждено сидеть? — спросила я в отчаянии.

— Жаль, но пока нет, так как при сидении натягивается кожа и раскрываются раны. Придется подождать до тех пор, пока они заживут.

* * *

Дик посещал меня так часто, как только мог. Расстояние от университета в Мэриленде до «Зеленых Дубов» и обратно составляло приблизительно сто километров. Он приезжал всегда неожиданно. Я заметила, что мое несчастье отразилось и на его нервах. Он, как и я, находился на пределе своих сил.

— Дик, — сказала я однажды, — мы слишком привязаны к прошлому. Нам не следует быть такими. Мы уже не можем вернуть того времени, которое провели вместе в гимназии.

Он грустно посмотрел на меня:

— Но ведь тебе будет лучше. Ты будешь скоро...

— Нет! — воскликнула я. — Мне никогда уже не будет лучше. Разве не понимаешь? Мне никогда не будет лучше! Неужели ты этого не видишь?

Меня вновь стали мучить мысли о самоубийстве. Я ощущала себя гусеницей, завернутой в брезентовые полотнища. Я лишь могла вращать головой и была похожа на труп. У меня уже не оставалось и малой искорки надежды на то, что я буду снова ходить. Я уже никогда не смогу жить нормально и выйти замуж за Дика. «Вполне вероятно, что он навсегда уйдет из моей жизни», — размышляла я.

Я была в отчаянии: как в такой жизни, когда лишь спишь, ешь, смотришь телевизор и опять спишь,

можно найти какой-то смысл? Почему именно я должна жить столь глупой и скучной жизнью? Я молилась о том, чтобы погибнуть при каком-нибудь несчастном случае, чтобы жизнь моя прервалась. Душевные мучения стали невыносимыми.

Однако у меня не было никакой возможности совершить самоубийство. Мною овладело безграничное отчаяние. Я становилась малодушной и одновременно обозленной из-за своей беспомощности. О, как же мне хотелось вернуть силу рукам, чтобы положить конец этой несчастной жизни! А слезы страха, отчаяния и гнева только усиливали мое малодушие.

Ко всему этому у меня появились новые осложнения, сделавшие жизнь невыносимой. Пролезни, образовавшиеся на теле, не заживали. Врачи полагали, что только хирургическое вмешательство способно разрешить эту проблему, и первого июня 1968 года меня опять отправили в городскую больницу на операцию. Операция была новым подтверждением того, что мое увечье неизлечимо, ибо врачи никогда не удалили бы выступающие верхушки костей на бедрах и крестце, если бы существовала хоть малейшая надежда на то, что я когда-нибудь смогу ходить.

Хирург Соутфилд объяснил мне перед операцией:

— Так как ты потеряла чувствительность, то наркоз не нужен. Если ты не боишься вида крови...

— Все в порядке, — перебила я его резко, — я это уже однажды пережила. Не забывайте, пожалуйста, что я почти год провела здесь. Я уже через все прошла. Разве здесь существует что-то, чего со мной не делали? Режьте спокойно!

Я наблюдала за тем, как доктор Соутфилд разрезал скальпелем мои мышцы. Кровь брызгала, когда он касался ран. Ассистенты подавали ему хирургические инструменты.

Через несколько минут я услышала характерный звук — удаляли верхушки костей, вызывавшие раны на коже.

Если до операции я казалась спокойной и рассудительной, то теперь, услышав этот звук, мои нервы не выдержали. Меня тошнило. Я начала петь, стараясь отвлечься от происходящего. Я пела самые пессимистичные песни, да так громко, что они оглушали медперсонал.

— Не можешь ли ты петь что-либо другое, более радостное? — спросил, наконец, доктор Соутфилд.

— Нет! — отрезала я и продолжала «концерт». Через некоторое время меня повернули, и хирург стал оперировать крестец. Наконец начали зашивать раны. Затем еще раз проверили прооперированные места, перевязали и отправили обратно в «Зеленые Дубы».

После того, как сняли швы и раны совсем зажили, я опять могла медленно садиться. Эрл осторожно помогал мне при этом.

— Джони, у тебя получается, — сказал он. — Попробуй еще раз, медленнее. Мы не хотим сажать тебя быстро, чтобы ты не теряла сознание.

— Хорошо, попробую.

— Осторожно, начинаем!

— Ну как, Эрл? Как?

Эрл ничего не ответил. Он опять осторожно положил меня в мою постель.

— Умоляю тебя, Эрл, позволь мне лечь в настоящую кровать. Я так долго ждала момента, когда смогу сесть в настоящей кровати. Я согласна даже потерять из-за этого сознание.

— К сожалению, Джони, я вынужден вернуть тебя обратно. Операция ничего не дала. У тебя открылись и кровоточат уже зажившие было раны...

Лежа в течение последующих недель в подвесной кровати, я окончательно потеряла надежду на то, что когда-нибудь буду передвигаться. Поэтому я напрягла максимум воли, чтобы научиться пользоваться руками. Если я этого достигну, я стану самостоятельной. Я не буду так зависеть от Джей или Дианы, которые умывают, расчесывают или же кормят меня. О, если бы я только могла сама что-то делать, я не была бы столь беспомощна.

— Некоторые вещи, которые обычно делают руками, ты можешь делать ртом, — сказала однажды Крис Браун, специалист по трудовой терапии, услышав мои жалобы. — Ты ведь видела людей, занимающихся трудовой терапией. Они учатся писать, держа во рту ручку или карандаш. Ты тоже можешь этому научиться.

— Нет, — сказала я, — это отвратительно. Это унижает. Я никогда не буду этого делать!

Крис не пыталась меня переубедить.

— Может быть, ты все-таки научишься когда-нибудь этому, — заметила она.

Позже пришла Джей. Хотя она улыбалась и пыталась владеть собой, я знала, что она опять плакала.

— Хелло, сестричка, — сказала она.

— Ты опять плакала, Джей?

Джей кивнула. Она никогда не хотела обременять меня собственными проблемами, а потому скрывала свои чувства. Однако я в конце концов узнала, что у нее семейные неурядицы. Теперь развод стал свершившимся фактом.

Она машинально проговорила:

— Уже прошло, все как-нибудь образуется, Джони. Не печалься.

— Но...

— Действительно, не грусти.

Джей переменяла тему разговора.

— Смотри, что я принесла. — Она развернула кулек с оладьями. Одну из них она поднесла мне ко рту. — Твои любимые оладьи.

Мы разговаривали целый час, а затем читали иллюстрированный журнал, который она развернула под моей кроватью.

Собираясь уходить, она серьезно посмотрела мне в глаза и сказала:

— Джони, я бы хотела... Я бы хотела, чтобы ты, выйдя из больницы, переехала ко мне и к моей маленькой Кей.

— Мы еще об этом поговорим, — ответила я. — Подумаем об этом, ладно?

Она поцеловала меня в щеку, погладила ладонью по голове и, улыбнувшись, ушла.

Я начала медленно сознавать, что сказала Джей. Поразмыслив над ее предложением, я решила пока не строить никаких планов. Тем не менее меня очень успокаивала мысль, что я могла бы жить у Джей.

Когда позже меня навестил Дик, он укатил мою кровать в комнату для игры, где мы могли спокойно побеседовать. Мы пытались перестроить наши отношения, превратить их в своего рода новую дружбу. Хотя каждый из нас как будто не замечал изменений в наших отношениях, мы все-таки знали, что у нас нет никаких шансов стать мужем и женой.

Мне нужно было научиться владеть руками, затем пережить весь процесс выздоровления, а для этого требовалось много времени. Поэтому мы избегали говорить на такие темы, как любовь и брак.

Дик старался меня утешить чтением Нового Завета в современном переводе. Слова там были ясны и доступны для понимания: вера, надежда, упование.

Однако я отвергала их как слишком поверхност-

ные. Может быть, для обычного человека, способного прочно стоять на ногах, жить обычной жизнью, бороться с искушениями и сомнениями, это вполне годилось. Но что же Бог хотел сказать лично мне? Я лежала в постели совершенно беспомощная.

Диана часто читала мне Ветхий Завет. И тогда я пыталась отождествлять то, что произошло со мной, с пережитым пророками. Подобно Иеремии я размышляла о том, что гнев Божий в осуждении пролился на меня.

Я прочла «Плач Иеремии» и полностью отождествила свои страдания со страданиями, о которых Иеремия сказал: «Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его» (Плач, 1:2). О Боже, как это верно! И я не в состоянии отереть свои собственные слезы!

«Потому что Господь наслал на него горе за множество беззаконий его» (Плач, 1:5). Да! И я нарушила Его нравственный закон. Теперь последовало наказание.

«Взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь, какая постигла меня, какую наслал на меня Господь в день пламенного гнева Своего» (Плач, 1:12). Но другие подобным образом не наказаны. Почему Бог сделал это со мной?

«Свыше послал Он огонь в кости мои» (Плач, 1:13). Мое увечье во время ныряния — паралич!

«Опрокинул меня, сделал меня бедным и томящимся всякий день» (Плач, 1:13). Мой гнев — слабость и страх.

«Он ослабил силы мои» (Плач, 1:14). Год в кровати и вечная зависимость от сестер и нянек.

«Истожились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя...» (Плач, 2:11). Сколько я смогу еще вынести? Я уже на пределе!

«Так, Он обратился на меня и весь день обращает

руку Свою» (Плач, 3:3). Почему же, Господи, почему? За что?

«Измогдил плоть мою и кожу мою, сокрушил кости мои» (Плач, 3:4). Пролежни, швы, операция на костях...

«Огородил меня и обложил горечью и тяготою» (Плач, 3:5). Я все еще между полотнищами брезента. Все еще катетер, капельницы...

«Посадил меня в темное место, как давно умерших» (Плач, 3:6). Я заперта в этой мрачной больнице, где мы, живые трупы, ждем смерти.

«Окружил меня стеною, чтобы я не вышел, отяготил оковы мои» (Плач, 3:7). Я сижу, как в яме! Полотнища брезента, пояса и тиски, держащие голову...

«И когда я взывал и вопиял, задерживал молитву мою» (Плач, 3:8). О Боже, почему Ты не печешься обо мне?

«И удалился мир от души моей» (Плач, 3:17). Он оставил меня!

* * *

Кто такой Бог? Конечно, не какая-то Личность, способная заботиться о каждом, размышляла я. Что пользы от веры, если твои молитвы не слышат?

Мои сомнения, а также негодование постепенно усиливались. Когда Диана или Дик читали Библию, я думала о другом. «Все это звучит слишком декларативно, — говорила я им. — Эти строки обещают слишком многое. Но фактически они имеют лишь поверхностное значение. Объясните, как мое пребывание здесь, продолжающееся уже больше года, может обратиться мне во благо? Какое благо? Где? Когда? Я ничего не хочу больше слышать!»

Кроме того, в «Зеленых Дубах» нашлись люди, которые внесли свою долю в мое ощущение беспо-

мощности и подавленности. У госпожи Барбер, ночной няни, были серьезные семейные неприятности, поэтому она всегда была раздражена, а часто даже ожесточалась.

Она делала в адрес оказавшихся у нее на пути низкие и гадкие замечания, которые глубоко оскорбляли и больно ранили. Для госпожи Барбер мы не были больными, нуждающимися в помощи и уходе, а только нарушителями спокойствия, доставлявшими много хлопот.

Однажды вечером, входя в нашу комнату, она злобно сбросила открытки с кондиционера, находящегося рядом с моей постелью.

— Каким образом я смогу включить прибор со всей этой дрянью на нем? — прошипела она.

Открытки лежали там уже неделями и совсем не мешали работе кондиционера. Она взяла фотографию Дика и начала говорить о нем гадости, будто он замешан во всевозможных грязных делах. От ее слов меня затошнило, и я стала ей перечить.

Подойдя к моей постели-сэндвич, она со злобой сказала:

— Я могу оставить тебя лежать так до утра, не перевернув. Но чтобы показать тебе, какой я прекрасный человек, я все-таки тебя переверну.

Сказав это, она резко перевернула меня, без обычных приготовлений, даже не взглянув, правильно ли лежат мои руки. Одна рука не была укреплена, а потому при повороте сильно ударилась о край кровати. Хотя я не почувствовала никакой боли, на ней образовался большой кровоподтек.

Моя рука так и осталась висеть, а она поспешно вышла из комнаты, чтобы заняться другими делами. Взволнованная, напуганная и озлобленная, я заплакала.

— Я видела, что она сделала, Джони, — сказала Бэдж, — ты должна сказать об этом старшей сестре.

— Да. Я тоже слышала все. Ты должна пожаловаться на нее, — добавила Денис.

— Но я не могу на нее пожаловаться. Ведь тогда она как-нибудь отомстит мне, — сказала я, снова зарыдав.

На следующий день пришла мама. Она сразу спросила, что случилось с моей рукой. Я попыталась не заострять на этом ее внимания, сказав, что все это мелочь, однако другие девушки рассказали маме о происшедшем.

Негодую, мама сразу пошла к старшей сестре.

Поздно вечером госпожа Барбер вошла в нашу темную палату, тихо подошла к моей постели, наклонилась ко мне вплотную и прошипела на ухо:

— Если ты еще раз наябедничаешь на меня, тебе это будет дорого стоить! Ты поняла?!

Это была не просто угроза. Я пришла в ужас, меня охватил леденящий страх, что со мной может приключиться нечто страшное, если я еще раз пожалуюсь.

Кроме тех немногих, подобно госпоже Барбер, ненавидящих больных, были также другие, которые действительно прекрасно ухаживали за нами, однако им не хватало времени. Казалось, что у медсестер времени достаточно лишь на раздачу медикаментов. Большинство сотрудников из вспомогательного персонала были перегружены низко оплачиваемой работой, и у них не было достаточного стимула для ухода за нами.

Все это только усиливало мою подавленность.

Джим Поллард, интеллигентный молодой человек, парализованный, как и я, задавался теми же вопросами. Его мышцы были так повреждены, что он не мог держать голову прямо, она слегка клонилась на левое плечо. Но его сила духа была в полном порядке.

— Если нет Бога, Который лично заботится обо мне, что тогда вообще имеет смысл? — спрашивала его я.

— Я думаю о том же, — отвечал он. — Я много читал, многое изучал, долго и скрупулезно занимался религией и философией. Жизнь абсолютно лишена смысла. Все бессмысленно. Все абсурдно.

— Тогда почему же я должна жить? Почему не покончить самоубийством? Да и почему вообще весь род человеческий не покончит с собой, если все бессмысленно?

— Какой-то смысл должен быть. Некоторые верят в Бога, и это дает их жизни смысл. Но если у человека происходит беда за бедой, как у нас здесь, тогда только понимаешь, что религия в конечном итоге бесполезна, — убежденно ответил он.

— Неужели ты думаешь, что жизнь лишена всякого смысла?

— Для нас, вероятно, да. Но люди, здоровые, способные самостоятельно есть, пить, работать, любить друг друга, реализуют свои возможности. Они сами куют свое счастье, понимаешь?

Я кивнула.

— А у нас все совершенно иначе. Наша жизнь снижена до уровня элементарных потребностей. У нас нет никаких стимулов жить дальше.

— Так почему же ты живешь до сих пор?

Джим слегка повел плечом:

— У меня, вероятно, просто нет достаточной смелости оборвать свою жизнь. А кроме того, быть может, в жизни все-таки еще есть какой-то смысл. Может быть, его нужно лишь найти.

— Что ты хочешь сказать?

— Я поразмышляю о нашем мозге, о наших мыслительных возможностях. Мне приятно развивать свой дух. Чего еще я смогу достичь в этом смысле? Быть

может, я найду особую прелесть в развитии своего интеллекта.

— Может быть, — ответила я, — но как быть с остальными? Они рождаются, живут, умирают. Существование представляется им единственной целью. Но для чего это все?

— Джони, ты слишком много спрашиваешь, — ответил он. — Прочти некоторые из моих книг! У меня есть книги Сартра, Маркса и других великих мыслителей.

Я прочла, но все это еще больше удалило меня от Бога и от всякой надежды. Смысл жизни в том, что в ней нет никакого смысла. Жизнь без вечной цели, без Бога приводит только к отчаянию. Я поняла это, вот только не знала, во что же теперь верить. Разве Бог, если Он существует, не отвернулся от меня?

Джим рассказал мне об агностицизме, философском учении, отвергающем возможность познания мира:

— Пойми, Джони, высший смысл отсутствует, тебе необходимо усвоить это прежде всего. Жизнь преходяща, она обуславливается случайностями. Труд, семья, дружба — лишь этапы на пути к смерти. Ты существуешь только краткое время; если хочешь получить что-то от жизни, получай, не откладывая. Не верь, что тебе будет что-то даровано после смерти.

— Но хуже всего, Джим, — прервала я его, — что еще в гимназии я поняла, что преходящее меня не устраивает.

— А как же с твоим несчастным случаем? Он ведь не является временным, — заметил Джим ядовито. — Ты мне говорила, что, согласно Библии, твое несчастье должно обратиться тебе во благо. Когда же?

— Я... я не знаю этого. Вот это и заставляет меня усомниться в Боге. Если Он действительно существу-

ет, то должен был бы приоткрыться мне. Тогда бы у меня появилось чувство, что во всем этом есть какой-то смысл!

— Джони, ты переросла свое понимание Бога и религии. Ты прочла что-то из моих книг?

— Да. Я прочла «Сидхарту», «Процесс» Кафки, «Биоэтику», «Человек ищет смысл» и еще кое-что из философии экзистенциалистов, — ответила я.

— О, мое почтение! Постепенно ты узнаешь, что мысль о Боге, лично беспокоящемся о нас, просто смешна.

— Столь далеко я еще не продвинулась, Джим. Эти книги, конечно, отлично подтверждают твоё мнение, но...

— Но ты боишься. Ты думаешь, что Бог сидит на небесах и только ждет момента, чтобы нанести тебе новый удар, если ты усомнишься в Нем. Тогда скажи мне вот что, Джони. Если существует Бог, то что еще Он мог бы сделать во вред тебе? Худшего невозможно представить! Так, по крайней мере, мне кажется. Я калека. Навсегда. Никогда не стану на ноги. Так что же еще отнимет у меня Бог, если я не буду веровать в Него? Ввергнет меня в ад? Но я уже в аду! Нет, Бога нет, Джони! Бога нет, — закончил он мрачно, словно все-таки еще лелеял надежду на существование Бога.

Укрепившись в своей неверии, Джим постепенно смирился с тем, что Бога нет.

Я горячо молилась: «О Боже, мне следует сделать выбор между двумя возможностями: или Ты существуешь, или Тебя нет. Если Тебя нет, тогда я не вижу смысла в том, чтобы жить. Я хотела бы знать: неужели верующие веруют во что-то незначущее? Если это так, то зачем мне продолжать обманывать себя? Моя жизнь бессмысленна. Единственное, что мне остается, — отчаяние. Господи, что же мне делать? Я хотела

бы верить, но мне не за что ухватиться. Господи, Ты должен дать мне понять, что существуешь!»

Я впала в смятение. Одни философские мысли, логические, рациональные, интеллектуальные пронеслись в моей голове, чтобы так же быстро опровергаться другими, столь же вескими. Что было правильным? Что ошибочным? Где же истина? Мне казалось, что я нахожусь в каком-то лабиринте. Неужели, лишившись способности управлять своим телом, я потеряю рассудок? Утомленная этими противоречиями, я, наконец, закрыла глаза.

Но вдруг внезапно ко мне пришло глубочайшее спокойствие. Появилась мысль (или только воспоминание), зажегшая в моем смятенном мозгу слова: «Твердого духом Ты хранишь в совершенном мире, ибо на Тебя уповаает он».

И я уснула.

6

Диана навещала меня все чаще, так что ее стали принимать за служащую оздоровительного центра. Однажды она отложила Библию, которую только что читала, и сказала:

— Джони, я решила добровольно работать здесь, чтобы лучше ухаживать за тобой.

— Но, Диана, ты же не можешь бросить учебу! — протестовала я.

— Я много молилась, Джони. Я чувствую, что Бог требует этого от меня. Правда, я не знаю, какие у Бога замыслы относительно моего будущего. Я пока прерву учебу только на семестр, а потом буду молить-

ся о последующем водительстве Божьем, — заявила она мне.

— Да, но...

Диана прервала меня:

— Никаких «но». До тех пор, пока я буду чувствовать волю Божью, я стану добровольно работать здесь, по крайней мере, прерву учебу до осени.

— Это очень похвально. А ты убеждена в своей правоте?

Она кивнула. В ее глазах была решимость:

— Для меня это вопрос решенный. Кажется, теперь я обрела истинный мир в душе.

Было действительно чудесно, что Диана добровольно взялась за этот труд. Кроме меня, она обслуживала и других больных и при этом училась у сестер и врачей оказывать необходимую медицинскую помощь.

В своих духовных исканиях я зашла в тупик. Из-за желания оставаться открытой разным суждениям я оказалась в смятении. Чем больше я читала, тем сильнее одолевали меня сомнения. Разве нет ничего ясного, истинного? То, что я читала у Сартра, Гессе и Маркса, не вело меня ни к какому свету. И чем больше я постигала их философию, не имеющую ничего общего с Богом, тем более я удалялась от Него.

Наконец я пришла к выводу, что мне нужно отказаться от всех этих книг, что я из них ничего не почерпну. В своих поисках я снова вернулась к Богу, вновь почувствовала Его реальное присутствие и всю определенность Его намерений в отношении меня.

«Мои мысли не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои», — говорил Он мне посредством Своего Слова. Мне следовало учиться понимать, что подлинный смысл и цель жизни я осознаю, лишь признав и ощутив всемогущество Бога.

— Как ты представляешь себе это? — спросила однажды Диана, когда мы начали рассуждать об этом.

— Я пыталась постичь смысл в миру, постигая его и соотнося себя с ним. Я стремилась познать смысл и цель своей жизни. Библия же говорит, что смысл и цель жизни — в прославлении Бога. Итак, жизнь моя обладает смыслом лишь тогда, когда я славлю Бога, — объяснила я.

— Я понимаю, — сказала Диана, — но как же ты конкретно хочешь осуществить свои намерения?

— Я еще не уяснила этого до конца. Знаю только, что до сих пор я чувствовала себя так, будто мир вращался вокруг меня. Теперь все должно быть по-другому.

— Ответ мы находим в Библии и таким образом познаем волю Божью, — заметила Диана.

— Да, — согласилась я, — вот только я теряю терпение, потому что смотрю на жизнь иначе, чем Бог. Год в этой постели кажется мне столетием, но для Бога год — это совсем немного, не так ли? Его мера — вечность. Может быть, следует принять иное измерение времени, нежели я представляла себе.

— А каким должен быть следующий шаг, Джони?

— Не знаю. Мне кажется, надо преодолевать барьер за барьером. Я парализована и не знаю, почему Бог допустил такое несчастье. Возможно, я так никогда и не узнаю этого. Мне, наверное, не следует далее размышлять об этом.

— Тогда сосредоточься на стремлении выйти отсюда, — посоветовала Диана.

— Да, я должна думать об этом. Но мне страшно, Диана. Может быть, потому я и боюсь, что не знаю, что делать, когда вернусь домой.

— Но, Джони, как раз в этом и состоит значение

нашего упования на Отца Небесного, — она улыбнулась, глаза ее засветились радостью. — Тебе совсем необязательно знать, почему Господь допустил такое. Главное, Он знает, что делать, и единственно это важно. Уповай только на Него и верь, что Он все обратит во благо, если не теперь, то позже.

— Как ты себе представляешь это?

— Разве может быть польза от того, что ты знаешь, почему Бог допустил твою немощь? Сомневаюсь! А потому не мучь себя, не пытайся любой ценой установить причину своего несчастья.

— Что же, по-твоему, делать?

— Вот, например, терапия. Ты сама знаешь, как до сих пор относилась к трудовой терапии. Как-то ты сказала: «Для чего мне учиться писать кисточкой, которую надо держать в зубах?» Но если Богу известен окончательный смысл и главная цель всех дел, Он может дать и твоей жизни определенный смысл. Тебе только не следует противиться Ему!

— Я ведь делаю успехи в лечебной гимнастике. Зачем же мне учиться писать, держа кисть во рту? Я надеюсь, что смогу пользоваться своими руками!

— Но что будет, если ты все-таки не сможешь пользоваться руками? — осторожно спросила Диана.

Я ответила не сразу. Собственно, этого я не учитывала. Я думала: «Я могу потерять год или несколько лет, находясь здесь. Могу провести остаток жизни в инвалидной коляске. Я не стану жаловаться. Но, Боже, Ты же не захочешь отнять у меня руки и не станешь препятствовать вести хотя бы полуноральную жизнь! Ты ведь не оставишь меня в таком состоянии навсегда?»

— Джони!

— Да...

— Может быть, нам не следует сейчас рассуждать о

будущем, — сказала Диана тихо, как будто прочла мои мысли. — Лучше сделаем шаг вперед, как ты сама предложила.

— Наверное, я никогда с достаточной решимостью не стремилась выйти отсюда. Ведь это, в конце концов, реабилитационный центр, восстанавливающий здоровье. Отныне я сосредоточусь на стремлении выйти отсюда.

На следующий день я сказала Крис Браун, отвечающую за трудовую терапию, что хочу научиться выполнять какую-нибудь работу ртом.

Крис оказалась столь же любезной, милой и отзывчивой, как и оба мои тренера — Джо и Эрл.

— Это уже моя задача, — заявила она, — как помочь тебе, как научить тебя вновь найти контакт с окружающим миром.

— И это все? — пошутила я.

— Нет, главное впереди. Задача, собственно, по-детски легка.

— Что же вы хотите мне предложить?

— Прежде всего надо научиться писать, не так ли?

— О'кей, Крис. Что мне делать?

— Возьми карандаш в рот. Держи его зубами — вот так. — Для наглядности Крис взяла карандаш в рот, а мне дала второй, который я зажала зубами. — Хорошо. Смотри, это совсем просто. Только не сжимай его слишком крепко зубами, иначе поранишь нёбо. Держи карандаш так, чтобы он не выскользнул, но достаточно крепко, чтобы владеть им. Видишь?

— Да-да! — пробормотала я в знак того, что поняла ее.

Крис учила меня рисовать линии, круги и другие фигуры.

Вначале это были какие-то каракули — кривые и дрожащие, однако постепенно, после многочислен-

ных упражнений, я стала все лучше владеть карандашом и грифелем.

Наконец я научилась писать буквы. Сосредоточившись, собрав всю свою решимость, я написала письмо отцу и матери. Всего лишь несколько слов, буквы выглядели каракулями, но все-таки это можно было назвать письмом!

Чувство, что я все-таки могу что-то сделать, вселяло бодрость. Персонал центра и больные хвалили любое мое незначительное достижение. Это придавало сил. Постепенно мне стала нравиться такая трудотерапия.

В сентябре мне сделали вторую операцию на спине. Я, собственно, не хотела ее, однако некоторые выступавшие косточки все еще были причиной незаживающих ран на спине и на ягодицах.

Больница была всего лишь в миле от нашего дома в Вудлоуне. Меня очень огорчало, что, находясь так близко от родных, я тем не менее не могу побыть с ними.

Операция прошла успешно, и я благодарила Бога за это. Но все же мне предстояло провести еще четырнадцать дней в подвесной кровати. К тому же в это время я еще заболела гриппом.

В эти дни я много читала. Вместо увлечения атеистическими книгами, я вновь обратилась к Библии и христианской литературе. Во время чтения мама без усталости держала передо мной книгу, проявляя большое терпение. «Просто христианство» Клайва Льюиса стало не только свежей переменой и хорошей компенсацией прочитанному прежде, но и большим подспорьем моему духовному становлению.

15 октября, в день моего рождения, я получила особенно приятный подарок: мне наконец опять разрешили лежать на спине! Это было великолепно. Диана,

мама, папа, Джей, Дик — все были здесь. Несмотря на изменения в наших отношениях с Диком, он неизменно, как и прежде, посещал меня.

Теперь мое пребывание в «Зеленых Дубах» казалось не таким тягостным. Так как операция прошла удачно, предстояло постепенно привыкнуть к инвалидной коляске. И занятия разными видами трудотерапии стали проходить легче.

Кроме того, весьма ободряюще действовало на меня то обстоятельство, что некоторые из пациентов покидали «Зеленые Дубы». Состояние нескольких моих друзей, прежде парализованных, улучшилось, и их выписали. Теперь им предстояло найти свое место в жизни. Для меня это служило отличным стимулом, так что мне еще сильнее захотелось поправиться.

Крис Браун решила воспользоваться моим приподнятым настроением:

— Не попытаться ли нам теперь создать что-то художественное? Ты уже так хорошо пишешь ртом?

— Что-то художественное? — спросила я с недоверием.

— Да. Ты же показывала мне свои прежние рисунки. Ты способна работать творчески. Вот, например, не смогла бы ты расписать эти керамические плитки; получились бы прекрасные подарки.

Я посмотрела, как одна парализованная, держа кисточку, шлепала краску на глиняную пластину. Мне это показалось таким бесполезным занятием, как детская игра.

— Не знаю, — заметила я тихо.

— Ну попробуйся! — настаивала Крис.

И я попыталась — наносила краску, размазывала ее по глиняной плитке, но довольно безобразно. Это оказалось весьма утомительным занятием. Мне казалось, что я только теряю время. Но когда плитки

извлекли из сушильной печи, они выглядели совсем не плохо. Благодаря постоянным упражнениям у меня получалось все лучше и лучше. Через несколько недель я подготовила несколько рождественских подарков для своих близких и друзей.

Я не знала, как они поступят с украшенными мной вазами для орехов и сладостей, но мне эти вещицы действительно нравились, и прежде всего потому, что я раскрасила их сама.

Как-то Крис принесла мне брусок влажноватой глины.

— Зачем? — удивилась я.

— Я хотела бы, чтоб ты нанесла на него изображение.

— Каким образом? Неужели карандашом, зажатым зубами?

— Попробуй грифелем.

— Что же мне сделать? Написать что-нибудь?

— Нарисуй что-нибудь, соответствующее твоему настроению. Что-то такое, что тебе нравится.

Я осторожно прикинула расстояние между мной и глиной, проверила податливость ее грифелю и кое-как попыталась на ней гравировать.

— Последний раз я рисовала во время путешествия на Запад, незадолго до происшедшего со мной несчастья. В детстве отец учил меня рисовать. Он и сам любил заниматься рисованием, — сказала я Крис.

Я рассказала, что больше всего любила рисовать пейзажи углем. Во время путешествия я заполняла свой альбом горными пейзажами, рисунками и портретами людей.

Я вспомнила некоторые сцены. Потом попыталась вызвать в памяти необходимую тягу к рисованию. Когда рисуешь, видимый образ преобразуется и ведет руку, наносящую его на бумагу. Итак, ключ моего изо-

бразительного творчества был у меня в руках. Так ли это на самом деле?

Я посмотрела на простенький набросок, только что сделанный мной. Это был рисунок ковбоя на лошади, набросок, выщарапанный на мягкой глине. Ничем не примечательный и не впечатляющий в творческом отношении, но ведь это было только начало.

Крис удивилась результату.

— Джони, великолепно! У тебя истинное дарование! — сияя от радости, говорила она. — Нам следовало уже раньше подумать об этом. Тебе необходимо снова найти путь к искусству.

— Это было бы возможно, если бы я владела руками, — заметила я.

Она отрицательно кивнула головой:

— Это не имеет значения. Руки — только орудие, не больше. Способности и дарование — в голове. Если будешь старательно упражняться, ты сможешь и ртом работать так же хорошо, как руками!

— Правда?

— Да! Будешь пытаться?

— Конечно! Давай попробуем!

Это был действительно радостный для меня день. Впервые почти за полтора года я опять смогла проявить себя в творчестве. Я, черпая новую надежду, была взволнованна.

Постепенно улучшалось и мое душевное состояние. Прежде раздражение и гнев переходили в горечь. Я саркастически смеялась: как может любящий Бог, если Он существует, допустить такие бедствия? Мои поиски в иных областях также не давали разумного ответа.

Однако после нового обращения к Библии мое огорчение расплавилось и уступило место глубокому внутреннему покою.

Я негодовала потому, что моя жизнь ограничивалась лишь физиологическими потребностями: дыханием, принятием пищи, сном. Но я обнаружила, что по существу и все человечество идет в той же упряжке. Оказывается, жизнь людей вращается по тому же самому бессмысленному кругу, с той только разницей, что возможности их не ограничены, как мои. Внешние события лишь отвлекают их от факта погруженности в повседневную суету. Они до того увлечены работой, учебой, семьей, отдыхом и досугом, что даже не сознают, что их жизнь, как и моя, в конечном счете сводится к тем же элементарным потребностям: дышать, есть, спать.

Пусть не сразу, но мне все-таки стало ясно, что Бог меня не забыл. Я оказалась своего рода «подопытным кроликом», представителем человечества, на примере которого может быть проверена истина. Устранены все житейские отклонения и излишества. Бог удалил от меня все суетное и предоставил меня самой себе. Именно поэтому моя жизнь ограничена теперь только основными потребностями.

А дальше? Что же мне предпринять в жизни? Я постоянно размышляла об этом. Я не владею своим телом, но я человек. И мне необходимо найти смысл жизни. Мне необходимо водительство Божье, а не только какое-то временное, преходящее удовлетворение. Для какой цели я осталась жива? Как я могу прославить Бога? Чего Он от меня хочет?

Да, непременно должен быть Бог, заботящийся обо мне лично! Может быть, Он и не явится мне, ведь я не лучше других людей, вынужденных обрести Бога и смысл жизни верой, а не видением. Так почему же в моем случае должно быть иначе?

Я поделилась с Дианой своими мыслями:

— До сих пор я не вижу высшего смысла. Я совсем

не знаю Божьих намерений, но верю, что Он подлинно существует, все видит и все понимает. Мне кажется, что сейчас мои мысли приняли верное направление. Правда, я до конца не переборола некоторого смятения, но раньше я склонялась к сомнениям, а теперь — к упованию.

— Может быть, тут есть связь с твоей молитвой? — спросила Диана.

— С какой молитвой?

— Разве ты не помнишь? Ты рассказывала, что непосредственно перед твоей травмой молилась: «Господи, соверши что-то в моей жизни, способное изменить и перевоспитать меня». Может быть, это и есть ответ Божий на твою молитву.

— Я уже спрашивала себя об этом. Может быть... Однако это не совсем то, что я могла бы считать ответом. У Бога, конечно, Свой план и цель в отношении меня. Я никогда не смогу ходить, но самое трудное в другом: как мне всегда быть радостной? Вот что постоянно беспокоит меня.

— Неужели ты не сможешь больше искренне радоваться?

— Трудно сказать. Одно я постигла в экзистенциалистских писаниях: человек не может жить в постоянных сомнениях. Думаешь, я опять смогу быть счастливой?

— Не знаю, Джони.

Со всей серьезностью я вновь приступила к изучению Библии и к чтению другой духовной литературы. Сочинения Ф. Шефера и К. Льюиса в сравнении с Марксом, Гессе и другими писателями-атеистами действовали на меня подобно свежему ветерку. Я училась соотносить Слово Божье непосредственно со своей жизнью. Вот тогда меня и охватила глубокая благодарность к Богу. Впервые я поняла из Библии,

что в моей жизни существует определенный смысл. Мне стало немного легче переносить свои «огненные испытания» после того, как я увидела (особенно, читая псалмы), что соответствую плану Божьему: «Господь укрепит его на одре болезни его» (Пс. 40:4).

Хуже всего было ночью. Случалось, что терапия прошла днем плохо, бывало и так, что никто в течение дня не приходил навестить меня. Или в очередной раз грубила госпожа Барбер. Что бы там ни было, мне необходимо было поплакать. Но слезы повергали меня в еще большие сомнения и отчаяние: я ведь не могла плакать, как все. Не было никого, кто бы вытер мне слезы или помог высморкаться. И вот тогда я старалась ободрять себя Словом Божьим и относить обетования Божьи к себе самой.

В такие тяжелые ночные часы я представляла, что Иисус стоит возле моей кровати, и ощущала всю силу Его, обещавшего утешение: «Я всегда с тобой. Если Я возлюбил тебя так, что умер за тебя, то разве ты не веришь тому, что Моя любовь достаточно сильна, чтобы повести тебя дальше и не оставить, даже если ты и парализована?» Это утешение оказывалось столь реальным, что я ясно чувствовала: Господь теперь со мной. Он здесь, рядом, в моей палате! Это и было то утешение, в котором я нуждалась.

Мне стало ясно, что Иисус Христос способен понять мое положение. В те страшные часы, когда Он ожидал смерти, Он тоже не мог двигаться, тоже был «парализован», страдал от невыносимой боли, жажды...

На кресте Иисус был совершенно беспомощным. Он очень хорошо знает, каково человеку в моем положении.

«Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса, Сына Божия, будем твердо дер-

жаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:14–15).

До моего несчастного случая мне «не нужен» был Иисус Христос. А вот теперь я нуждалась в Нем постоянно. Когда я могла ходить, я не считала необходимым спрашивать у Него совета для принятия какого-либо решения – пойти в гости, посмотреть футбол и так далее. Я считала, что Ему неинтересны такие мелочи. Теперь же, когда моя жизнь ограничивается минимальным, Он принимает в ней участие, так как опекает меня: фактически Он – единственная и надежная реальность.

Эти едва ли не новые для меня постулаты действовали на меня успокаивающе. Полагаю, что они помогли и Джей, когда я беседовала с ней о ее трудностях.

Мое рисование, стиль которого вполне определялся настроением и был весьма прост в исполнении, имело для меня значительно большее терапевтическое значение, чем можно было ожидать. Как свидетельство моего нового состояния я подписывала все свои рисунки буквами СБ («Слава Богу»). Это являлось выражением моей веры в дарованное мне Богом предназначение, это была также безыскусная попытка славить Его за Его помощь.

Постепенно я начала проявлять интерес к своей внешности. После переживаний в больнице я избегала смотреть в зеркало. А теперь Джей и Диана помогали мне приводить в порядок волосы, ухаживать за лицом, они же подыскивали соответствующую одежду и одевали меня, – короче, находили пути и возможности сделать мою внешность привлекательнее.

Упражнения лечебной гимнастикой теперь сводились к тому, что я училась сидеть. У меня опять начи-

нались головокружения и тошнота, когда тренеры сажали меня в кровати, свешивая ноги за ее край.

Занятия продвигались весьма медленно, однако вскоре я уже могла сидеть почти вертикально. Для этого, как и прежде, мы пользовались наклонной доской. Моим столь долго бездействовавшим мышцам предстояло теперь учиться снова прямо держать голову.

После того, как организм и шейные мышцы привыкли к забытым функциям, я смогла перебраться в передвижное кресло. Ноги мне оборачивали эластичными бинтами во избежание воспаления вен. Следовало также устранить возможность эмболии, которая могла вызываться образованием тромбов в сосудах ног и бедер. Для укрепления туловища был изготовлен корсет, который помогал мне сидеть и при этом свободно дышать.

Особенно я радовалась своим успехам потому, что снова могла быть на Рождество дома. Рождество 1968 года... Миновал целый год с тех пор, как я была последний раз дома. Теперь предполагалось, что я останусь дома на несколько дней.

Незадолго до Рождества родители сообщили радостную новость.

— Джони, мы слышали о новой больнице в Калифорнии! — сказал отец. — Она называется «Ранчо Лос-Аламос» и находится в Лос-Анджелесе. Там достигают замечательных успехов в лечении парализованных.

— Там используют новые методы оздоровления и восстановления двигательных функций, — добавила мама. — Врачи добились того, что возвращают людям способность двигать руками и ногами. Даже в так называемых "невозможных" случаях.

— Как замечательно! — воскликнула я воодушевленно. — Давайте поедem туда. Можно?

— Мы им уже написали и ждем ответа. Я думаю, он

окажется положительным, — сказал отец. — К сожалению, мы не сможем отправиться туда с тобой, но Джей охотно поедет с тобой. Она может там остаться, сняв поблизости небольшую квартиру.

— Это великолепно! — взволнованно воскликнула я. — Будем молиться, чтобы Бог помог. Это был бы для меня настоящий рождественский подарок!

Рождество прошло замечательно. Я уже достаточно окрепла, чтобы пробыть дома несколько дней. Какое приятное чувство — снова оказаться в нормальной обстановке. Просьба Дика пойти с ним в кино была восхитительна.

Дик положил свою руку на мою, но я не чувствовала этого. Он любовно обнял меня, но я опять ничего не почувствовала. Только смотрела на экран.

Наконец он спросил:

— Неужели ты ничего не чувствуешь?

— К сожалению, нет. — Мне так хотелось чувствовать его руку, его прикосновение...

По пути домой Дикун пришлось внезапно затормозить, и я, ударившись головой о панель приборов, не могла самостоятельно вернуться в прежнее положение. Мне было больно, но я не говорила об этом, моя гордость сильно страдала.

Дик сурово упрекал себя за случившееся:

— Почему я не подумал о том, что надо крепко придерживать тебя!

— Дик! Прошу, не беспокойся! Я ведь не пострадала. Не порть этот вечер.

Мы благополучно вернулись домой.

Когда Дик катил меня в коляске к дому, я сказала ему:

— Дик, спасибо. Как все было чудесно! Почти, как прежде. Впервые за полтора года я провела несколько часов нормально. Благодарю тебя, Дик.

— И мне было приятно, — сказал он просто и скромно и, нагнувшись, поцеловал меня в лоб. — Я рад, что тебе понравилось. — Он смотрел на меня своими улыбочивыми, всегда сочувствующими глазами.

Да, было приятно. И все же это не было, «как прежде». Мы вели себя как-то натянуто, не умели справляться с коляской, и я задавалась вопросом: может ли вообще быть все нормально, так, как прежде? Я дала себе обещание делать все, что в моих силах, чтобы достичь этого — хотя бы с моей точки зрения.

Какой контраст с предыдущим праздником Рождества!

Год тому назад я могла быть дома всего один день. Тогда я так стыдилась своего внешнего вида, что велела прикрыть ноги одеялом. В этом году на меня надели оранжевый свитер, модную короткую юбку и новые чулки. Я опять стала девушкой, а не каким-то бесполом существом в больничной одежде.

На этот раз мне уже не хотелось возвращаться в «Зеленые Дубы».

— Тебе не нужно возвращаться, Джони, — сказал отец.

— Что?..

— Мы только что получили ответ из Калифорнии. В «Ранчо Лос-Аламос» освободилось для тебя место. Мы полетим туда на следующей неделе.

Я заплакала:

— Папочка, я так счастлива! Господь действительно является живым Богом. Он слышит молитвы.

— Мама и я полетим вместе с тобой, а Джей поедет на машине раньше и встретит нас там.

— Я не могу представить, что это действительно будет!

«Ранчо Лос-Аламос» — там я опять обрету свои руки!» — размышляла я.

7

Полет в Калифорнию превратился в примечательное событие. Вообще это был мой первый полет, и к тому же я летела надежде навстречу. Вскоре я научусь пользоваться руками. Мы с Диком сможем возобновить наши прежние отношения и пожениться. Наконец начал четче проявляться окончательный план Божий в отношении моей жизни.

Когда мы прилетели в Лос-Анджелес, удалившись на три тысячи миль от холодных и обледенелых улиц Балтимора, нас встретила ясная, солнечная погода. Для меня было необходимо, чтобы мне здесь понравилось.

Я вспомнила глубокое разочарование, вызванное первым впечатлением от «Зеленых Дубов», а потому старалась не создавать себе иллюзий насчет «Ранчо Лос-Аламос».

К моему приятному удивлению, «Ранчо» оказалось весьма привлекательным, здесь трудился отличный персонал. Многие служащие были студентами колледжей, работавшими для того, чтобы иметь возможность продолжать учебу. Среди них также девушки. Я радовалась, что опять смогу общаться с людьми своего круга и возраста.

Большое впечатление произвели на меня порядок и метод лечения, которые я были здесь. В «Зеленых Дубах» все были слишком заняты, царила лихорадочная торопливость — признак перегруженности. Здесь же не было никакой спешки. Хотя каждый был вполне загружен, все делалось для блага больных, а не за счет его. Я убеждена, что причина успехов лечения

здесь была в том, что в «Ранчо» было достаточно персонала, к тому же хорошо оплачиваемого.

Родители остались со мной, пока я не привыкла, а потом вернулись в Балтимор. Джей же вместе с Кей сняла неподалеку квартиру.

Однажды вечером, приблизительно через неделю после моего приезда сюда, я услышала в коридоре шум. Я старалась различить голоса. Нет, ошибка исключалась: Диана, Дик и Джеки ворвались в комнату.

— Ля-ля-ля... — пела Диана, сильно жестикулируя.

— Мы чувствовали себя так одиноко, — заметил Дик, улыбаясь.

— Разве ты не рада видеть нас? — спросила Джеки.

— Ах, гоп-компания, да как же вы попали сюда?

— Автомобилем, — ответила Диана.

— Мы мчались без остановок, — добавил Дик.

— Да, — сказала Джеки, улыбаясь, — нам пришлось заправиться горючим в Неваде, но оттуда мы ехали уже без остановок. Мы спешили, чтобы приехать до окончания времени посещения.

— Последние пятьдесят миль мы постоянно шли на обгон, — сказал Дик, смеясь.

— Вы просто невозможны! — воскликнула я.

Это была такая радостная встреча! Визит в тот вечер сильно затянулся. Мои посетители рассказали обо всех подробностях своего путешествия. Все говорили одновременно, по очереди подходили к моей кровати, дополняя свои речи жестикуляцией и заразительным смехом.

Несколько позже пришли Джей и Кей и сразу же пригласили ночевать к себе моих друзей.

* * *

В «Ранчо» к моему лечению приступили с первого дня. Оно состояло в том, чтобы сделать меня по воз-

возможности более самостоятельной. Специально для меня были изготовлены костыли, с помощью которых меня учили пользоваться мышцами плеч и спины, чтобы я смогла пользоваться руками. Благодаря этой «перемене полярности» я научилась до известной степени поднимать и опускать руки, но так и не смогла шевелить пальцами и запястьями.

Тем не менее я стала самостоятельно есть. Специально изогнутую под углом 45° ложку вмонтировали в механический держатель руки. Движением руки я могла опускать ложку в тарелку, брать еду и подносить ее ко рту.

Эти движения, которые в течение семнадцати лет я выполняла плавно, подсознательно и легко, совершались теперь неловко, с большим трудом и требовали огромной сосредоточенности. Тем не менее я уже ела без посторонней помощи, зачерпывая пищу ложкой. Эти движения напоминали движения робота. Часто случалось, что еда выливалась из ложки, так что до рта я доносила совсем чуть-чуть. Тем не менее есть самостоятельно после полутора лет — это было для меня великое и волнующее переживание!

Постепенно мои движения становились более плавными. Я попыталась подобным же образом есть изогнутой вилкой, однако это удавалось мне с меньшим успехом. Казалось бы, не так трудно поднести ко рту жареный картофель, для меня же это было настоящим успехом.

Мой врач в «Ранчо» был молодым специалистом, достигшим, однако, поразительных успехов. Его методы были новы и весьма необычны.

— Спасибо, доктор, что вы не выпроводили приехавших ко мне друзей.

— Я даже не хочу, чтобы кто-то из них уезжал, — ответил он. — Наоборот, пусть приходят как можно ча-

ще. Я хотел бы, чтобы они наблюдали общее течение процесса твоего лечения, чтобы они поняли, почему твои возможности ограничены.

— Значит ли это, что они могут наблюдать за мной во время лечебной гимнастики и трудовой терапии?

— Всюду. Видишь ли, Джони, твои родственники и друзья должны знать твои реакции, потребности и проблемы так же хорошо, как мы.

— Для чего, доктор?

— Чтобы твое обслуживание все меньше зависело от больницы, — сказал он.

— Вы хотите, чтобы они научились ухаживать за мной?

— Совершенно верно. И еще я бы хотел, чтобы ты поставила перед собой реальную цель в связи с предстоящей выпиской.

— Домой? — пролепетала я, заикаясь.

— Думаю, тебе следует подготовиться к выписке в середине апреля.

— В середине апреля! Но это уже через три месяца! Неужели так скоро я смогу сделать столь большие успехи?

— Все зависит от тебя. Но готова ли ты упорно трудиться для достижения этой цели?

— Еще бы!

Все это казалось невероятным. Я не верила, что смогу помочь восстановлению функций мышц собственными силами. В «Зеленых Дубах» я никогда не знала, что будут со мной делать дальше. Я ограничивалась минимумом надежды и потому не строила никаких планов. Я просто воспринимала повседневность как фактическую данность. Теперь же у меня была цель, которую надо было достичь в течение всего трех месяцев. У меня голова шла кругом. Я уже мечтала о предстоящей выписке.

Одна студентка по имени Джуди, работавшая в «Ранчо» ежедневно по несколько часов, подружилась со мной. В своем духовном развитии она ушла гораздо дальше меня, а потому я часто беседовала с ней о Господе Иисусе Христе в надежде, что она поделится со мной опытом своей глубокой веры.

Джуди училась в библейском семинаре и всегда была готова поделиться своими знаниями Библии. Вскоре у меня появилось чувство, что я делаю успехи во всех сферах жизни.

Однажды утром Джуди вошла в палату, катя перед собой пустую инвалидную коляску на роликах.

— Ты так много упражнялась в сидении, что теперь можешь уже пользоваться креслом на колесах.

— Действительно? Неужели я смогу передвигаться самостоятельно?

— Смотри, видишь восемь резиновых кнопок с внешней стороны колес?

Я утвердительно кивнула.

— Так вот, смотри! Опустит руки, пусть они повиснут рядом с колесами, затем положи руку на резиновую кнопку у колеса. Дело это весьма медленное и утомительное — научиться правильно владеть кнопками.

— О'кей, а когда я начну учиться?

— Уже сейчас. Ты можешь сама поехать на лечебную гимнастику, — сказала Джуди.

— Но ведь лечебная гимнастика начинается в девять. А сейчас только семь.

— Точно! — усмехнулась Джуди.

«Действительно, какой это медленный и утомительный процесс», — размышляла я. Меня привязали к креслу, чтобы я не упала, и правильно сделали. Я попробовала делать все мыслимые движения, как-то заменяя мышцы рук мышцами плеч. Мне действительно потребовалось около двух часов, чтобы про-

двинуть кресло приблизительно на девять метров в направлении помещения, где проходили занятия по лечебной гимнастике. Когда я прибыла туда, я так устала и чувствовала такое сердцебиение, что уже не было сил для занятий.

Джуди уже ожидала меня там, она дружески улыбалась, глядя на мои усилия.

— Удивительно, — сказала она.

— В самом деле? Неужели каждому требуется столько же времени?

— В первый раз — да. Многие наотрез отказываются от этого, а иные даже выпадают из коляски.

Я, конечно, была горда и взволнованна своим успехом. Впервые за полтора года я передвигалась благодаря собственным усилиям.

Благодаря многочисленным упражнениям я постепенно приобрела определенный навык в управлении коляской и научилась увеличивать скорость. Однако не всегда все было удачно. Несколько раз я, наткнувшись на стену, застревала на тридцать—сорок минут, пока кто-нибудь не приходил на подмогу.

Наконец мне дали коляску с электроприводом. Какое чувство свободы подарила она мне! Коляска приводилась в движение электроэнергией, причем коробка включения находилась непосредственно под механической опорой для руки. Постепенно я научилась так искусно управлять ею, что практически сжилась с ней.

Калифорнийский церковный приход, которому принадлежала эта больница, так устроил тут тротуары, что они вполне соответствовали движению таких колясок, сточные канавки тоже можно было легко преодолевать. Я испытывала удовлетворение от своей независимости, когда отправлялась поторопить служащих скорее обнести едой тех больных, которые не в

состоянии были передвигаться самостоятельно. Но мне все еще было неловко, когда прохожие на улице пристально разглядывали меня или когда я слышала их замечания. Меня смущал и тот факт, что, прибыв за покупками, я не в состоянии была вынуть положенную за заказ плату. Но служащий ресторана уже привык помогать инвалидам. Он упаковывал продукты в сумку, вынимал деньги из моего кармана и, улыбаясь, шутил, что скоро я буду участвовать в гонках в Онтарио.

Я не выставила своей кандидатуры на гонки в Онтарио, но сама все-таки устроила несколько соревнований.

У Рика, другого парализованного, тоже была электроколяска. Так как наше состояние было примерно одинаковым, мы решили вступить в соревнование.

— Я могу ехать в своей коляске гораздо быстрее тебя, — похвасталась я однажды.

— Неужели? Ты думаешь, что только ты можешь ехать быстро! Может быть, устроим соревнование?

Жужжащее гудение раздавалось по всему коридору, когда мы мчали «стометровку», дабы достичь следующего угла по направлению к выходу. Результат оказался «ничейным».

— Нам необходимо выбраться на более длинную дистанцию, чтобы посостязаться, — сказал Рик, улыбаясь. — Давай поедем от этого угла до конца коридора, а затем повернем за угол к парадному входу. Согласна?

— Конечно! — сказала я.

Джуди и другая помощница сделали вид, будто не замечают нашей вольности, и побежали в другой конец коридора.

— По местам! — крикнул Рик. — Едем!

Мы двинулись одновременно и, как сумасшедшие, помчались по коридору.

— Не напирай на меня, Эрексон! — смеялся Рик. — Держись, пожалуйста, своей стороны улицы!

Когда мы с шумом и смехом пронеслись мимо палат, пациенты с улыбкой смотрели на нашу игру.

Вначале Рик вышел вперед, затем я, потом опять он. Голова к голове мы прошли по «кривой» поворота в другой коридор.

Я уже обогнула угол, не замедляя скорости, как вдруг появилась медсестра с подносом в руках, на котором стояли бутылочки с лекарствами. Остолбенев от неожиданности, она остановилась. Я крикнула: «Внимание!»

Но было уже поздно. Поднос полетел дугою и, звеня, упал на пол, а моя коляска прижала к стене кричащую медсестру.

Я попыталась выключить мотор, но не сумела правильно нажать кнопку. Колеса вращались, сестра вопила, а Рик истерически смеялся.

В наказание за «удалую» езду мне запретили на некоторое время выезжать. Но и после разрешения позволили ездить только медленно.

Диана, Дик и Джей дразнили меня несколько дней. Их приезд на пару дней превратился в трехнедельное пребывание. Но вот пришли минуты прощания. Они были печальными и одновременно обнадеживающими. Я заверила друзей, что они могут ожидать меня дома уже в середине апреля.

Дик на прощание крепко обнял меня, прижимая к себе.

— Я хочу сказать только, что очень люблю тебя. И с нетерпением буду ждать, когда опять увижу тебя.

Пока Дик держал меня в объятиях, меня охватило чувство надежности и покоя. Благодаря этому я увереннее взглянула в будущее. Обязательно наступит мгновение, когда мы будем больше, чем просто друзья-

ями! О, если бы мне вернуть руки! И я, и Дик сохраняли такую надежду и всегда молились об этом. Может быть, для нас наступит общее будущее.

Наступил апрель и мне сообщили, что меня могут отпустить домой. Однако волнующий меня вопрос так и оставался еще без ответа.

— Доктор, я упорно тренировалась, чтобы вновь научиться пользоваться руками. Теперь я хотела бы спросить вас, смогу ли я когда-нибудь достичь этой цели?

— Нет, Джони. Ты никогда не сможешь пользоваться руками, — услышала я беспощадный ответ. — Смирись с этим.

Слова врача были прямо противоположны тому, что я хотела бы услышать и о чем молилась. Я не была готова к тому, что в течение всей жизни уже никогда не смогу пользоваться ни руками, ни ногами, всегда буду зависимой от других, навсегда останусь беспомощной.

Правда, в конечном итоге эта весть не была столь уж неожиданной для меня. Вероятно, я подозревала об этом, тем не менее упорно надеялась, что в «Ранчо Лос-Аламос» со мной все-таки совершится чудесное исцеление.

С глазами, полными слез, я продиктовала письмо для Дика, в котором сообщила ему сказанное врачом.

«По каким-то причинам Бог не внимлет нашим молитвам. Дик, я никогда не смогу пользоваться руками. А это значит, что я всегда буду зависима от других и совершенно беспомощна. Я никогда не смогу быть женой. Знаю, что ты любишь меня, как и я тебя. Однако у Бога, очевидно, есть что-то иное в отношении нас. А потому останемся только друзьями, Дик. Я хочу, чтобы ты был свободен. Дружи с другими девушками, уповай на Бога, чтобы Он даровал тебе верную

подругу. Мне больно, Дик, но ничего нельзя изменить. Я не могу допустить, чтобы все оставалось в столь безнадежном для тебя положении. Довольствуйся только нашей дружбой!»

Я подписала это письмо не «твоя Джони», как делала прежде. На этот раз я подписалась просто «Джони».

Мне было совсем не просто положить конец особым отношениям с Диком. Мне стало очень страшно. Я любила его, не хотела терять, но вполне определенно знала, что не могу выйти за него замуж, по крайней мере сейчас и в таком состоянии. Моя инвалидность была бы для него слишком большим бременем, а связь без надежды на брак — большой несправедливостью. Мне было очень больно, когда я пришла к выводу, что не смогу стать женой Дика. Но в то же время стало ясно, что лучше не страдать больше из-за данных в прошлом обещаний, которые нельзя исполнить.

Правда, я уже смирилась с тем, что никогда не смогу ходить, но все еще верила, что, несмотря на это, смогу водить автомобиль, готовить еду, работать своими руками и обнимать ими любимого. Я надеялась, что смогу самостоятельно мыться, налить и выпить стакан воды, что сумею расчесать волосы и даже сделать прическу. Правда, это не какие-то особые достижения, но все-таки то, что отличает просто инвалидов от полностью парализованных.

Лишь постепенно я начала сознавать жестокую реальность своего увечья: в течение всей моей жизни мои руки и ноги так и останутся неподвижными.

8

После возвращения из Калифорнии я поверхностно, с формальным смирением благодарила Бога за то, что Он не вернул мне возможности пользоваться руками. Ведь поэтому я не могла выйти замуж за Дика. Честно сказать, меня медленно, но верно одолевал цинизм, и я опять начала сомневаться в истине, изложенной в Послании к римлянам. «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28).

Родители очень радовались тому, что я опять дома, что я теперь с ними. А я была огорчена и полна возмущения, что Бог не услышал моих молитв о возвращении мне подвижности рук.

Диана проводила много времени у нас. Она ухаживала за мной и пыталась меня ободрить.

— Я знаю, что тебе сказали в «Ранчо Лос-Аламос»: ты никогда не сможешь ходить и пользоваться руками, но ведь ты же не можешь отказываться от своей надежды, — сказала она.

— Почему же нет? — с горечью возражала я.

— Ты должна пользоваться тем, что тебе осталось.

— Но у меня ведь ничего не осталось!

— Не говори этого! — воскликнула Диана. — Я видела людей в «Зеленых Дубах» и в «Ранчо», которые были в гораздо худшем, нежели ты, положении — слепы, глухи, немые. Некоторые из них потеряли даже свои мыслительные способности, стали словно животные. У них действительно уже ничего не осталось, Джони! Но при тебе — твой разум, голос, глаза и

уши. У тебя есть почти все, в чем ты нуждаешься. И ты можешь пользоваться тем, что имеешь, вот что я могу тебе сказать!

— Ну, посмотрим, — сказала я.

Дик пришел меня навестить, однако наш разговор как-то не клеился, и чувствовали мы себя скованно. Он не ответил на мое письмо и не сказал: «Да, Джони, ты права. Мы не можем пожениться, потому что я не смогу справиться со сложностями, вытекающими из твоей инвалидности».

Наконец однажды вечером он вдруг коснулся этой темы:

— Джони, мне все равно: выздоровеешь ли ты полностью, или не совсем. Если не выздоровеешь, то все равно я буду счастлив вступить с тобой в брак, потому что тогда я буду единственным человеком в мире, которому Бог даровал жену в инвалидной коляске.

— Как же ты можешь так говорить? Какой же это подарок?

— Конечно, я рассматриваю тебя и твою жизнь как особое благословение.

— Как благословение? — прервала я его.

— Да, конечно, как благословение, потому что Бог дарует лишь благо, — возразил Дик.

— Нет, Дик, из этого ничего не получится. Моя инвалидность — это слишком много, чтобы с этим справиться. Это слишком даже и для меня, не говоря уже о тебе.

— Однако делить тяжесть — значит облегчать ее для каждого из нас.

— Это звучит красиво, но это нереально, — ответила я.

Дик молчал. Он не мог понять того, о чем я говорила, и представлял итог таким, каким хотел его видеть.

Наконец он улыбнулся со слезами на глазах и согласился:

— Возможно, ты права. Может быть, я и не справился бы с этим. Возможно, я недостаточно силен для таких обстоятельств.

Дик позже дружил с другими девушками. Он приходил со своими новыми подругами к нам домой, чтобы представить их мне. Длительное время его знакомства лишь этим и ограничивались.

Я замкнулась в себе и в домашнем кругу. После столь долгого отсутствия мне очень нравился наш уютный отчий дом, он всколыхнул во мне много прекрасных воспоминаний. Однако по некоторым причинам я больше не чувствовала себя здесь как дома: мне казалось, что мне нет здесь места.

Это состояние вызывало во мне странное чувство, подобное той угнетенности, которая владела мной в первые месяцы после несчастного случая.

— Что с тобой, моя радость? — спросил меня однажды отец.

— Я... я не знаю, папа. Я подавлена и грустна. Не знаю, смогу ли когда-нибудь внутренне смириться со своим положением, — сказала я. — Всегда, когда я думаю об этом, меня охватывает прежняя угнетенность.

— Дай время, Джони. Мы делаем и сделаем все, чтобы тебе помочь. Ты же знаешь.

Его сияющие глаза и улыбающееся лицо излучали ободрение.

Я глубоко вздохнула и сказала:

— Более всего угнетает моя беспомощность. Я осматриваюсь в доме и повсюду вижу вещи, сделанные тобой. Как грустно, что в отличие от тебя я не смогу оставить после себя никакого наследства. Если тебя когда-то не станет, останется этот красивый дом,

картины, резьба. Даже мебель, которую ты сделал. А я не смогу оставить после себя миру ничего ценного.

Папа нахмурился, но затем опять улыбнулся:

— Это неверно, Джони. Все эти вещи, которые я сделал своими руками, по существу мало что значат. Гораздо важнее то, что ты развиваешь силу характера. А характер человека делается не руками.

— Может быть, ты и прав, папа.

— Конечно, прав!

— Но почему же Бог допускает такое? Посмотри на нашу семью. Мы пережили столько горя: мой несчастный случай, развод Джей, а вот теперь — маленькая Келли (у моей племянницы обнаружили рак мозга, она была при смерти). Это так несправедливо, — жаловалась я.

Папа положил свои руки мне на плечи и посмотрел в глаза:

— Может быть, мы так никогда и не сможем постичь этих «почему», Джони. Посмотри на меня, я не пастор, не писатель и не знаю, как описать все, навалившееся на нас. Но, Джони, нужно просто верить, что Бог знает, что делает.

— Я не уверена в этом, — возразила я.

— Мы часто молимся: «Господи, я великий грешник. Я заслуживаю ада и осуждения. Но я благодарен Тебе, что Ты искупил меня». На одном дыхании мы произносим, что не заслуживаем Божьей милости и благодати. Но как только нам приходится нести бремя забот или страданий, мы начинаем упрекать Бога: «Господи, что же Ты делаешь со мной? Разве Ты не видишь?» Но мне кажется, если мы действительно заслужили самого худшего и если, благодаря страданиям, нам приходится узнать, что такое ад или хотя бы получить о нем представление, тогда нам следует терпеливо сносить наши страдания. Верно?

— Неужели ты считаешь, что я заслужила того, чтобы остаться парализованной, что Бог справедливо наказал меня?

— Конечно, нет, моя дорогая. Это наказание — крест. Я, безусловно, не в состоянии объяснить происходящее. Но мне надо верить, что Бог знает, почему допускает это. Уповай на Него, Джони. Уповай на Него.

— Попытаюсь, — сказала я тихо.

* * *

И когда наступило лето, в моем душевном состоянии не произошло улучшения. Я ожидала чуда от Бога, находясь в «Ранчо Лос-Аламос». Я была убеждена, что Он возвратит мне возможность пользоваться руками. Когда этого не случилось, я почувствовала себя обманутой. Бог разочаровал меня. А потому я рассердилась на Бога.

Чтобы отомстить Ему, я нашла путь исключить Его вместе с окружающим меня миром из своих чувств: пребывая в подавленном состоянии, я начала «совершать фантастические прогулки». Я или спала допоздна, предаваясь разным мечтам и грезам, или же дремала днем, чтобы только не лишаться возможности видеть сны, погружаться в фантастические видения. Благодаря интенсивной сконцентрированности я научилась мысленно полностью уходить от действительности.

Я пыталась вызывать в памяти прежние переживания вплоть до мельчайших подробностей. Я сосредотачивала всю свою душевную силу на оживлении этих переживаний.

В мечтах я будила воспоминания о приятных телесных ощущениях, когда-то испытанных: чувство, сопряженное с ношением старых, мягких джинсов,

чувство, вызываемое горячим душем, чувство с ощущением легкого дуновения ветерка в лицо, солнечного луча на теле. Плавание. Верховая езда. Скрипучий звук седельной кожи под коленями. Ни одна из этих маленьких вспоминаящихся радостей по своему существу не была порочна. Но всеми ими я пользовалась только затем, чтобы изгнать Бога из своих размышлений.

Однажды я сидела в коляске перед домом на нашей ферме в Сайксвиле. Друзья, которые приехали меня навестить, оседлали лошадей и ускакали. Я оказалась предоставлена самой себе, своему самосостраданию. Я сравнивала свой жребий с их судьбой. Как же им было хорошо. Теплое летнее солнце светило сквозь ветви больших дубов и ослепительно бликовало на сочной и мягкой траве лужайки у моих ног. Я закрыла глаза и вспомнила один из подобных дней в минувшие годы.

В мыслях я опять была с Джейсоном, вместе с ним скакала по благоухающим лугам к лесу, чтобы остановиться в укромном местечке. Я парила в мечтах, представляя безграничную радость и волнующее чувственное удовольствие, наслаждаться которым мне уже было недоступно.

Когда Дух Святой обличал меня, я протестовала еще больше. «Какое у Тебя право запрещать мне помышлять о чем-то таком? Ведь Ты же привел меня в такое состояние! У меня все права на мечту. Я уже никогда не испытаю чувственных наслаждений и радостей. Но воспоминаний об этом Ты не в состоянии отнять у меня».

Но чем больше я грезила об этом, тем больше замыкалась в себе. Я была малодушна, уязвлена, я обвиняла во всем Бога и утверждала, что эти воспоминания очень много значат для меня.

Потом я попыталась питаться другими воспоминаниями. Однажды будучи в гостях у подруги в доме ее родителей, я сидела возле плавательного бассейна и радовалась ощущениям, испытанным в воде: благоуханию окружающей влаги, плаванию в прохладе, погружению в воду, освежающему дуновению воздуха, вспоминала влажные и упругие, как проволока, волосы на голове, отдых на горячих плитках края бассейна под лучами солнца. Я вспоминала, как водяные жемчужинки скатывались по моим плечам и ногам, прокладывая узкие щекочущие дорожки.

Я препиралась с Богом. Я пыталась воспроизвести в воспоминаниях каждую минуту радости в прошлом и с горечью упрекала Его. Я никак не могла примириться с действительностью, или, как говорят, с волей Божьей. Неужели же мне так никогда больше не пережить и не ощутить этого?

Внешне, однако, я скрывала свои чувства под маской любезности и дружелюбия. Внутренне — мой протест против Бога не знал пределов.

* * *

На лето к нам приехала Диана. Вначале она не замечала моих мысленных «прогулок». Однако вскоре она почувствовала, что мои приступы подавленности ускользают из-под контроля, и я целый день пребываю в каком-то мечтательном настроении.

— Джони! Откажись от всего этого! Проснись! — воскликнула однажды Диана. Она энергично встряхнула меня за плечи.

Я с трудом возвращалась к действительности.

— Что-о-о?

— Джони, что такое? Я говорила с тобою, а ты смотрела мимо меня в пустоту. Ты заболела?

— Нет. Оставь меня в покое!

— Это не поможет тебе. Ты не можешь уйти от действительности, — говорила Диана. — Ты должна смотреть правде в глаза. Нельзя замыкаться в прошлом. Прошлое умерло, Джони. А ты живешь.

— Разве я живу? — ответила я цинично. — Это не жизнь.

Диана своими порицаниями постоянно возвращала меня из фантастических путешествий в реальность, однако я вновь и вновь ускользала из нее. Я заметила, что дремота более всего содействовала этому, когда в комнате царил полумрак и тихо жужжал кондиционер. Это был гипнотизирующий шум, помогавший забыть об окружающем мире. Требовалось не слишком много времени, чтобы опять погрузиться в мечтательное состояние переживания прошлого с его радостями и ощущениями.

Наконец, я заметила, что уже не могу идти дальше в своем мятежном негодовании против Бога. Я поняла, что и это грех. До несчастья моя греховность состояла в том, что я совершала неугодные Богу поступки. Сейчас у меня не было возможности обращать в дела грешные помыслы. Я поняла, что существуют не только грехи дел, но и грехи помыслов. Именно помыслы, прежде чем дела, создают основу для протеста и мятежа против Бога. Мне стало ясно, что даже «не реализованные» гнев, похоть, желания, таящиеся в душе, уже грешны. Итак, я грешила не только делами, грех был составной частью моего существа. Хотя у меня не было возможности делом протестовать против Бога, я все-таки грешила. Грех был частью меня самой.

Я знала, что нахожусь в состоянии, которое апостол Павел называет «плотским» и которое противоречит «духовному». Я оказалась в невыносимом положении: будучи несчастной, я уже не могла угодить Богу. «По-

тому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8:7–8).

«И себе не могут!» — сказала я с отчаянием. Я увидела, что подавленность и бегство в иллюзии еще глубже повергают меня в отчаяние.

Я не понимала, что Бог хочет явить мне. А потому стала молиться, как прежде: «Господи, я знаю, что у Тебя есть какой-то план относительно моей жизни. Но мне нужна помощь, дабы понять волю Твою. Мне нужна помощь, чтобы познавать Твое Слово. Умоляю Тебя, Господи, сделай так, чтобы я могла служить Тебе и лучше понимать Твое Слово».

9

Это было летом 1969-го. Миновало уже два года после несчастного случая. Я размышляла о происшедшем со мной за это время. Подводя итоги духовной жизни, я убедилась, что она состояла из подъемов и падений, но падений было гораздо больше. Я только что перенесла самую глубокую из случившихся после катастрофы депрессий и хорошо знала, что скоро вновь окажусь в таком же состоянии, если мне не поможет кто-нибудь из духовно зрелых людей. Это был всего лишь вопрос времени.

Я сделала большие успехи в своем телесном выздоровлении, но стало ясно, что я никогда не смогу ходить и пользоваться руками, что, начиная от плеч, я полностью парализована, а потому никогда не смогу самостоятельно ухаживать за собой. Было очевидно,

что из-за своего физического состояния я очень зависима от других. Одной этой зависимости вполне достаточно для пребывания в постоянной подавленности.

Я несколько раз разговаривала с Дианой о моих заботах.

— Диана, меня мучит роковое чувство безнадежности и неполноценности, — говорила я. — Я прошу Бога, чтобы Он сделал что-то в моей жизни, чтобы Он показал, что она все-таки ценна для Него.

— Я тоже серьезно молюсь об этом, Джони, — ответила она мне и добавила: — Знаешь, я приду как-нибудь со своим другом, ты должна познакомиться с ним.

— Кто же он? Почему это необходимо?

— Стив Эст. Ты его не знаешь, в духовном отношении он полный твой антипод. У него такая любовь к Господу, он так хорошо знает Библию, что действительно может быть для тебя поддержкой.

— Может быть, — сказала я без особого воодушевления.

— Он еще совсем молод. Точнее говоря, он еще учится в гимназии.

— В гимназии? Диана! Так он же еще ребенок!

— Нет, не суди так. Подожди, пока не увидишь его.

Стив Эст пришел с визитом в тот же вечер. Едва он вошел в комнату, всякая предвзятость во мне исчезла.

Он стоял над моим креслом. Пронизывающий взгляд его зеленых глаз выражал откровенность и теплоту. В последовавшей затем беседе исчезла всякая неловкость. Он проявлял зрелую ясность сознания, мне же особенно импонировало его отношение ко мне.

Многие, встречаясь со мной впервые, чувствуют себя как-то неловко и даже беспомощно рядом с моей инвалидной коляской. Она поражает их и вызывает

жалость ко мне. Обычно нужно несколько посещений и бесед, чтобы посетители могли забыть о ней и были в состоянии вести со мной нормальные разговоры. К сожалению, некоторые не могут справиться с собой, и в результате я чувствую себя как-то скованно и неловко.

А вот Стив сразу повел себя совершенно естественно, так что я с первого же мгновения почувствовала себя с ним свободно. Он говорил быстро, жестикулировал, словно все воодушевляло его. Во время нашей беседы он сообщил мне свой взгляд на Библию — те мысли, которые волновали его и побуждали к размышлениям.

— Джони, — серьезно рассуждал он. — Разве не величественно все совершенное и совершаемое Богом в жизни людей?

«Что? Каким образом? Где?»

Я стыдилась задавать ему эти вопросы, хотя они возникали у меня именно в такой форме. Но, собственно, это не играло никакой роли. Стив отвечал на них, хотя я и не спрашивала его.

— Многие переживают настоящие чудеса в «Молодой жизни» в Вудлоуне, и в нашей церкви Дух Божий благотворно действует во многих. Одна супружеская чета была на грани развода — Бог опять свел их вместе. Парня-наркомана Он излечил, а девушке помог выйти из душевного кризиса. Следовало бы тебе видеть их сегодня!

Эти истории он выдавал, словно пулеметную очередь, и я вновь начала ощущать присутствие силы Божьей. Иисус Христос дивным образом являл Себя в жизни разных людей. Это влияло на Стива, а через него — на меня.

Стив сам познал, как любовь и сила Божьи проявляются в человеке. Вера, энергия и духовная зрелость выгодно отличали его от меня. Он излучал упование и

любовь к Иисусу Христу и обладал, повторяю, четким самосознанием. Я удивлялась, что шестнадцатилетний юноша владеет таким богатством духовных чувств и таким умом. И в двадцать лет я духовно не доросла до него. В нем было некое жизненное качество, которым и я хотела бы обладать. От него исходила какая-то сила и уверенность. С глубокой убежденностью он говорил о Господе Иисусе Христе, собственным примером свидетельствовал о вере, которую может даровать человеку Христос.

— Стив, то, о чем ты рассказываешь, представляется мне свежей и новой истиной, — сказала я в радостном возбуждении. — Пожалуйста, приходи.

— Конечно! Я охотно сделаю это!

— Можешь ли ты помочь мне получить то, чем владеешь сам? Я тоже христианка, но существует многое, чего я не знаю об Иисусе. У тебя больше духовных сил и библейских познаний.

— Джони, а что если я каждую среду буду приходить к вам и изучать с тобой Писание?

— Великолепно! — ответила я.

Диана улыбалась и одобрительно кивала.

— Я тоже буду с вами, а может быть, еще и Джей, и другие. Хорошо?

— Конечно, — рассмеялся Стив.

Странно. Шестнадцатилетний юноша хотел предложить группе взрослых свои наставления в христианской вере. И никто не сомневался в его авторитете и способности справиться с этой задачей. Он уже тогда владел даром слова и талантами, которые необходимы настоящему пастору. Все признали его способности к руководству.

— Джони, — сказал он, — я очень хорошо чувствую себя в твоём доме. Атмосфера такая, словно я с Фрэнсис Шефер на каникулах в Ля Абри.

Он чувствовал, что я и некоторые другие еще не совсем понимаем основу христианского учения о сущности Бога, о божественности Иисуса Христа, о грехе, покаянии и искуплении. Эти темы стали ключевыми в нашем еженедельном изучении Библии.

— В Послании к ефесянам, — объяснял Стив, — Павел говорит, что мы получим фантастическое наследство: Бог избрал нас во Христе, создал нас по Своему образу и подобию. При этом у Него была совершенно особая цель. Бог хочет, чтобы мы росли и богатели в своей духовной жизни. Многие люди не знают, что такое духовная зрелость. Если человек читает наизусть много стихов из Священного Писания, его обычно считают духовным. Но обладание обширными библейскими познаниями еще не есть духовная зрелость. Истинная духовная жизнь в том, что мы воплощаем Слово Божье в дело, а не относимся к нему как к прекрасному, но отдаленному идеалу.

Разбирая вместе со Стивом библейские истины, я все больше уясняла себе поверхностность моей собственной жизненной веры. Подъемы и падения в моей духовной жизни составляют такую же кривую, как и мое телесное состояние. Я твердо решила, что необходимо преодолеть колебания. Хоть и медленно, но я стала понимать духовные принципы, а потому и согласовывать с ними свою жизнь.

Теперь, когда я оставалась наедине с Богом, мне становилось ясно, что я стремилась уйти от Него, повернуться к Нему спиной, и я самоисповедовалась: «Господи, я заблуждалась, когда пыталась удалить Тебя из своей жизни. Прости меня, Боже. Благодарю Тебя за понимание вновь предложенного мне Твоего Слова. Прости меня, молю Тебя, и возврати меня обратно к Себе, в Твое общение». Дух Святой привел меня к глубокому покаянию. Затем Он стал учить

меня. С каждой следующей средой библейские истины становились для меня все более значимыми. Очень медленно, но я все-таки научилась смотреть на жизнь с Божьей точки зрения.

Я убедилась также, что Слово Божье является, так сказать, справочником для разумного образа жизни. Бог не предлагает нам никаких необоснованных указаний.

Я уяснила, что Бог высказывает в Священном Писании определенные предостережения, например, что половая добрачная связь противна Его воле. Предостережений, напоминающих о недопустимости добрачного полового союза, в Библии больше, нежели предостережений о других грехах, как то: злословие, недовольство, ложь и гнев. Касаясь последних, Библия говорит: «Противостаньте диаволу» (Иак. 4:7), т. е. вступайте в борьбу с грехами – и преодолете их. В отношении же греха внебрачной половой связи Библия говорит: «Бегайте блуда!» (1 Кор. 6:18). Если бы я была послушна, если бы противостояла искушению, меня потом не мучили бы желания, которых никогда уже нельзя будет удовлетворить. Они превратились в неутолимую жажду чего-то недостижимого. Как часто я убежала от действительности, чтобы в своей фантазии вновь пережить все это, но никогда мои помыслы не претворялись в подлинное переживание. Чувства так и оставались призрачными и не доставляющими удовлетворения.

Из нашей связи с Джейсоном мне необходимо было извлечь горький урок. Я испытывала мучения не потому, что совершила что-то отвратительное и ужасное, – наоборот. Плотская любовь, по существу, волнующая и прекрасна. Но я преждевременно вступила в связь, предназначенную для брака, а потом алчно погрузилась в воспоминания.

Я знаю девушек, проливавших горькие слезы име-

но из-за этого. Им пришлось убедиться, что добрачная половая связь вызывает угрызения совести и чувство виновности, способные сильно обременять в остальном вполне счастливую и благополучную жизнь и даже расстроить брак.

Но вот теперь с помощью Божьей я покаялась и все это оставила позади. Я просила у Бога покровительства, просила силы воли, чтобы более не уступать подобным помышлениям. Кроме того, я просила дать мне больше духовных сил, чтобы впредь не погружаться в самосожаление, не гоняться за былыми воспоминаниями. Я старалась раз и навсегда расстаться со своим прошлым, сконцентрировавшись только на настоящем. При этом я ссылалась на обетование Слова Божьего, в силу которого Бог навсегда освобождает нас от наших преступлений (Пс. 102:12).

Я приняла решение как можно скорее избавиться от прошлых воспоминаний: раздарила друзьям клюшки для хоккея, продала Перекати-Поле и избавилась от предметов, напоминавших о прошлом.

Так я была вынуждена уповать только на Бога. У меня не было другой возможности, как только благодарить Его за все, что он пошлет мне в будущем.

Когда я вновь начала молиться и действительно полагаться на Него одного, Он не разочаровал меня. Прежде я говорила: «Господи, я хочу исполнять волю Твою, конечно же, состоящую в том, чтобы я поднялась на ноги или, по крайней мере, научилась пользоваться руками». Я как бы сама решала, что Бог должен делать в будущем, и протестовала всякий раз, если дела принимали иной оборот.

Теперь же я плакала о потерянных месяцах, полных огорчения и греха. Я молилась, чтобы Бог помог познать Его волю относительно моей жизни. Но какова же все-таки была воля Божья? Чтобы постичь это,

необходимо было согласиться, что все, случившееся со мной, — часть общего предназначения. Я читала: «За все благодарите: ибо такова о вас воля Божья во Христе Иисусе». Но была ли воля Божья на то, чтобы я благодарила Его именно за все? Конечно! Теперь я слепо верила, что именно такова истина. А потому я благодарила Бога за все, что Он сделал, и за все, что Он еще совершит.

Когда я все внимание обратила на слова Священного Писания, у меня уже не было необходимости уходить от действительности. Чувственность потеряла свое значение. Теперь уже не было желания жить иллюзиями телесных ощущений и чувств, потому что я поняла, что все преходяще и подвержено времени. Библия ясно говорит, что наше тело — прах земной. Следовательно, моя беспомощность связана лишь с моей земной оболочкой. Когда же я освобожусь от всего земного, когда сосредоточусь на вечности, тогда все мои заботы и бедствия из-за того, что я прикована к креслу, окажутся второстепенными.

Стив указал мне в Библии, что Бог совершенно иначе смотрит на вещи, нежели мы. В Послании к евреям (12:1) апостол Павел призывает нас с терпением переносить тяготы жизни. Во Втором послании к коринфянам (5:15) он напоминает о том, что тело — временное убежище для нашей души и личности. В Послании к филиппийцам (1:29) он говорит о том, что некоторые призываются к страданию за Него, может быть, даже к «огненному испытанию». Апостол Петр в Первом послании говорит: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (4:12–13).

Стив открыл мне Священное Писание, помог смотреть на страдания и боль в свете Божьем.

— Страдальцы, — объяснил мне Стив, — должны свое внимание обратить на то, чтобы не уклоняться от правды, одновременно поручая свою жизнь заботам Божиим. Конечно, всем следует так поступать, но тем не менее Библия ясно указывает, что те, на чью долю выпадают особо тяжкие испытания, должны полностью жить для Иисуса Христа.

В своих фантазиях и мечтах я возвращалась к прежним переживаниям, потому что бежала от суровой действительности. Однако, по Библии, даже настоящее — еще не действительность. Однажды для каждого из нас наступит жизнь, которая будет высшей реальностью, и только эту истину, которую мы воспринимаем верой, есть подлинная действительность.

Из занятий и дискуссий со Стивом, которые затягивались до глубокой ночи, мы извлекали большую пользу и делали серьезные шаги в духовном развитии.

Диана первое время жила у нас, но осенью вернулась в колледж изучать психологию. Там она освоила «игру с подменными ролями», посредством которой можно было лучше понимать человека в различных жизненных ситуациях.

Однажды вечером после библейского урока мы поменялись друг с другом ролями, чтобы на какой-то час «надеть ботинки другого». Диана и я поменялись местами. Меня посадили на диван, тогда как Диана села в мою коляску.

— Знаете, это просто смешно, — начала Диана разговор, войдя в роль. — Кажется, вы все испытываете страх перед этой инвалидной коляской. Каждому хочется сохранить по отношению к ней надлежащую дистанцию. Вокруг коляски как будто бы создалось пространство, в которое никто не хочет ступить.

— Это уже интересно, — добавила я. — Когда я сижу на диване, люди мне представляются менее беспомощными.

Мы говорили о коляске и о том, какое впечатление производит она на разных людей. Типичная реакция постороннего, у которого возникает чувство снисхождения к тому, кто, по его мнению, менее полноценен. Я вполне допускаю — и эту мысль я высказала уже раньше, — что многие люди считают физически неполноценного человека умственно отсталым.

Диана, Дик и Джей привыкли к коляске, они ее не замечали. Они вели себя так непринужденно, что порой гуляние со мной превращалось для них в игру. Они или подталкивали меня одной рукой, или толчком приводили коляску в движение, а сами бежали возле нее, тем самым стараясь уберечь меня от излишнего внимания прохожих, преисполненных жалости к людям в инвалидных колясках. Ширина коляски составляет приблизительно 62 см, но люди на тротуаре обычно освобождают столько места, что мог бы проехать автомобиль. Это чувство смятения приводит к тому, что у сидящего в инвалидной коляске только усиливаются внутренние комплексы. Он кажется себе слишком толстым увальнем.

Люди часто обращали на меня внимание, быть может, произвольно, особенно тогда, когда, по их мнению, коляска катилась чересчур быстро. Неудивительно, что повсеместно бытует мнение, что с человеком в инвалидной коляске следует обращаться как с ценным грузом, скажем, как с драгоценными античными вазами.

В магазинах или на улице ко мне часто подходили пожилые дамы и, цокая языком, говорили примерно следующее: «Ах ты, милая бедная девушка!» Я вежливо улыбалась, преодолевая искушение показать свои

подлинные чувства, далеко не всегда преисполненные смирения.

Если людям, видящим мою коляску, становилось неловко, то я со своей стороны делала все возможное, чтобы избавить их от этой неловкости. Во время наших библейских уроков я разрешала Дику переносить меня на диван. Когда я сидела на диване, положив на подушку ноги, я выглядела, как все остальные.

Предпринятое действие в качестве эксперимента прикладной психологии постепенно стало привычкой. Я радовалась, считая себя членом группы, и тому, что это всех успокаивало.

Потом Диана пошла еще дальше в нашей игре с «подменными ролями». На этот раз я как бы смотрела на свое положение глазами других. Диана сидела в коляске, я на диване.

— Джони, я очень хочу пить, — сказала Диана, притворяясь беспомощной.

Оказавшись в ее роли, я вдруг заметила то, чего никогда не замечала в своей коляске: я раздражалась.

— Я смотрю телепередачу, неужели ты не можешь подождать, пока она кончится? — спросила я.

— Ну что ж, придется ждать, — вздохнула Диана.

Все понимающе рассмеялись.

Тогда я сказала:

— Неужели я такая? О Боже, как стыдно! Только сейчас я вижу, насколько я эгоистична. Я постараюсь проявлять ко всем больше уважения.

То, что меня порой сажали из коляски на диван, было полезно и для моего женского мироощущения. В коляске я бывала порой как-то скованна и смущена, а вот на диване я чувствовала себя более уверенно и не столь напряженно.

Однажды вечером, смотря телепередачу, Дик лег на диван и положил мне на ноги голову. Мне удалось

снять механический держатель, и рука свободно скользила по волосам Дика. Я, конечно, при этом ничего не чувствовала, а вот Дик чувствовал. Дик расслабился от этого внимания к нему и, казалось, был счастлив.

Но эти счастливые минуты омрачались болезнью Келли. С каждым днем она слабела. Но теперь мне было легче принимать наши судьбы, потому что я укрепилась в вере и стала проницательней.

Стив продолжал приходить, иногда даже несколько раз в неделю. Его объяснения Библии постепенно стали мне необходимы. Прежде я принимала библейское учение, почти не задавая вопросов и никогда не пытаясь усвоить его как личностный опыт. Я не проверяла истинность Библии. Во время депрессии в «Зеленых Дубах» я анализировала лишь философские и богословские взгляды, не желая принимать их постулаты без предварительной проверки. Но теперь я получала ответ на мои вопросы непосредственно после того, как я их задавала. Стив так хорошо объяснял существующие взаимосвязи, что мне подчас даже казалось, будто его устами говорит Сам Господь.

Тот факт, что Стив вошел в мою жизнь, я рассматривала как полноценный ответ Божий на мои исполненные сомнений молитвы, возносимые к Богу до знакомства со Стивом.

Мы также говорили и о втором пришествии Господа. Стив подчеркивал, что после Христова пришествия я в мгновение ока обрету новое тело. Христос дарует мне тело, способное выполнять не только то, что и прежде, но намного больше. В один прекрасный день ко мне вновь возвратятся чувства! Не вечно я буду парализована!

Все это привело к тому, что я вновь стала совершать фантастические «прогулки» и искать покоя в мечтах.

Однако Стив помог покончить с подъемами и спа-

дами духовного состояния. «Помышляйте о горнем, а не о земном!» — читал он мне из Послания к колоссянам. Так как меня наполняла надежда, что в один прекрасный день у меня будет новое тело, мне было сравнительно легко направлять помыслы и желания к небесным, вечным, темам. Я потеряла земные радости, например, возможность пользоваться своим телом, а потому сравнительно легко принимала эти наставления. Хотя я здесь, на земле, обречена жить в инвалидной коляске, я имела уверенность, что однажды опять буду свободна и здорова.

— Стив, я постепенно начинаю усматривать в своей коляске средство, а не трагедию. Я думаю, что Бог еще более приоткроет мне Себя.

Стив учил меня претворять Слово Божье в жизнь. Я читала Библию с сознанием: «Такова воля Божья!» Разум постигал истину. Приближаясь же к ней чувствами, я хотела сначала согласовать ее с моей волей. «Да, это воля Божья, — говорила я. И добавляла: — Для меня!»

«Господи, я уповаю на Тебя, верю, что Ты победоносно проведешь меня через эту ситуацию», — молилась я. Священное Писание приобрело для меня личностное значение. Иов вынужден был страдать, и его мучения были несравнимы с моими. Иеремия вынужден был страдать, и у него я могла чему-то учиться. Павел переносил бичевания, темницу, болезни, и я чувствовала себя связанной с ним. Я стала понимать то, что Библия называет участием в страданиях.

Отрывки из Библии, имевшие для меня большое значение, я учила наизусть. Я особенно хорошо понимала те разделы Библии, которые отвечали моим потребностям, и легче уповала на Бога в вопросах жизни. Даже в периоды маловерия и сомнений я могла опираться на библейские факты. «Бог знает, что делает», — всегда говорил мой отец.

Выучив наизусть Божьи обетования, я поверила, что когда-нибудь Господь выведет меня из этой школы страдания, но только в нужный Ему момент. Апостол Павел писал, что ключ к успеху — в непрестанных усилиях. В зените жизни и самоотверженного служения Христу он сознавал, что цель им еще не достигнута.

Вероятно, рассуждала я, мои страдания и мое обучение — процесс духовного роста, который будет совершаться в течение всей жизни. Он закончится только тогда, когда я встречу Иисуса Христа на небесах.

Мне было необходимо наверстать многое. Если жизнь имеет для меня значение, мне надо как можно больше постичь и учиться, усваивая не только духовные истины, но и приобретая академические познания. Мне необходимо найти такой путь, чтобы быть полезной обществу.

Диана и Джей оказали мне неоценимую помощь в возвращении в общество. Появилось волнующее и бодрящее чувство при знакомстве с новыми людьми и местами. Я постепенно привыкала к моей инвалидной коляске и к навязчивому вниманию посторонних людей. Было приятно провести лето на свежем воздухе: после двух лет в больницах я едва не забыла, что можно слышать, видеть и осязать природу. Новые впечатления оживили мои высохшие чувства. Конечно, в этом были и свои минусы. Я очень быстро уставала, и нужно было подолгу отдыхать, чтобы после таких прогулок восстановить силы.

Стив придал мне мужества мое восприятие мира облекать в слова и претворять в практику новые жизненные познания. Он предложил мне встретиться с молодежью церкви и рассказать о своей вере и опыте христианской жизни.

Мысль о выступлении перед пятнадцатью подростками приводила меня в ужас. Из-за своей болезни я

тогда была очень робка. Когда наступил час молодежного собрания, я страшно разволновалась. Я смотрела в самоуверенные лица этих молодых людей и настолько смутилась, что почти не могла говорить.

«Я, Джони Эрексон, и...» В голове было пусто. Что же мне сказать?

Молодые люди были вежливы. Они не улыбались и не подшучивали надо мной.

«Я... хотела бы рассказать вам... что означает для меня Христос. Он для меня реальность. У меня... было много... трудностей, но я... Он остался верен мне. Надеюсь, что и вы знаете Его, как знаю Его я».

У меня пересохло в горле, лицо горело, я не могла придумать, что бы еще сказать им... Я опустила глаза и не произнесла больше ни слова...

После недолгой мучительной паузы Стив продолжил начатую мной мысль. Связав воедино сказанное мной, он вдохнул в него смысл. Мне стало легче.

Позже я решительно заявила ему:

— Пока жива, ни за что больше не стану выступать.

— Ерунда! — возразил Стив. — Тебе попросту не хватает опыта. Со мной случилось то же, когда друг попросил меня свидетельствовать на евангелизации.

— Неужели?

— Я что-то бессвязно пролепетал. У меня было чувство, будто я проглотил язык.

— Но у меня вообще отсутствует дар речи... Я это просто не могу... Я лишаясь присутствия духа.

— Ты должна научиться, — сказал он, слегка хлопнув меня по колену. — Ты можешь посещать лекции в университете в Мэриленде. Там много инвалидов. Ты не будешь испытывать трудностей.

— Может быть, ты прав. Если Диана и Джей помогут мне, я этой же осенью отправлюсь учиться.

С сентября я стала посещать лекции в университе-

те. Джей и Диана ходили со мной и вели для меня конспекты. Я записалась на цикл лекций по интерпретации, стилистике и риторике. Мои выступления касались вещей, хорошо мне известных, о которых я могла беседовать с легкостью: как устанавливать контакт с инвалидами и каким опытом можно обогатиться, будучи христианином.

Постепенно я становилась более уверенной, особенно, когда замечала, что люди проявляют интерес к тому, что я говорю. Глубоко в душе я чувствовала, что Господь готовит меня. Наступит день, когда придется воспользоваться тем, чему я научилась.

Мне становились ближе духовные истины. Это помогло мне одержать победу над воспоминаниями о прежних грехах, искушениях и подавленности. Бог позволил мне восторжествовать над моей грешной природой, позволил глубже познать, сколь важно Его присутствие.

Мое фантазирование полностью улетучилось. Присутствие Божие наполняло меня, и мне не нужен стал возврат к воспоминаниям о прошлом, к переживаниям минувшего. Я настолько выросла в духовном отношении, что уже не требовала для тела чувственной жизни, которую считала прежде столь необходимой. Бог освободил меня от потребности что-то осязать, ощущать. И в то же время Он заботился о том, чтобы я не была лишена чувства радости. Так, например, я радовалась кашемировому пуловеру у щеки, чьему-то прикосновению или успокоительному движению кресла-каталки. Все наполняло меня чувством глубокой благодарности. И те ощущения, которые предлагал мне Бог, когда я бывала в деревне, тоже дарили мне радость: например, ветер, треплющий волосы, или солнце, согревающее лучами лицо, или капли дождя, покалывающие щеки. Я была благодарна за все, что Он мне посылал.

10

В феврале умерла моя племянница Келли от опухоли мозга, причинявшей ей страдания в течение нескольких лет. Для меня ее смерть лишь подчеркнула значение каждой отдельной души.

Я только начинала ощущать почву под ногами. Чистая детская вера пятилетней Келли действовала на меня ободряюще. Я видела проявление силы любви Божьей и в ее маленькой жизни. Болезнь ее еще более сплотила нашу семью и приблизила к Господу Иисусу Христу.

Со временем мы поняли, что смерть Келли неизбежна, и с этим примирились. Это, однако, не означало, что мы не чувствовали боль от ее потери. И мы часто спрашивали: «Господи, почему же?» Линда, моя сестра и мама Келли, страдала больше других. Вскоре после того, как Келли заболела, ее бросил муж. Она осталась с двумя сыновьями, которым надо было помочь стать на ноги, и со смертельно больной дочерью. Ей казалось, что мир начинает рушиться, и долгое время она никак не могла справиться со своими страданиями.

В связи со смертью Келли и моей инвалидностью я все отчетливее понимала, что, вопрошая Бога о причинах несчастий: «Почему, Боже? Почему Келли должна была умереть? Почему я осталась парализованной? Почему другие живы и здоровы?», — мы приходили только к скорби и отчаянию. Без уверенности в существовании всеобъемлющего Божьего плана мы не найдем ответы на эти вопросы.

Мы не всегда ответственны за положение, в кото-

ром оказываемся. Но мы ответственны за то, как мы реагируем в той или другой ситуации. Мы можем отчаиваться и даже прийти к мысли о самоубийстве или обратиться к Богу, Который не ошибается и все держит под контролем. Только Он в состоянии обратить наш горький опыт во благо, преобразить наш образ в подобие образа Христова.

Бог руководит обстоятельствами. В моем случае Он воспользовался ими, чтобы проявить Самого Себя и Свою верность. Не каждому дается такое преимущество. У меня даже появилось чувство, что очень немногих Господь любит именно так. И это успокоило и утешило меня. Я все больше и больше полагаюсь на Его любовь, укрепляя приобретенное упование. Я поняла, что мое увечье — не несчастье, а дар, посланный Богом для того, чтобы добиться во мне преобразования в образ Христа. В конечном итоге все это обернулось для меня пользой, радостью, даже счастьем.

На занятии по изучению Библии Стив сравнил события моей жизни с обстоятельствами жизни апостола Павла: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования» (Флп. 1:12).

Я размышляла об этом однажды вечером, пока Стив пытался разжечь камин.

— Джони, случившееся с тобой будет содействовать делу Господню! У Павла были «узы», у тебя — эта коляска. Радуйся, ибо Господь избрал тебя для Своих целей. — Стив сел и начал перелистывать Библию: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29).

Эта мысль захватила меня: я подумала, что случившееся со мной произошло ради «большего успеха благовествования». Я стала теперь чаще свидетельствовать окружающим о своей вере, и мне стало ясно, что

Слово Божье не должно быть пассивно, что оно не может находиться «в узах».

Теперь я старалась рассматривать различные проблемы в причинной взаимосвязи. Я уповала на Бога, стараясь помнить, что и в моей жизни все происходит согласно формуле А. Мюррея: по воле Божьей, под Его покровом, для моего блага и в свое время. Кроме того, Он даровал мне Свое обещание, что не возложит на меня более того, что я способна нести.

Как только я поняла, что обстоятельства predeterminedены Богом, я решила, что усвоение этой истины должно способствовать ее практическому воплощению в жизнь.

Во Втором послании к фессалоникийцам (2:13) написано: «Мы же всегда должны благодарить Бога». Но иногда мне не хотелось благодарить или не хватало мужества это сделать. Теперь я решила, что буду благодарить даже тогда, когда чувство мое будет молчать.

«В течение двух лет я каждое утро просыпалась в больнице. Если теперь я не вижу особых поводов для благодарности, то все-таки могу благодарить Бога за то, что больше не нахожусь там», — думала я.

А спустя некоторое время у меня появилась потребность благодарить.

— Даже твоя инвалидность может быть благословением, — заметил Стив в одну из встреч.

— Благословением?

— Конечно!

— Этого я не могу понять, — возразила я. — Я уже многого достигла, раз рассматриваю свое несчастье как благо, в которое его обратил Бог. Но все-таки благословением мне трудно его признать.

В последующие недели я много читала о всемогуществе Божьем. То, что я узнавала, успокаивало меня необычайно и просветляло мою душу. Я смотрела на

себя в совершенно ином свете, чувствовала себя под защитой и в безопасности. Моя жизнь находилась в руках Божьих.

* * *

Весной Стив с родителями побывал на семинаре, где на основе Библии объяснялась ценность нашего «я». Однажды Стив принес мне для прочтения несколько книг, высказав при этом интересные мысли:

— Джони, тебе необходимо уяснить, сколь ты драгоценна в очах Божьих.

— И я так думаю, но все-таки — почему?

— Мне кажется, ты еще не сделала верной самооценки.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты всегда «играешь на занижение», всегда как бы обороняешься, — объяснил он.

Стив, конечно, был прав. Я все еще отмечала внешнюю привлекательность, здоровье и активность людей. И каждый, с кем я сравнивала себя, представлялся значительнее меня.

— Так бывает, когда мы допускаем, что нашу ценность определяет общество, — сказал Стив. — Мы всегда теряем, измеряя себя мнениями и масштабами других. Но ведь существует столько масштабов, сколько людей. Спортсмен судит о тебе по твоим спортивным способностям, студент — по интеллигентности, молодой человек, с которым ты дружишь, — по твоей внешности. Это приводит к бессмысленной борьбе. Нам не следует заботиться о том, что думают о нас люди. Нам необходимо считаться только с Божьим масштабом.

Это верно. Бог знал, что у меня парализованы руки и ноги. Он видел, как я выгляжу. Но все это по сути не играло никакой роли. Главное заключалось в том, что

я, Его создание, сотворена по Его подобию, и что Он еще по отношению ко мне не до конца завершил Свой замысел.

В следующие дни я благодарила Его за «себя» — за то, что является моим духом, моей душой, моей сущностью и моим телом. Я благодарила Его за свою внешность, за все, что я в состоянии или не в состоянии совершить. В то же время я вспомнила о всемогуществе Божьем, и в этом сочетании одного с другим все оказывалось на своих местах.

Жизнь моя обрела смысл. Но не только. Передо мной раскрылись непредвиденные прежде возможности, которые, подобно айсбергу, на десять процентов возвышались над поверхностью, а на девяносто скрывались в глубине. Это была новая, еще не познанная область жизни.

— Об этом говорил руководитель «Института по разрешению конфликтов среди молодежи», — продолжал Стив. — Он сказал, что наша жизнь похожа на картину, которую пишет Бог. Но очень часто мы вдруг как бы выскакиваем из мольберта, сходим с полотна, выхватываем из Его руки кисть с желанием самим дописать картину. Однако едва мы начинаем это делать, как получается лишь скверный эскиз того произведения, которое Он хочет создать из нашей жизни.

К этим мыслям Стив добавил следующее:

— Твое тело в коляске — это только «рамка портрета», который Бог пишет с тебя. Но в художественную галерею отправляются не для того, чтобы рассматривать рамы и восторгаться ими. Туда идут, чтобы посмотреть и сосредоточиться на самой картине.

Вот тогда меня и осенила следующая мысль: я могу быть совершенно спокойна, и мне не надо много размышлять о своей внешности. Бог «пишет» с меня

портрет, который должен отразить сущность Иисуса Христа, пребывающего во мне. Но в таком случае и моя коляска приобретает совершенно новый смысл. Вначале она была для меня чрезвычайным бременем и тяжелейшим испытанием. Затем, когда я увидела, как Бог трудится над моей жизнью, она представилась мне орудием Божиим. Но впервые после несчастья и его страшных последствий я смогла усмотреть в этой коляске нечто, способное стать источником радости.

Поняв это и по-новому посмотрев на себя, я опять обрела интерес к своей внешности. Джей и Диана помогли мне причесываться и обсуждали покупку, соответствующую моим желаниям. Джей заметила, что слегка удлиненные брюки удобнее при сидении и не открывают костлявых щиколоток.

Я достигла того, что вполне примирилась со своим положением и даже была им довольна. Я начала с того, что силой воли заставляла себя благодарить Бога. Теперь я благодарила Бога потому, что к этому побуждало меня сердце. Моя инвалидная коляска стала положительным элементом в моей жизни.

11

Летом 1970 года Диана, Джей, Шери Пендергресс — тринадцатилетняя девочка, жившая по соседству, и я отправились в Филадельфию на семинар, участвовать в котором порекомендовал Стив. То, что я услышала на семинарских занятиях, помогло справиться с одолевавшими меня сомнениями в отношении себя самой. В один из дней обсуждалась тема «Источники гнева и раздражения». Я узнала, что Бог допускает

известные жизненные обстоятельства, чтобы сгладить определенные шероховатости в нашем характере, отшлифовать его, словно благородный камень.

— Гнев и раздражение в нас вызывают люди и обстоятельства, — воскликнула Диана после доклада. — Поэтому важно не только сообразовываться с постигающими нас неприятностями, но и духовно реагировать на них.

— Да, — подтвердила я тихо, — мне действительно потребовалось много времени для постижения этой истины. Недостаточно терпеливо нести посылаемое нам Богом. Необходимо использовать обстоятельства для возвеличивания Бога и уподобления Иисусу.

— Это не просто, — заметила Джей.

— Ты права, — добавила Шери. — Реагировать на все духовно, конечно, надо. Но это не просто!

— Давайте попытаемся реагировать духовно, — призвала Диана. — Если в нас возникнет раздражение, не уступим ему, не допустим победы сатаны над нашими чувствами!

Во время последовавшей паузы мне показалось, будто Бог как раз дает мне отличную возможность изучить вопрос об «источниках зла». Так как я была прикована к коляске, мне для нормальной работы почек следовало потреблять много жидкости и необходимо было постоянно пользоваться катетером, соединенным с пластиковым сосудом, который надо было часто опорожнять. Шери, ухаживавшая за мной в тот день, опорожнила сосуд, но забыла его вновь подключить.

Вскоре мужчина, сидевший впереди нас, глянув на пол, обернулся к нам и сказал:

— Девушка, я думаю, что у вас что-то не в порядке.

Я посмотрела вниз и увидела ручеек, который тек по проходу. Я покраснела, меня стало тошнить, в

области желудка возникло неприятное ощущение. Я заметила, как во мне поднимается раздражение, я досадовала на Шери, мою коляску, на многое. Но тут я вспомнила урок, который только что должна была извлечь. Мне показалось, что необходимо воспринять эту неприятность в качестве доказательства, подтверждающего верность поднятой темы.

И другие темы, обсуждавшиеся на семинаре, оказали на мою жизнь определенное действие.

То, что я была не замужем и парализована, особенно подчеркивало мою зависимость от родителей и сестер. Но я не исключение. Нет ошибки в том, что наша жизнь и наш опыт таковы, каковы они есть, вплоть до того, кто наши родители и сколько у нас братьев и сестер. Все определено Богом и Его «целевыми установками». Во всяком случае это касается моей жизни. Каждая из моих сестер представлялась мне какой-то особенной; каждая из них отличалась своими способностями, навыками и характером.

— Если я не могу любить каждую из моих сестер за присущий именно ей характер, то как же я когда-нибудь смогу любить кого-то другого, с его особенностями? — рассуждала я со своими подругами.

— Совершенно верно, — решила Диана.

— Да, — подтвердила тихо Джей.

— Джей, — говорила я с расстановкой, — только теперь я начинаю понимать, как мало любила тебя, Катю и Линду. Вашу любовь я принимала как нечто само собой разумеющееся. Ты вот убираешь, когда уходят друзья, готовишь еду, стираешь, чистишь и никогда не жалуешься. Стыдно, что я была такой толстокожей. Может быть, стоит попросить друзей, чтобы они убрали за собой сами, мыли посуду и стаканы?

Джей, рассмеявшись, обняла меня. Я попала в точку. Она казалась весьма тронута.

– Я как-то не проявляла особой любви к Кате и Бутчу с тех пор, как они поженились. Она теперь работает учительницей в школе, и я, наверное, недостаточно хорошо понимаю ее проблемы, чтобы думать о них. Но я попытаюсь изменить это. Молитесь об этом.

– Конечно, Джони. Нам следует молиться друг о друге, потому что мы все хотим измениться к лучшему, – сказала Шери.

Самое важное, что я усвоила во время семинарских чтений, заключалось в следующем: необходимо выработать стабильное отношение к людям. Я обещала себе и Богу, что буду теперь более чутко относиться к родственникам, их потребностям и заботам. Я уяснила, что все, происходящее между мной и членами нашей семьи, в известном смысле является пробным камнем моих взаимоотношений с людьми в мире. Совсем не просто быть дома естественной, уравновешенной, бодрой. Если в семье стабильность отношений, то она будет и вне ее.

Именно способностью с любовью строить взаимоотношения измеряет Господь успех наших отношений друг с другом. Этот принцип неизменен во взаимоотношениях между мужем и женой, матерью и дочерью, отцом и сыном или любыми другими людьми, посылаемыми в нашу жизнь Богом.

Из-за моего увечья и физической слабости весь мир до сих пор словно вращался вокруг меня. Я как должное принимала уделявшееся мне внимание и уход. Теперь я поняла, насколько была эгоистична, и решила измениться и заставить свой мир вращаться вокруг других.

Теперь я принимала знаки внимания и заботу близких и друзей не как нечто само собой разумеющееся, но всем сердцем благодарила их за расположение ко мне. Следствием усилия быть неизменно благодарной

и любезной с другими, особенно со своими домашними, стало то, что посещавшие меня друзья видели, что в отношениях со всеми я одна и та же Джони Эрексон.

Одна подруга как-то сказала мне: «Я думаю, ты можешь не сдерживаться при своих домашних и не заботиться о том, что об этом подумают другие».

Я же придерживалась другого мнения:

— Выходит, мы употребляем нашу свободу, чтобы грешить. Мы знаем людей, которые по воскресеньям благочестивы, а в течение недели ведут себя, как сатана. Тогда можно рассуждать так: «Моя семья мне совершенно безразлична. Я не обязана проявлять в отношении ее ни любви, ни терпения. Мои домашние недостойны этого». Но я уверена, что если Господь Иисус Христос должен отображаться в моем поведении, то прежде всего — в отношениях с моими домашними.

Я замечала, что Господь не переставал трудиться во мне. Он помог мне покончить с греховным прошлым, которое Он простил посредством смерти и воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Несмотря на оставшуюся боязливость, я знала, что Бог действует в моей жизни. Он не только снял с меня вину за грехи, но и хочет освободить от их власти.

Наконец-то я поняла, что Дух Божий стремится придать моей жизни истинно христианский характер. А потому я вполне могла уповать на Него и в отношении всего моего будущего. Совершенное Им искупление должно полностью проявиться во мне. Конечно, до конца я пойму это только в вечности.

* * *

В тот период занятиям по искусству я не уделяла особого внимания. Хотя довольно часто я расслаблялась именно благодаря рисованию или творческой

игре, но свободного времени для занятий по рисованию я не находила. Оно было для меня лишь развлечением, которому я уступала из-за доставляемой радости, точно так же, как прежде любовь к музыке.

Летом 1970 года я познакомилась с Диком Рольфом и с братьями Чаком и Дейвом Гарриотами. Они посещали библейский кружок Стива. Вскоре образовалась певчая группа, состоявшая из Дикки, Дика, Крега, Дианы и меня. Гитара Крега часто звучала у нас в гостиной; мама и отец сидели на ступенях лестницы, которая вела в гостиную, и чуть не до полуночи пели вместе с нами, пока все не уставали настолько, что уже не в состоянии были продолжать пение. Постепенно мы настолько спелись, что могли уже петь в клубах и церквах от имени «Молодежи для Христа».

* * *

Приблизительно в то же время меня попросили о сотрудничестве в клубе «Молодой жизни», находящемся в близлежащем городе Рендолстауне. Я охотно согласилась и с радостным сердцем рассказывала молодым людям о том, что совершает в настоящее время Бог в моей жизни и через мою жизнь. Те духовные уроки, которые я усвоила, были важны для каждого христианина. Я стремилась передать этим ревностно вступающим в духовную жизнь подросткам все, чему Бог научил меня, желая, чтобы они не страдали так, как я вынуждена страдать.

Я понимала и их проблемы. Несколько лет назад я и сама была беспокойной, ищущей, неопределенной. А потому я могла сочувствовать им, принимать близко к сердцу их беды, робость, мнимое превосходство и другие ошибки, вызванные молодостью, трудностями в отношениях с родителями и массой других причин.

— Слово Божье истинно, — говорила я, обращаясь к группе молодых девушек. — Я знаю, что оно истинно, потому что сама убедилась в этом, испытала на себе.

Они внимательно слушали, когда я рассказывала о том, как теряла контроль над своими чувствами, а также о своих духовных успехах. Многие из них вошли потом в библейский кружок, организованный нами на ранчо в Сайсквиле. Мы вели беседы, цель которых состояла в приобщении девушек, помимо развлечений, к серьезной библейской работе.

* * *

В то лето мы с Джей отправились в качестве сотрудников в лагерь «Молодой жизни» в Колорадо. Лагерь был расположен в центральной части Скалистых гор. Впервые после своего несчастья я вновь могла дышать свежим горным воздухом. Я грелась на солнце, впитывала красоту гор и вдыхала запах сосновой хвои. Конечно, я не участвовала в прогулках верхом, в восхождениях на горы, и это в какой-то степени огорчало молодых людей. Когда они поняли, что из-за этого я вовсе не чувствую себя несчастной, то обрадовались, но засомневались.

— Неужели тебе не хотелось бы отправиться вместе с нами? — спросила меня как-то одна из девушек.

— Пожалуй, что нет. Я просто радуюсь, что нахожусь здесь, что я могу размышлять в окружении этой первозданной Божьей природы о Его величии и благодати, что я могу здесь молиться. Я вовсе не грущу оттого, что я не могу пойти с вами. Да и другие сотрудники не могут угнаться за вами во всех ваших начинаниях!

Постепенно девушки привыкли к тому, что я прикована к инвалидной коляске. Они, конечно, в соот-

ветствии с моими возможностями, старались привлечь меня к своим делам. Зная, что после вечерней зорьки я уже не могу за ними присматривать, они и не думали этим воспользоваться, а обращались со мной, как с нормальным человеческим существом.

Во всех встречах, походах, а особенно в изучении Библии мы призывали молодежь жить для Господа Иисуса Христа. Мы помогали им уяснить, как применить свои таланты и способности, дарованные Богом, в служении Иисусу Христу и Его Царству.

Например, одна девушка Дебби хотела помогать мне. Она вышла замуж за Чака Гарриота и стала преподавательницей лечебной гимнастики. Я не уверена, что эту идею именно я ей подала. Однако я дала ей понять и почувствовать, что своими дарованиями она способна помочь другим.

В конце лета мы устроили прощальный вечер для Стива. Меня волновали смешанные чувства: с одной стороны, я радовалась, что он отправляется в библейский колледж, а с другой — я огорчалась, что кончаются наши духовные разговоры.

— Нет, не кончаются, — утешал Стив. — Я где-то читал, что ничто Божье в человеке не умирает, пока сам человек от Него не отказывается. Бог уходит от человека, когда уходят от Него Его дети. Джони, продолжай и дальше смотреть не на меня, а на Бога.

— Стив, я в последний год многому научилась от тебя. Ты познакомил меня с апостолом Павлом и великими христианскими авторами. Я рада за тебя, я стану молиться о тебе, когда ты будешь заниматься в Колумбийском библейском колледже, но мне будет очень недоставать тебя. Бог призвал тебя дать новое направление моей жизни. За этот год я привыкла к тебе как к своему духовному наставнику.

— Послушай, это неверно, Джони! Бог только

использует нас. Дух Святой является нашим истинным Наставником.

Стив простился и уехал в библейский колледж. Несмотря на его частые письма, мне очень не хватало его. Но он все-таки был прав в том смысле, что я и дальше могла духовно расти, полагаясь на Духа Святого.

12

Осенью 1970 года моя жизнь резко изменилась. Стив был в библейском колледже, большинство других друзей тоже учились, а некоторые уже собирались вступить в брак, только я оставалась одна. Я не могла выйти замуж и должна была смириться с мыслью, что по усмотрению Божьему останусь в безбрачии. Имеющаяся христианская литература в этом отношении весьма разочаровала меня, так как большинство писателей сходились на том, что назначение женщины заключается в браке. Лишь немногие книги давали советы женщинам, вынужденным вести безбрачный образ жизни или не желавшим выйти замуж.

Я отказалась от всякой мысли о браке с Диком, и все же тут существовало нечто, смущающее меня. Да, я чувствовала, что мое решение правильное. Я не имела права вступать с ним в брак, разве что Бог возвратил бы мне эту возможность в качестве особого дара. Но такая перспектива казалась утерянной и представлялась в высшей степени невероятной. А потому я старалась принимать судьбу из рук Божьих без огорчений и отрицательных эмоций.

Когда какая-нибудь из моих подруг выходила за-

муж, меня часто приглашали на свадьбу в качестве подружки невесты, а во время торжества просили что-нибудь спеть. В такие минуты во мне поднимались чувства, казавшиеся давно побежденными.

Полагаю, что в глубине души я все же ожидала настоящего мужа, мужа, который мог бы справиться с моей инвалидностью и моей инвалидной коляской:

— Господи, Ты знаешь, что я смирилась со своим нынешним состоянием. Но я думаю, что всегда буду задаваться вопросом, определил ли Ты и мне мужа.

* * *

Между тем многие мои друзья обзавелись семьями, и у них появились иные интересы. Они стремились иметь свой дом и семью. Они были слишком заняты собой, чтобы предаваться теперь тем интересам, которые когда-то считались общими. Но к этому времени я уже достаточно созрела и могла правильно воспринять естественный ход развития нашей дружбы. А потому я уже не упрячилась и не огорчилась, но все более укреплялась в сознании, что мне предстоит оставаться одинокой.

Итак, я иногда задавалась вопросом, пошлет ли мне Бог человека в мужья, который любил бы меня ради меня самой и охотно соединил бы свою жизнь с моей. Я спрашивала себя, смогу ли быть счастлива, будучи незамужем? Разве я недостаточно пережила до сих пор? Неужели Богу угодно и впредь испытывать меня и допустить, чтобы остаток жизни я провела одна? Такие вопросы делали меня беспокойной. Я была в полном одиночестве.

— О Боже, — молилась я, — умоляю Тебя, введи кого-то в мою жизнь, кто помог бы мне преодолеть пустоту.

«Зачем? Разве благодати Моей недостаточно для тебя?»

Мне было ясно, что вопрос касается не столько исполнения моих желаний, сколько воли Божьей. Но не сказал ли Иисус: «Если чего попросите во имя Мое, будет вам!»

Вскоре на встречах сотрудников «Молодой жизни» я познакомилась с Дональдом Бертолли, другом Дика.

— Дон родом из Пимлико и занимается беспорядочными детьми, — сказал руководитель, представляя мне Дональда. — Наша церковь поощряет работу с беспорядочными из национальных меньшинств.

Дональд был симпатичным кареглазым молодым человеком итальянского происхождения. Казалось, он преисполнен силы и энергии. Хотя он старше большинства из нас — ему было уже 27 лет, тогда как мне 21, — казалось, что общение с нами доставляло ему радость.

Порой он использовал в разговоре особый стиль, ставя вопросы. Его грубоватый, надтреснутый голос говорил о его прошлом: в детстве он был уличным мальчишкой. Он не доверял быстрым, легковесным ответам, стремясь проникнуть в суть дела. Говорил медленно, даже несколько робко, как будто боялся высказать свои самые сокровенные мысли. Задавая вопросы, часто делал паузы, чтобы подумать. Когда он что-то рассказывал, то необыкновенно сосредоточивался, переспорить и переубедить его было нелегко.

Если кто-то говорил: «Уж так повелось...» — Дональд прерывал его замечанием: «Пустая отговорка! Ничто не должно оставаться по-прежнему только потому, что так было всегда».

На меня произвели сильное впечатление не только его облик и интеллигентность, но и зрелость его свидетельства об Иисусе Христе и твердость характера.

Обычно после собрания Дональд подходил ко мне для короткой беседы. В эти мгновения я замечала, что у нас много общего. Он рассказывал о своих интересах: о спорте, о Боге, о служении Иисусу Христу.

— Джони, можно ли нам почаще разговаривать друг с другом? Что если я как-нибудь навещу тебя?

— Разумеется. Приходи когда хочешь.

Я пригласила из вежливости. Я приглашала многих, желающих со мной побеседовать. Когда на следующее утро он появился у нас, я очень удивилась.

— Пришел молодой человек, желающий с тобой поговорить. Я не знаю, кто это, но выглядит он приятно! — сказала Джей приглушенным голосом, разбудив меня.

— Кто это? Сколько времени? — спросила я.

— Девять. Он сказал, что его зовут Дональд.

— Скажи, что я скоро буду готова. Дай мне только минутку окончательно проснуться. — Я любила поспать, но обычно просыпалась как раз в это время.

Джей вышла, любезно поговорила с гостем, а потом извинилась, что ей необходимо помочь мне встать, одеться и привести себя в порядок.

— Доброе утро, — сказала я улыбаясь, когда через полчаса Джей проводила меня в другую комнату.

— Хелло! — сказал Дональд. Он вскочил со стула и пошел мне навстречу. — Надеюсь, что не мешаю, ведь ты же пригласила меня, не так ли?

— Конечно. Мой день обычно начинается именно в это время, так что ты меня не побеспокоил.

Дональд стал говорить. Когда он остановился перевести дыхание, был уже полдень. Я еще не завтракала и была голодна, но он даже не намекнул, что намеревается проститься.

— Дональд, пообедаешь с нами? — спросила я.

— Да, охотно, если это тебе не обременительно.

Джей готовила обед, а мы продолжали беседовать.

Я в основном слушала. Я узнала кое-что о Дональде, его семье, о том, как он пришел к Господу Иисусу Христу, о его работе с темнокожими подростками из Пимлико и о его идеях по поводу служения Иисусу Христу.

— Дональд, не хотел бы ты остаться у нас на ужин?
— спросила позже Джей.

— Да, весьма охотно, если вам не обременительно.

Мы беседовали и за ужином, потом, наконец, Дональд встал, чтобы попрощаться.

— Могут ли я тебя еще навестить? — спросил он.

— Да... — я медлила, думая, что завтра с утра он опять окажется возле двери. — Завтра у меня лекции в колледже.

— Давай поедем туда вместе!

— Большое спасибо, Дональд, но обычно меня сопровождает Джей. Она знает мои привычки и нужды.

— Ладно. Это посещение очень обрадовало меня. Давай встретимся еще раз.

— Охотно.

На следующий день он ожидал нас возле колледжа и провел с нами весь день. Вначале меня как-то отталкивала его навязчивость, но уже вскоре я этого не замечала.

Улыбающийся, нарядный и симпатичный Дональд присутствовал и на следующем заседании сотрудников «Молодой жизни».

Случилось так, что на этом вечере мы с Дианой дружески, но горячо спорили об одном незначительном богословском вопросе. Присутствующая молодежь тоже приняла в нем участие. А вот Дональд отошел и молчал.

Это было странно, так как в нашей беседе участвовали и молодые христиане, совсем недавно уверовав-

шие. Поэтому я была убеждена, что он вступит в разговор, положив конец общему замешательству, возникшему из-за моего спора с Дианой.

Вскоре мы окончили спор. Дональд встал и обратился ко мне:

— Джони, открой перед сном Второе послание к Тимофею, 2:14, и прочти этот стих. Я уверен, что он скажет тебе нечто существенное.

После этого он распрощался.

— Вот удивительно! Почему же он раньше не напомнил мне этот стих? — сказала я, надеясь, что это место Писания поможет убедить Диану.

Кто-то из бывших рядом нашел этот стих и прочел его: «Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит пользе, а к расстройству слушающих».

Я была глубоко задета и весьма сожалела, что спорила из-за такой мелочи. Но более всего я раскаивалась из-за своей собственной незрелости.

Я сразу же уяснила себе обратную сторону медали. Зрелость, глубина чувства и мудрость Дональда произвели на меня впечатление. Я видела в нем авторитет, а потому все более симпатизировала ему. Я думала о нем и в последующие дни.

В нашу следующую встречу, обменявшись приветствиями, мы признались, сколь много стали значить друг для друга.

— Джони, где бы я ни был, среди других я всегда кажусь белой вороной. Вот уже несколько лет я вращаюсь в христианских кругах. Но, как ни странно, я ни к кому не чувствовал то, что к тебе, ты меня притягиваешь к себе.

— Я тоже расположена к тебе, Дональд. Я еще никогда никого не встречала, с кем бы я так быстро могла подружиться. Обычно моя коляска отпугивает

людей. Всегда требуется какое-то время, чтобы люди могли привыкнуть к моей инвалидности. Только познакомясь со мной ближе, они забывают о ней. Но с тобой все иначе: словно ты совсем и не видишь эту коляску.

— Не знаю, Джони, может быть, это связано с моим прошлым, но я не могу скрывать своих чувств за ложной святостью или высокопарным слогом. Не хочу тебе лгать.

В следующие недели и месяцы мы встречались все чаще. В конце лета он увез меня к океану. Он шел возле, когда мы совершали прогулки по берегу, вдыхая свежий соленый морской воздух и слушая шум прибоя.

Во мне проснулись прежние воспоминания — ощущение песка на зубах, бодрость, внушаемая загаром. Я, вздыхая, сидела в коляске и смотрела, как Дональд радостно плавал.

Однажды во время нашей прогулки он, как будто угадав мое настроение, вдруг свернул с дорожки и начал толкать мою коляску по песку. Колеса увязали, но он был достаточно силен и буквально вспахивал борозды в песке. Вот он достиг кромки воды, но, не останавливаясь, беззаботно катил меня, пока вода не дошла до колен!

— Дональд! Что ты делаешь? — вскрикнула я.

Меня испугало это импровизированное купание в море, и одновременно я была счастлива.

Люди на берегу смотрели на нашу странную игру и не знали, следует ли им вмешаться в действия этого «сумасшедшего», который хочет утопить «бедную парализованную девочку»; надо ли защищать меня. Но мой смех и явная радость успокоили их, и они опять возвратились к своим прежним занятиям. Дональд высоко поднял меня и понес навстречу волнам. Я не ощущала воды, но чувствовала, что мое

сердце бьется как шальное, словно стремясь выскочить из груди.

После всего пережитого на берегу океана я витала на седьмом небе. Впервые после моей травмы Дональд дал мне возможность почувствовать себя нормальной. Коляска не мешала ему. Он не высказывал сострадания, я не чувствовала мучительной беспомощности. Он обращался со мной, как с женщиной, нравящейся ему. Он был силен и одновременно нежен, давая мне чувство уверенности.

Благодаря Дональду, я вновь чувствовала себя привлекательной и женственной. Впервые после несчастья я ощущала себя женщиной. Я могла нравиться тому, кто разглядел бы во мне женскую привлекательность.

Осенью Дональд стал приглашать меня на пикники и прогулки. Он катил мою коляску, пока позволяли дорожки. Если дорожка оказывалась слишком узкой, он просто вынимал меня из кресла и на руках нес на вершину холма. Там он расстилал одеяло, и мы устраивали пикник, наслаждаясь красотой природы.

Мы часами беседовали, обмениваясь мыслями о Слове Божьем и о том, каким духовным опытом обогатился каждый из нас. Это было прекрасное, романтическое время. И с каждой встречей мы сближались все больше.

Постепенно я стала задумываться над тем, куда ведет мое постоянно растущее влечение к Дональду. Я знала, что надо быть осторожной, чтоб не влюбиться, не зайти слишком далеко. Все, выходящее за пределы «платонической» любви, было невысказано.

Весной 1971 года мы часто и помногу бывали вместе. Он брал меня для участия в своей работе на улице. Я видела, как он заботился о детях, и еще больше подпадала под его обаяние. Благодаря тому, что Дональд был сильной личностью, он всегда оказывался на

высоте положения, был самоуверенным, но не властолюбивым.

Однажды, когда мы были за городом и я рисовала, греясь в теплых лучах весеннего солнца, Дональд вдруг нагнулся ко мне и тихо сказал:

— Я люблю тебя.

Углубленная в рисование, я ответила:

— Я тоже люблю тебя, Дональд, — но тоном, каким бы могла сказать: «Да, ты хороший друг, Дональд».

— Джони, кажется, ты не понимаешь меня. — Он заглядывал мне в глаза. — Джони, я влюбился в тебя.

Склонясь надо мной, он взял мое лицо в руки и поцеловал.

Я испугалась. Я не могла ответить ему поцелуем, не уяснив значения своего поступка. Для иной женщины такой поцелуй может быть мимолетным доказательством дружбы. Для меня же, прикованной к коляске, поцелуй означал обязанность. Я не хотела возлагать на Дональда бремени обязательств, не напомнив ему о последствиях.

— Видишь ли, Дональд, это...

— Но ведь я люблю тебя.

— Я... я не знаю. — Мне было страшно. Связь, которая означала больше дружбы, была немислима. — Давай оставим это.

Несмотря на то, что Дональд в моем присутствии был мужествен и самоуверен, я знала, что и он в конечном итоге не справится с трудностями, вызванными моим параличом.

Потом я рассказала Диане и Джей об этом событии. После того, как я поделилась с ними своими чувствами, они обе насторожились:

— Смотри, Джони! Не заходи слишком далеко в отношениях с Дональдом, — советовала Джей, — иначе вы оба будете страдать из-за этого.

— Джони, — добавила Диана, — я знаю, он серьезен и не обманывает тебя. Я знаю, что и тебе хорошо с ним. У меня такое чувство, что ты ему действительно нравишься. Но любовь — это другое! Смотри! Будь осторожна!

13

Тем же летом, когда я подружилась с Доном, моя подруга Диана познакомилась с молодым человеком по имени Френк Муд, которого полюбила. Диана и Френк поженились в июне 1971 года и поселились в доме неподалеку от нашей семейной фермы в Сайк-свиле. Приблизительно тогда же Джей предложила мне жить с нею на нашем семейном ранчо. Это был двухсотлетней давности дом из камня и дерева, в котором лет сто с лишним назад держали рабов. Отец обновил его. Старомодный маленький домик с двумя спальнями размещался на холме с видом на живописную долину реки. Жить на ферме значило проводить много времени с Джей, Дианой и Френком или Катей и Бутчем. Они могут заменять друг друга в уходе за мной. Когда мы договорились, что я буду жить вместе с Джей, отец пристроил к дому еще одно крыло. Оно было просторным и предназначалось для того же, что наш дом в Вудлоуне: друзья могли приходить к нам и без стеснения располагаться, как им угодно. В углу отличный камин, из огромных окон виден прекрасный пейзаж. Вдоль стен — полки, сделанные отцом. Посреди комнаты большой дубовый обеденный и «конференционный» стол, за которым мы могли выполнять свою работу.

Еще девочкой я очень любила наше ранчо. Теперь оно мне нравилось еще больше. Оно сообщало жизни чувство красоты и спокойствия.

И Дональду нравилось на ранчо. Он все чаще навещал меня здесь. Мы отправлялись к океану, устраивали пикники, гуляли у подножия холма и в округе. Я не опасалась отправляться куда-нибудь вместе с ним, потому что знала, что он справится с любым трудным положением. Он был достаточно силен, чтоб нести меня и даже опорожнял прикрепленный к ноге сосуд для мочи.

Когда мы бывали вместе, я чувствовала себя уравновешенной, не испытывая никакого напряжения. Его не отталкивала моя инвалидность, и коляска не обременяла его. Он обращался со мной, как с полноценным человеком, шутил, дразнил меня, как будто я вовсе не была парализована.

Мне казалось, что если кто-то впрямь может справиться с моими телесными и душевными проблемами, то именно Дональд. Однако возможность того, что в мою жизнь может войти какой-то мужчина не как брат во Христе, но как поклонник, беспокоила и волновала меня.

Диана и Джей предупреждали, чтобы я не слишком сближалась с Дональдом.

Позже Диана рассказала о серьезном разговоре с ним с глазу на глаз:

— Дональд, я хочу сказать, что мы с Джей очень озабочены происходящим между тобой и Джони.

— Обеспокоены? Почему? — спросил он.

— У тебя особое отношение к Джони. Но подумал ли ты, что это означает?

— Да, подумал, — ответил Дональд. — Я обо всем серьезно подумал. Я никогда не решился бы сблизиться с ней, если бы не думал об этом серьезно. Диана, я влюблен в Джони.

— Но, Дональд, влюбленные друг в друга помышляют о браке и о совместной жизни.

— Я знаю, Диана, и вполне сознаю все трудности. Я много размышлял о проблемах, которые возникли у нас, и молился, чтобы обрести ясность. Я представляю последствия нашей женитьбы. Мне под силу нести этот груз. Я на ней женюсь, как только она того захочет.

Когда Диана рассказала мне о своем разговоре, у меня все еще не было уверенности.

— Джони, я радуюсь за тебя, но...

— Знаю, Диана, у меня самой полно всевозможных неясностей. С одной стороны, я действительно люблю его и твердо знаю, что если кто-то может справиться со всеми вытекающими из такого брака обстоятельствами, то только Дональд. С другой стороны, думаю, что с этим вообще справиться невозможно.

— Ты его любишь?

— Думаю, что люблю. Это одновременно и пугает, и радует меня.

Наша любовь крепла, и я все больше размышляла о ее последствиях.

— Ты понимаешь, как велика наша ответственность, Дональд? — спросила я однажды, когда мы ехали смотреть игру в мяч.

— Знаю. Но мы справимся, Джони. У нас сильная воля, мы способны помочь себе.

— Но брак...

— Он так же возможен, как и все остальное. Я могу заботиться о тебе, купать тебя, готовить еду, убирать, стирать. Со временем мы сможем нанять прислугу. А пока я сам буду делать все это.

Мы направились в парк и остановились у игрового поля.

— Но я не смогу быть вполне счастлива, не будучи

настоящей женой. Я хотела бы сама заботиться о тебе. Хотела бы выразить свою любовь именно как жена.

— Вероятно, я «эмансипированный» мужчина. Если я буду готовить еду и заботиться о тебе, это не унижит мое мужское достоинство. Что же касается полового общения, то я думаю, его важность сильно преувеличивают, — сказал он, улыбаясь. — Не беспокойся, Джони. Секс не так уж важен. Я с этим как-нибудь справлюсь.

Но я не была убеждена в этом. Я считала, что половое общение занимает в браке важное место. Однако чем больше я размышляла, тем мне больше казалось, что Дональд прав. Я научилась доверять его суждениям.

Я вспоминала лекции, которые читали в Лос-Аламосе для частично или полностью парализованных. Врачи говорили о возможности любить и даже иметь детей. Тот факт, что тело парализовано, означает только отсутствие чувствительности, остальные же телесные функции находятся в норме.

— Но ты же знаешь, что я лишена телесных ощущений, — напоминала я Дональду. — Я просто не верю, что действительно смогу вполне удовлетворять тебя. Я не сумею выразить свою любовь и нежность соответственно твоим желаниям. Мое тело представляется мне какой-то препоной. Мы оба испытывали бы в нашей совместной жизни сомнения и разочарования.

— Я же говорю, что это не столь важно. Есть люди, сталкивающиеся с еще большими проблемами. Как-нибудь справимся.

— Не знаю. Может быть. Если ты считаешь, что я могу быть готова... что ты справишься с таким браком, тогда... я хочу верить тебе. Я готова довериться тебе.

Дональд нежно улыбнулся и ободряюще кивнул. Он забыл об играющих на поле и, склонясь надо

мною, ждал поцелуя. На этот раз я ответила поцелуем, полным преданности и надежды. У меня голова шла кругом от счастья и радости. Как прекрасно, думала я. Дональд входил в мою жизнь как раз тогда, когда меня покидала Диана, моя лучшая подруга, чтобы выйти замуж и завести собственную семью.

Бог даровал мне человека, для которого я действительно что-то значила, с которым — я была глубоко в этом убеждена — мы сможем прожить вместе жизнь.

— Это лучшее в Божьем замысле относительно моей жизни, — сказала я в тот вечер Джей. — Это самое чудесное, что Он приберет для меня! После стольких лет терпеливого ожидания, в течение которых я вынуждена была мириться со своим жребием, Бог теперь наградил меня за мое терпение и упование на Него. Дональд — ответ на мои молитвы!

Я была вне себя от радости. Даже здоровой я никогда не была так счастлива. Мы с Дональдом с воодушевлением обсуждали нашу будущую совместную жизнь и служение Иисусу Христу.

Размышляя об этом, думая о воле Божьей, я раскрыла Библию. Взгляд упал на следующие строки, подтвердившие мои размышления: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше» (Иак. 1:17).

— Дональд — это мой «дар совершенный» от Господа, — сказала я Джей.

Она покачала головой:

— Не знаю, Джони. Не старайся прочесть в этих словах больше, чем там сказано.

Я написала стихотворение, выразившее мою мысль, и подарила его Дональду:

Я проснулась сегодня и увидела свет:
теплый, матовый, нежный.

И подумала: он дарован мне, чтобы
благодарить Бога за это утро и за тебя.

Я лежу и мечтаю о тающем
в тумане огне,
и, улыбаясь, продолжаю
благодарить Бога за это утро и за тебя.

Я вспоминаю и мечтаю
о прошлом и будущем,
И благодарю Бога за это настоящее
и за тебя.

Я была очень счастлива. Мне всегда не верилось, что кто-нибудь мог полюбить меня, прикованную к инвалидной коляске, как женщину. И потому я теперь была так взволнованна.

* * *

Перед Рождеством мы с Дональдом впервые поссорились. Мы часто и подолгу бывали вместе, и я уже становилась требовательнее. Например, я была недовольна, когда он уходил на работу. Мне хотелось, чтобы он постоянно был возле меня, чтобы его жизнь вращалась вокруг меня.

Когда симпатичные девушки из церкви или молодежной группы приходили меня навестить, я начинала ревновать, если он увлеченно смеялся или разговаривал с ними. Я завидовала, потому что не могла стоять на ногах и соперничать с ними за его внимание.

Мне все трудней становилось сосредоточиться на Слове Божьем и молитве. Было тяжело говорить о возвышенном после того, как я выговаривала: «Почему ты не пришел ко мне вчера вечером?» Я начала пренебрегать жизнью веры. Одновременно меня пожирало желание безраздельно владеть Дональдом.

Он реагировал громко и резко: он кричал на меня, говорил, что я веду себя, как глупая школьница. Я же отвечала, что мне очень жаль и что я не хочу большего от его любви. По причине, которую я сама не могла объяснить, меня охватывал тайный страх.

Дональд счел, что нам надо немного отдохнуть друг от друга. Он запланировал на 1972 год поездку в Европу. Я противилась этим планам, подозревая, что тут скрывается предлог, чтобы покинуть меня.

— Полагаю, что нам необходимо расстаться на какое-то время, — объяснял он. — Пожалуйста, не придавай этому иного смысла. Кроме того, я уже давно хотел съездить в Европу. У меня с ребятами, вероятно, никогда не будет подобной возможности.

Дикки и Дейв уехали с ним. Мое сердце одолевал необъяснимый страх. Впервые я стала всерьез беспокоиться о наших отношениях. Что, если он покинет меня? Если не сможет справиться? Вдруг из моего замужества ничего не получится?

Путешествие в Европу продолжалось около трех недель. За это время я получала письма из Швейцарии, Германии, Франции. В них было одно и то же: скучаю, люблю и хочу, чтобы скорее были вместе.

После возвращения из Европы он сразу же прибежал к нам:

— Я так соскучился, что едва мог дождаться, когда вновь увижу тебя!

Он стал еще нежнее и влюбленней, чем прежде.

Мы часто размышляли, существует ли возможность исцеления. До сих пор я воспринимала свое положение как данное Богом. Но мое желание стать полноценной женщиной привело к тому, что я начала энергично ссылаться на обетования, дарованные Господом в Своем Слове. Он допускает страдания и болезни, дабы учить нас. В результате несчастья я научи-

лась многому из предусмотренного Им. Так неужели теперь Он не исцелит меня?

Новые переживания, связанные с верой, стали следующей фазой моего духовного развития.

Конечно, медицинское лечение не могло дать желаемый результат: мое увечье было неизлечимо. Но я знала, что для Бога нет ничего невозможного. Разве Господь Иисус Христос не исцелял расслабленных? Он даже воскрешал мертвых!

И сегодня существуют чудесные исцеления. Я слышала о многих неизлечимых и даже смертельных болезнях или увечьях, исцеленных чудесным образом.

Мы с Дональдом читали Послание Иакова и другие места из Библии и сосредоточивали внимание на мысли, что воля Божья состоит в моем исцелении. Казалось, что Бог обращается к нам и говорит с нами через Иоанна (14 и 15), а также посредством других мест Библии, и потому мы молились, предчувствуя радостное ожидание и благодарность.

— Ты знаешь, мы абсолютно уверены, что Бог хочет исцелить меня, — сказала я как-то Диане.

— Джони, все это уводит тебя в сторону! Ты понуждаешь Бога, требуешь от Него. Ты перестаешь рассуждать реально, — возражала она.

— Я удивляюсь твоим словам. Думала, в тебе больше веры, — упрекала я ее.

Мы с Дональдом молились о том, чтобы Бог укрепил наше упование на Него. Я постоянно говорила друзьям, что Бог вскоре исцелит меня. Как только мы оказывались вместе с Дональдом, мы начинали молиться о том, чтобы это скорей случилось.

— Господи, мы верим. Мы уповаем на Твое Слово, что Ты хочешь видеть нас здоровыми, чтобы мы лучше могли служить Тебе, — молился Дональд.

— Я благодарю Тебя за все уроки терпения и упова-

ния, которые Ты предложил мне через страдания. Благодарю Тебя за то, что Ты хочешь, чтобы через мое исцеление прославилось имя Твое, — добавляла я.

Мы решили посетить богослужение, на котором молились о больных и расслабленных.

Несколько друзей отвезли меня в эту церковь. Ко мне подошли старейшины, возложили на меня руки, помазали елеем — точно так, как повелевает Библия. Они прочли тексты из Библии и начали молиться обо мне.

Исполнившись веры, преданности и самоотдачи, мы с Дональдом молились в твердой уверенности, что Бог исцелит меня.

Я ожидала не немедленного исцеления, а постепенного, планомерного — ведь я прикована к коляске уже два года. Поэтому вполне логично было предположить, что Бог будет исцелять меня постепенно.

Однако после нескольких посещений таких богослужений, где якобы совершалось чудо, мне стало ясно, что я не буду исцелена. Я почти не могла с этим мириться, была в отчаянии, — откровенно говоря, более из-за Дональда, нежели лично из-за себя.

Дональд притих и замкнулся. Он, казалось, поставил под вопрос все происходящее, решив сделать переоценку. Ему было горько после того, как мы вложили столько надежд в нашу молитву. Он ничего не говорил, но все более уходил в себя. Я же вменяла ему это в вину и снова начала смотреть на него с ревностью.

Когда Стив, окончив семестр, вернулся домой на каникулы, мы начали с ним и Дианой разговор о том, почему наши молитвы не были услышаны Богом.

— Как ты думаешь, почему Бог не исцелил меня? — спрашивала я Диану.

— Не знаю, — она пожала плечами.

Здесь вмешался Стив:

— Знаешь, я размышлял об этом недавно, читая Послание к евреям, 11. Знакомо тебе это место?

— Да, там говорится о верующих, — ответила я.

— Речь идет о разного рода людях — о тех, чья вера вознаграждается, и о тех, вера которых как бы не замечается. Одни переживают всевозможные чудеса. Другие подвергаются мучениям, не получая освобождения и видимой награды.

— И ты полагаешь, что я принадлежу к последней группе? — спросила я.

Стив подался вперед, желая подвести черту под сказанным:

— По крайней мере, предполагаю. Но так будет не всегда. Во Втором послании к коринфянам, в главе 5, сказано о новом теле, которое ты получишь после воскресения взамен бесполезного земного тела. Мы живем сейчас в «хижине», во временном обиталище. Но в будущем мы получим новое тело — небесное, беспорочное тело, которое и будет существовать вечно.

— Но как же относиться к стихам, свидетельствующим о чуде? — заметила я.

И чтобы придать своим словам больше доверительности, Стив положил руку мне на колено, словно я могла это почувствовать:

— Вспомни: «Верю, что воля Божья в том, чтобы вы были исцелены!»

— Помню, конечно.

— Ну вот и я верю так же. Верю, что воля Божья такова, чтобы каждый человек был здоров. Может быть, у нас просто другое понимание времени, чем у Бога. Я верю, что Бог хочет исцелить тебя, но, очевидно, исцеление не обладает преимуществами перед некоторыми другими Его замыслами. Ты будешь исцелена, но, очевидно, не раньше воскресения.

— Но ведь другие же исцеляются, — заметила я.

— Я знаю и не ставлю под вопрос Божье всемогущество.

Диана добавила:

— Если Бог исцеляет кого-то сверхъестественным образом, то у Него есть на это причины. Вот, например, существует множество примеров чудесных исцелений за морем — там, где трудятся миссионеры. Если у людей нет печатного Слова Божьего, тогда им, может быть, необходимы видимые «знамения и чудеса», чтобы они могли обрести Иисуса Христа.

— Может быть, — согласилась я.

— Но в нашей стране это едва ли уместно и необходимо, — продолжал Стив. — Ради сенсации пресса сразу же овладела бы этим делом и извратила бы все. Богу не была бы воздана должная хвала, а потому чудо потеряло бы смысл и цель.

Диана кивнула:

— Существует опасность неправильного понимания Библии, когда мы начинаем категорически утверждать, что воля Божья во всеобщем здравье. Очевидно, что здоров далеко не каждый.

— Правильно, — согласилась я. — Мы пытаемся быть совершенными, но еще не достигли цели. Мы все грешим и в духовной жизни постоянно ломаем себе ноги и шею. Чем больше я размышляю об этом, тем более прихожу к уверенности, что Бог не всех хочет исцелить. Он использует обстоятельства для нашего блага и Своей славы.

Я вспомнила несколько семей, в центре жизни которых действительно находился Иисус Христос, и тем не менее их не оставляли несчастья и болезни. Многие, сердцем любящие Господа Иисуса Христа, вынуждены часто переносить трудности. Сегодня наша любовь к Богу основывается чаще на Его Слове, чем на «знамениях и чудесах».

— Трудно определить различия силы Божьей, — размышлял Стив. — Быть может, ты в своей коляске обладаешь значительно большим доверием Господа, чем если бы была здорова.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, как по-гречески звучит слово, которое определяет силу Божью? Кажется, «динамис»?

— Да, отсюда и наше слово «динамит».

— Или «динамо», — сказал Стив. — И то и другое означает силу. Но одно — сила взрывной энергии, а второе — управляемая полезная энергия. Исцеление было бы подобно взрывному освобождению силы Божьей, выбросившему тебя из коляски. А вот оставаться в ней — это тоже сила, но управляемая, проходящая через тебя и помогающая тебе устоять.

В последующие месяцы мы беседовали с Дональдом об этом и о многом другом. Но одной темы мы упорно не касались — темы нашего совместного будущего.

Как-то Дональд был на удивление молчалив. Я чувствовала, что у него что-то на сердце. Наконец он тихо сказал:

— Джони, этим летом я буду работать в «Молодой жизни» возле Нью-Йорка. Я пришел сказать тебе «прощай».

«Вот и хорошо», — подумала я. Наши отношения в последнее время стали какими-то напряженными. Нам необходимо отдохнуть друг от друга, как тогда, когда он уехал в Европу. Однако я была смущена тем акцентом, который он сделал на слове «прощай».

— Что это значит? Ты ведь уезжаешь на несколько недель и...

— Нет, это конец. Мне больно, Джони, и очень жаль. Нельзя было допускать, чтобы наши отношения зашли так далеко, как это случилось. Мне не надо бы-

ло целовать тебя. Нам никогда не нужно было делать то, что мы сделали. Никогда не следовало говорить о браке или мечтать о нем. Все это было ошибкой.

— Ошибкой? Но ведь ты сам внушил мне все это. Я с самого начала относилась к этому скептически. Ты целовал и обнимал меня. Я переходила от страха к надежде, потому что ты убедил меня, что любишь и что мы сможем построить совместную жизнь. Дональд, я так глубоко сроднилась с тобой, как ни с кем из своих близких. И вот теперь ты хочешь так просто покинуть меня. Так просто?! Теперь ты говоришь, что все было ошибкой? Значит, ты только играл со мной?

Голос мой дрожал, я отчаянно пыталась выразить свои мысли словами.

В гневе я охотнее всего набросилась бы на него с кулаками. Но я могла лишь сидеть и плакать.

— Я не играл с тобой, клянусь, — сказал Дональд твердым голосом. — Я всем сердцем верил, что смогу все устроить. Но я ошибался. Это невозможно. Это моя вина.

Боже, что случилось?! Действительно ли все это наяву? Меня охватила паника от одной мысли, что я потеряю Дональда. Что же произошло? Он вошел в мою жизнь, заставил меня почувствовать себя привлекательной и необходимой, что и должна чувствовать любая женщина. Я не верила, что для кого-то еще смогу столько значить, как для него. Я просто не считала возможным полюбить кого-то другого.

Я пыталась удержать слезы:

— Быть может, нам нужно время, чтобы подумать об этом?

— Нет, Джони. Я много думал обо всем. Возврата нет. Все кончено. Жаль.

С этими словами он повернулся и пошел к двери.

— Дональд! Не оставляй меня! Дональд, подожди!..

— До свидания, Джони, — сказал он тихо и закрыл за собой дверь.

Нет же, нет! Боже мой, почему Ты допустил это? Почему Ты сделал мне так больно?

14

Дональд ушел из моей жизни, просто сказав «прощай». Мое сердце негодовало. Как он мог оказаться таким жестоким? Ведь он же любил меня!

Несколько успокоившись, я поняла, что он не хотел быть жестоким. Но не в его обычаях было пускаться в объяснения; он всегда говорил без тени лицемерия.

Я знала, что это прощание навсегда. Он не оставил никакой надежды. Но честно говоря, это был самый короткий и относительно безболезненный метод, которым он и воспользовался.

Потом я узнала, что Дональд и Дик дружили еще со школьной поры. Дональд поделился своими сомнениями с Диком. Дик, которому пришлось по сути дела пройти через те же трудности в отношениях со мной, предупреждал Дональда, чтобы тот не терял власти над своими чувствами по отношению ко мне.

— Я хорошо представляю, что пришлось преодолеть Дону, — рассказывал он мне позже. — Ведь и я оказался в смятении и раздвоенности, когда ты предложила остаться «добрыми друзьями». Я точно знал, что это значит. К тому же тогда, как и теперь, я был очень влюблен в тебя. Но я знаю, что ты права. Я не был бы в состоянии смириться с твоим увечьем. Но я очень хотел связать свою жизнь с твоей... Может быть, ты лучше знала, чем я, что я с этим не справ-

люсь. Не знаю. Во всяком случае, в последние два года я действительно радовался тому, что вы полюбили друг друга. Поэтому молился, чтобы Дон сделал то, чего не смог сделать я. Мне так хотелось, чтобы вы были счастливы.

— Где же крылась ошибка? — спросила я.

— Не знаю. Но я чувствовал, что Дон сомневается, есть ли у него право поддерживать с тобой отношения. Несколько раз он признавался мне, что даже не хотел бы раскрывать своих чувств перед тобой. Я допускаю, что он, повзрослев, понял то, чего не понимал я: мужчина не в состоянии навсегда смириться и справиться с инвалидной коляской.

Мое раненое сердце еще больше страдало, когда я вскоре услышала от друзей о Доне. Он писал письма ребятам, с которыми мы дружили. Я сердилась и внутренне восставала против того, что эти молодые люди были Дону ближе, чем я.

Правда, меня предупреждали, чтобы я не вверяла себя Дону. Джей и Диана не раз говорили, чтобы я была осторожна, но я, к сожалению, их не послушала. Теперь все мои мечты и надежды на брак окончательно рухнули.

Почему же, Боже? Почему? Я не могу понять этого!

Во мне бушевали разные чувства: гнев на Дональда, его друзей и самосострадание...

Меня пришла навестить юная гимназистка, недавно ставшая христианкой, которую мы вместе с Дональдом наставляли в вере. Она прочитала мне письмо, полученное от Дональда, в котором он рассказывал ей, сколь дивные дела совершает Бог в его жизни. Она, конечно, не знала, что произошло между нами, и пришла поговорить о добрых известиях, полученных от него. Во мне проснулась зависть, горькие слезы потекли по щекам.

Когда я осталась одна, я устыдилась своего поведения. Чтобы обрести утешение, я обратилась к хорошо известному мне месту из Библии — к Первому посланию к коринфянам.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы... Любовь... не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде... Все переносит...» (1 Кор. 13:1–7).

Мое чувство к Дональду можно было скорее назвать сладострастием, чем любовью, и это было порочно в наших отношениях. Я страстно желала его внимания, присутствия, и мне казалось, что я обладаю всеми правами на это. Я поняла, что мои чувства — это скверная и алчная страсть, желание чего-то такого, от чего я не хотела отказаться. В конце концов я потеряла все, что хотела иметь в корыстных целях.

Мне стал ясен смысл Первого послания к коринфянам: истинная любовь самоотверженна, дисциплинирована, она владеет собой, она терпелива и благостна. В смятении я еще горше заплакала. Не жалость к себе, не самоанализ, но скорбь направляла меня теперь ко Христу. Я открывала те места Библии, благодаря которым преодолевала прежние разочарования, и перечитывала их вновь.

Я думала, что уже больше не смогу слушать пения птиц. Они вызывали воспоминания о чудесном времени, когда Дональд и я часами гуляли в лесу. Я прилагала колоссальные усилия, чтобы изгнать его из своих воспоминаний, но это было чрезвычайно трудно.

Целый год я настраивалась на исполнение своего заветного желания — выйти замуж за Дональда. Но в один миг рухнули все надежды, не оставив мне ни малейшей искорки.

Я вспомнила, что Стив упоминал третью главу Плача Иеремии. Он рассуждал тогда так: «Джони, у Бога на все Свои причины. Иеремия говорит, что человеку хорошо в своей юности нести бремя. Может быть, твоя жизнь, обогащенная таким опытом, со временем приобретет еще большую ценность».

«Господи, — молилась я, — где же Твой дар совершенный, о котором я читала в Твоем Слове? Что же Ты делаешь со мной?»

Я вспоминала те места Библии, где Петр и Иоанн вопрошали так же, как я теперь. «Что тебе?» — просто и непосредственно реагировал Господь. Иисус не решил тогда Петру утешиться жалостью к самому себе.

Другими словами, Господь сказал тогда: «Что тебе? Разве все это тебе не безразлично? Смотри только на Меня».

Я убедилась, что правда Божья не всегда удобна. Иногда в Его любви есть суровость и строгое порицание.

Я читала и другие стихи Евангелия. Так, апостол Иаков говорит: «С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения». Это напомнило мне о тех уроках, которые Бог преподавал мне в больнице и в последующие годы: «За все благодарите, потому что все содействует вашему благу». Я вновь стала интенсивнее изучать Слово Божье. Я больше не погружалась в безутешное самосострадание, не тонула в слезах. Бог поставил меня перед новым испытанием: доверюсь ли я Его истине, Его любви и Его намерениям.

Письма, присланные Дональдом нашим общим друзьям, были полны свидетельства о роли Бога в его жизни. Он сообщал о сильных переживаниях, способствующих его духовному росту.

Недели складывались в месяцы.

В конце лета он написал друзьям, что во время работы в лагере познакомился с красивой молодой женщиной.

Когда я узнала, что Дональд влюбился, меня пронзила боль. Но Господь, казалось, спросил меня: «Что тебе?»

Я написала учившемуся в библейском колледже Стиву письмо, в котором излила свою душу. В ответе он заверил меня в своем сострадании и обещал обо мне молиться. Письмо его заканчивалось словами из псалма 39: «Милость Твоя и истина Твоя да охраняют меня непрестанно!» Как ни велика боль, посылаемая нам в разумение, Господь любит нас.

Эти и другие строки Библии поддерживали меня в то время.

Для меня было большим разочарованием сознавать, что жизнь с Дональдом, очевидно, не соответствовала воле Божьей. «Господи, если не Дональд, тогда, верно, Ты готовишь мне нечто лучшее в жизни. Буду уповать на Тебя и верить, что Ты даруешь мне что-то лучшее». Я вспомнила сказанное однажды проповедником: «Бог никогда не закрывает дверь, не открыв прежде окон. Если Он что-то отнимает у нас, то в конце концов дает нечто лучшее». Это я и взяла себе на вооружение.

Оглядываясь назад, мы убеждаемся, что Бог действительно готовил для нас нечто лучшее. Но в тех обстоятельствах я видела и в Священном Писании лишь «желаемое» — обрести Дональда. Ведь очень

просто утверждать, что Бог хочет нам счастья, и толковать Писание так, чтобы оно соответствовало нашим желаниям. Подсознательно же я все время чувствовала, что из связи с Дональдом ничего не получится, и все-таки хваталась за мысль, что такова воля Божья, что Дональд должен соединить свою жизнь с моей.

После моего несчастья я цеплялась поочередно вначале за Дика, потом за Джей и Диану и наконец за Дональда. Я нуждалась в их любви и поддержке для удовлетворения собственных чувств. Но теперь я почувствовала себя свободной. Я обрела независимость, потому что стала зависеть только от Бога.

Как-то однажды, сидя в своей коляске, я вновь вернулась к этой мысли. «Господи, — молилась я, — жаль, что я не понимала этого прежде. Если бы я всегда могла помнить о том, что мне достаточно лишь Твоей благодати!»

Вновь и вновь я открывала Библию и находила строки, которые утешали меня: «Господи, стань совершенно реальным для меня! Прошу Тебя!»

И вот тогда меня наполнил глубокий покой и большая внутренняя радость. Я посмотрела вверх. Как символ Божьей любви и утешения, бабочка, пролетая в это мгновение мимо меня, покружилась у моего лица.

«Господи, благодарю Тебя за Твою благодать! За то, что Ты послал ко мне эту бабочку именно в такое мгновение. Это глубокое и осмысленное свидетельство Твоего тихого и дивного присутствия».

С тех пор я решила обязательно помышлять о благодати Божьей всякий раз, когда увижу бабочку...

В то необыкновенное лето я часто испытывала потребность находиться где-нибудь на лоне природы и размышлять о Божьем замысле в моей жизни.

Чтобы чем-то заняться во время своих размышлений, я вновь обратилась к художественному творчеству. Я проявила особый интерес к рисованию, мои новые работы стали оригинальнее. В них обнаружилось такое качество, которого прежде не было. Сама я не умела определить этого, но вот другие заметили сразу.

Мое духовное обновление происходило действительно медленно, но оно не оказалось столь тяжелым, как я предполагала. Я увидела Дональда в новом свете: он сделал то, что казалось ему правильным, и страдать ему пришлось не меньше, чем мне.

Мы оба были совершенно слепы в нашей любви. Молодежь часто уходит от действительности. Влюбленные чувствуют, что что-то не в порядке, что из их отношений ничего определенного не получится, но, руководимые собственными желаниями, они не прерывают этих отношений. Так же было и с нами.

Оглядываясь назад, я благодарю Господа за все. Очень и очень многого я так никогда бы и не поняла, если бы Дональд не вошел в мою жизнь, а затем не оставил меня. И за этот опыт я благодарю Господа Иисуса Христа. И особенно благодарна за то, что Он помог мне справиться с нашим разрывом, не оставив во мне горечи отчаяния.

Даже о новой любви Дональда я узнала со спокойствием.

А произошло это так.

Однажды вечером на собрании нашего библейского кружка ко мне подошел один из моих друзей:

— Джони, я хотел бы тебе что-то сказать прежде, чем ты узнаешь об этом от других.

— Не надо ничего говорить, Джимми, я все знаю.

— Разве? Ты уже слышала, что Дональд влюбился?

— Я просто это знаю, и все, — улыбнулась я.

Я была удивлена, как Бог помог мне так легко справиться с тем, что должно было стать таким болезненным и мучительным.

Когда три недели спустя Дональд привел на наш библейский кружок свою Санди, молодую красивую вдову, потерявшую мужа в какой-то катастрофе, мы оказались с ней рядом.

Она уже знала обо мне. При других обстоятельствах эта встреча стала бы мучительной. Она была интересной, стройной женщиной, загорелый цвет лица которой еще больше подчеркивал красоту Дональда.

— Рада познакомиться с вами, Санди, — сказала я. — От всей души рада за вас и за Дональда.

Она улыбнулась и поблагодарила меня.

— Каждый вечер молюсь за вас обоих, — продолжала я, — славлю Бога за все совершаемое Им в вашей жизни. Рада, за ваше желание служить Господу Иисусу Христу.

Друзья и близкие, знавшие о любви между мной и Дональдом, удивлялись, глядя на мое поведение. Этого и впрямь не было бы, если бы не Бог, если бы я не чувствовала Его руку.

Я стала видеть страдания в новом свете — не как испытания, которых хотелось бы избежать, но как возможность убедиться в Божьей любви, благодати и милости.

* * *

Во второй половине 1972 года моя жизнь изменилась значительней, чем в любой другой отрезок времени, включая и пять лет, проведенных в коляске.

Когда Дональд ушел из моей жизни, кроме Бога, у меня не осталось никого. Только Господь был неизменно верен.

15

Осенью 1972 года я всерьез была озабочена своим будущим. «Господи, — спрашивала я, — кончена учеба, нет Дональда, что же ждет меня? Каковы Твои намерения относительно меня?»

Я верила, что у Бога есть нечто лучшее для меня, раз Он что-то у меня отнимал. Стрдание и боль минувшего помогли мне вырасти духовно и обрести душевный покой. Я чувствовала себя уверенно и независимо, доверяясь моему Господу.

Страдания и боль имеют определенный смысл, однако мы не всегда это понимаем. Апостол Павел страдал во имя Христа, он перенес заточение, бичевание, кораблекрушение... Благословение страданий, как его толкует И. Б. Филлипс, заключается в следующем: «Мы можем уже теперь и здесь радоваться даже во время испытаний и трудностей. При правильном отношении к ним именно они дают нам способность все терпеливо переносить. А это, в свою очередь, формирует твердый, зрелый характер, рождает постоянную надежду, которая никогда не разочарует нас».

Я верила, что Бог действовал в моей жизни, чтобы превращать боль и подавленность в благость и мудрость. Весь этот опыт нашел свое видимое выражение в моих занятиях рисованием. Вначале я рисовала для удовольствия, затем — чтобы занять чем-то время, а теперь — чтобы выразить то, что Бог совершал во мне. У меня возникло чувство, что именно мое художественное самовыражение особенно соответствует Божь-

ему замыслу. Может быть, в этом и проявится нечто «лучшее».

Меньше всего я хотела, чтобы моими рисунками люди восторгались только потому, что они созданы прикованным к инвалидной коляске человеком, держащим карандаш во рту. Мои работы должны быть хороши как в художественном, так и в техническом отношении. Поэтому я была рада и даже горда, когда на местных выставках они демонстрировались благодаря своему качеству, а не потому, что созданы парализованной.

Впервые я погрузилась в творческую деятельность со всей энергией. Я рисовала окружающий меня мир, чтобы выразить его красоту, а не свои чувства и боль. Так возникла целая коллекция из портретов, рисунков животных, бытовых сцен. Люди хорошо воспринимали мои картины. Портреты детей, горные пейзажи, цветы, рисунки животных привлекали своей красотой и действовали ободряюще.

Я убедилась в том, что именно Бог подвел меня к этому, и верила, что Он готовит мне еще больше благословений. Год-два назад я никогда бы не поверила, что смогу найти нечто «лучшее» в одиночестве. В Первом послании к коринфянам апостола Павла я прочла, что для некоторых одиночество — призвание более высокое, нежели брак. Одинокая женщина может больше помышлять о святости, ибо ее не отвлекают дела, которыми занята замужняя женщина, вынужденная заботиться о муже, о детях, о доме. От домашних обязанностей я была так или иначе освобождена. Мне было отказано и в тех радостях и преимуществах, которые связаны с браком, однако Бог заменил их другими радостями, и, быть может, не меньшими. Я была свободна от планирования своего времени, которое включает и других людей. Я могла уезжать

и отсутствовать допоздна, беспрепятственно работать, читать, беседовать, делать то, к чему была расположена. Это была настоящая свобода!

Иногда мне люди говорили:

— У вас нет другого выбора, кроме как оставаться одинокой. Поэтому вам гораздо легче согласиться с одиночеством, чем мне. Поэтому вы так спокойны и радостны. Я же чувствую себя одинокой, разочарованной в моей пустой жизни.

— Я не убеждена, что мне действительно легче, — отвечала я. — Всякий, кто вынужден оставаться безбрачным, должен особенно уповать на мудрость Божию.

Так как в своих отношениях с Дональдом я не столько уповала, сколько пыталась влиять на Божьи намерения, я осталась одна. Поскольку у меня не было иного выбора, как принять данные обстоятельства из рук Божьих, то уповать на Него мне оказалось легче. Подчиняясь Божьей воле, мы тем самым освобождаемся от мучительных раздумий, забот и от повергающих в сомнения поисков. Если мы отчаиваемся из-за неизвестности будущего, то непременно пожнем лишь горечь и печаль.

— Значит ли это, что необходимо отказаться от надежды на удачный брак? — спросила меня одна молодая девушка.

— Если человек принимает одиночество из рук Божьих, он никогда не будет разочарован, даже не зная, что принесет ему будущее, — ответила я. — Конечно, это тяжелая участь. Совсем не легко согласиться с мыслью, что придется навсегда остаться одинокой, учитывая и те жертвы, которые влечет за собой одиночество. Но если решишься принимать все из рук Божьих, тогда, бесспорно, жизнь одинокой женщины гораздо легче.

— Может, проще вообще отказаться от всякой мысли о замужестве?

— Может быть. Но это вовсе не значит, что Бог все-таки в один прекрасный день не разрешит вступить в брак. Все может быть. Но это не важно, если решение и выбор мы отдаем в руки Божьи. Мы доверяемся Его решению, зная, что любящим Бога все содействует ко благу.

— Но у меня есть потребности, которые нуждаются в удовлетворении! Я обладаю правом на замужество!

— Только Бог может сказать нам, в чем наши права и потребности. Ты должна предоставить Ему право решать. Живи пока одна, подчинив свою деятельность и жизнь единственной цели — служению и прославлению Бога. Тогда Он даст насыщенную и умиротворенную жизнь, пошлет если не мужа, то много друзей, отвечающих твоим духовным запросам, так что ты забудешь об одиночестве.

Возможно, что Господь, если ты полностью следуешь Его воле, даст тебе возможность выйти замуж. Но если ты хватаешься и держишься за эту возможность, постоянно думаешь только о том, чтобы Бог исполнил это твое желание, то останешься разочарованной.

Молодые люди внимательно слушали, когда я говорила подобное. Однако, в их глазах я все же читала несогласие и недоумение. Им трудно было понять, что бремя одиночества может быть прекраснее всех радостей брака.

— В Первом послании к коринфянам говорится: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его», — напоминала я им. — Апостол сравнивает в этом стихе плотского человека с духовным, но я полагаю, что мы можем отнести эту истину и к своему будущему.

— Что ты имеешь в виду? — спросила меня как-то одна девушка.

— Например, мы часто воображаем себе прекрасные нежные любовные переживания, которые можно иметь с полюбившимся молодым человеком. И хотя мы знаем о них понаслышке, они уже пребывают в наших сердцах и чувствах. А вот Бог говорит: «Все это ничто в сравнении с тем, что Я приготовил для вас». Я еще не знаю, что это значит. Но я уже постигла, что Бог делает акцент не столько на нашем настоящем, сколько на нашем будущем. У нас ограниченное ощущение действительности. Это, конечно, не значит, что я должна помышлять только о небе и о загробной жизни. Но сказанное помогает видеть вещи в их истинном свете.

— Не кажется ли тебе, что вышесказанное касается лишь тебя, так как ты прикована к коляске? — нередко спрашивал меня кто-нибудь из друзей.

— Не думаю. Это всеобщая истина. Многие люди, в том числе и здоровые, должны справляться со своим одиночеством так же, как и я. Одиночество может привести к глубокому разочарованию и огорчению, но может оказаться и источником радости.

— Итак, ты думаешь, что никогда не выйдешь замуж?

— Нет, я совсем так не думаю. Не знаю, выйду замуж или нет, но в любом случае буду довольна.

— А как же быть нам, еще не достигшим такого понимания? Нам, которые не могут так легко, как ты, принять свой жребий?

— Если вы одиноки и у вас нет надежды в ближайшем будущем вступить в брак, живите так, словно исполняете волю Божью быть одинокими, пока Он не пошлет вам мужа или не подготовит что-то лучшее.

— Разве не напоминает сказанное цитированный

тобой стих: «Не видел того глаз, не слышало ухо»? — спросил кто-то.

— Да. Порой я вспоминаю прежние переживания, когда шла по лесу или плавала в чистой холодной реке, или поднималась на крутую гору, или нюхала цветы, или каталась верхом. Все это я пережила здоровой. Но вот Бог сказал, что все это ничто в сравнении с будущей славой, которую Он уготовил мне. Получается так, как я говорю. Будущее — единственная реальность, которую следует брать в расчет. И единственное, что мы возьмем на небеса, — наша духовная жизнь. Тогда мы увидим Того, в Кого веровали, только прежде нам придется пройти через огненное испытание. От нас и от наших дел останется то, что прославляет нашего Господа Иисуса Христа.

Я была благодарна за любую возможность свидетельствовать о том, как Бог действовал в моей жизни. Постепенно я увидела глубокий смысл в Его водительстве. Опыт обогащал меня творческой энергией и навыками, которыми я прежде не обладала. Мое творчество наполнялось новым содержанием, я обретала профессиональную зрелость.

Я экспериментировала на разной бумаге различными перьями, карандашами, углем. Пробовала различные технические приемы, пока наконец не подобрала наиболее подходящие для себя. Я пользовалась острым оттеночным пером и аккуратно делала эскиз, затем добросовестно шлифовала рисунки. Их я дарила друзьям и знакомым на свадьбы и Рождество.

Популярность моих работ заставляла меня тщательно трудиться. Однако у меня не было возможности что-то получать за свой труд, чтобы быть независимее в своих финансах.

Однажды один из руководителей страхового общества посетил отца в его городской конторе. Нейл

Миллер был христианином и преуспевающим бизнесменом. Инспектор страхового общества одновременно трудился еще в нескольких благотворительных обществах в Балтиморе. Нейл Миллер находил возможности там, где другие видели лишь препятствия. Благодаря его усилиям многие видные деятели в стране откликнулись на предлагаемые им проекты.

На стене в кабинете отца он увидел один из моих рисунков.

— Господин Эрексон, мне очень нравится этот рисунок. Это оригинал? — спросил он.

— Да, рисовала моя дочь, — ответил отец.

— Неужели? Да она настоящий художник! В реалистических деталях этого рисунка виден ее характер. Она обладает оригинальным стилем, — заметил господин Миллер.

— Благодарю вас. Непременно скажу ей об этом. Может быть, вам будет интересно узнать, что моя дочь парализована и, когда рисует, вынуждена держать перо во рту.

— Поразительно! — Господин Миллер встал, чтобы присмотреться к рисунку. — Отлично! Просто отлично!

— У нее нет профессионального образования, — сказал отец. — Я тоже в жизни немало занимался искусством, вероятно, этот интерес она унаследовала от меня. Но свой стиль и талант она развивала самостоятельно.

— Выставлялись ли когда-нибудь ее картины? — спросил Миллер.

— Нет, практически еще нет. Она рисует, потому что это доставляет ей радость и преимущественно для семьи и друзей.

— Но как можно оставлять без внимания такой талант? — воодушевился господин Миллер. — Если вы

не имеете ничего против, может быть, мы организуем небольшую художественную выставку?

— Конечно, я убежден, что это доставило бы ей радость.

— Прекрасно! Посмотрим, что можно будет сделать. Я зайду к вам.

Позже господин Миллер позвонил отцу и сообщил ему, что устроит небольшую выставку в расположенном поблизости ресторане. Отец принес мои рисунки, над которыми я трудилась в последние месяцы, в городской ресторан в центре Балтимора. Ресторан был модным и излюбленным местом встреч политиков и бизнесменов.

Я ожидала, что соберутся несколько человек, немало поговорят, а затем разойдутся. Во всяком случае, так обычно бывало на других выставках. Но втайне я все-таки надеялась, что кто-то купит один или два рисунка. Утром в день выставки мы поехали в город: я, Джей и Диана. Нас просили к десяти быть на месте.

Когда Джей хотела свернуть на Южную улицу, ведущую к ресторану, оказалось, что улица перекрыта.

— Странно, — заметила я. — Не ведутся никакие уличные работы. Почему же вдруг закрыли одну из главных городских магистралей?

— Не знаю. Повернула в эту боковую улицу и будем пробираться на ту сторону, — сказала Джей.

— Подожди! Ты не проедешь там. Там тоже стоит полицейский и регулирует движение.

— Наверное, что-то связанное с торговлей, — заметила Диана.

— Может быть, парад в честь дня рождения Линкольна или что-нибудь в этом роде, — заметила Джей.

— Это, действительно, парад. Смотри! — воскликнула я.

— Большой духовой оркестр. Жаль, что нам необходимо на выставку. А то могли бы посмотреть, — сказала Джей.

— Может быть, ты могла бы здесь... — я не закончила фразы.

Мы увидели это одновременно и не поверили своим глазам. Духовой оркестр стоял перед рестораном, а на фасаде висело огромное полотнище, на котором было начертано: «Выставка картин Джони Эрексон». Рядом стояли телекамеры, а толпа все увеличивалась и увеличивалась.

— О, нет! Что случилось? — воскликнула я в ужасе. — Джей, скорее! Сверни в боковую улицу, чтобы они не заметили нас!

Мы затормозили, желая избежать всеобщего внимания.

— Что же теперь делать? — спросила я Джей. — Этого невозможно понять. Что он наделал?

— Джони, ведь он говорил о маленькой выставке, не так ли?

Мы сидели и думали, как быть. Когда стало очевидно, что у нас нет иного выхода, как ехать на выставку, Джей повернула обратно к ресторану.

Я молилась, чтобы Джей, нервничая, не уронила меня, когда они вместе с господином Миллером вынимали меня из автомобиля, чтобы посадить в кресло.

Еле дыша, я спросила: «Господин Миллер, что это вы здесь устроили?»

Но прежде, чем он успел что-то ответить, меня окружили корреспонденты балтиморской газеты «Американские новости» и местного телевидения. Со всех сторон посыпались вопросы.

Я стала часто моргать, пытаюсь собраться с мыслями для ответа.

В это время некий господин, шофер которого был

одет в ливрею, вручил мне изумительный букет роз. Служащий муниципалитета прочел послание бургомистра о начале местной Недели искусств, на которой решено было провести с почестями день Джони Эрексон.

Меня взволновало и смутило такое всеобщее внимание.

— Неужели все это так необходимо? — спросила я господина Миллера, опасаясь, что смысл выставки будет потерян, если внимание людей сосредоточится исключительно на моей инвалидной коляске.

Однако по мере того, как осуществлялась программа, стало ясно, что опасения мои напрасны.

Я извинилась за свои чересчур поспешные выводы. Быть может, я была слишком взволнованна, опасаясь сострадания моему положению, которое люди могли бы оказать, — мне уже не раз приходилось переживать подобное. Я знала, как бывает тяжело (это может подтвердить и все «Национальное объединение парализованных»), когда люди, не знающие сути дела, считают тебя душевно неполноценной.

Может быть, я слишком импульсивно реагировала на все. Но я в высшей степени была тронута тем, что мои работы и мое христианское свидетельство были оценены. Мне не хотелось, чтобы моя коляска приковывала всеобщее внимание, когда я буду говорить об искусстве и о Господе Иисусе Христе. Я хотела сказать: «Если я не волнуюсь из-за своего положения, то не волнуйтесь и вы!»

Торжество шло своим чередом. Интерес к моим работам не угасал. Вопросы репортеров касались преимущественно моего творчества, а коляска осталась на втором плане.

Господин Миллер сказал мне: «Джони, ты недооцениваешь себя. Ты вообще не знаешь, как хороши твои

картины. Жаль, если вся эта суэта смутила тебя. Но не в моих привычках делать что-то наполовину».

После вступительной части торжество достигло своего апогея, и все пошло так, как обычно бывает.

Меня спрашивали: «Где вы черпаете идеи для своих рисунков?», «Сколько времени вам требуется для создания одной картины?», «Учились ли вы этому искусству?»

Когда толпа начала расходиться, господин Миллер подвел ко мне довольно представительного и симпатичного молодого человека и представил его мне. Юноша держал руки в карманах наброшенного плаща и производил несколько странное впечатление.

— Я хочу, чтобы ты немного побеседовал с Джони, — сказал господин Миллер, покидая нас в некотором смущении.

— Рада познакомиться с вами, — сказала я. — Садитесь.

Он сел, не сказав ни слова. Постепенно мне стало не по себе. Зачем он здесь? Как будто он хочет побеседовать со мной, однако мои усилия завести непринужденную беседу не увенчались успехом. Тем не менее по его глазам я замечала, что его что-то мучает.

Поэтому я сделала еще одну попытку и спросила:

— Что бы я могла сделать для вас?

— Ничего, — пробормотал он и вдруг сказал: — Я был когда-то пожарником, а вот теперь не могу работать.

— Да? (Что же мне ответить ему?) Не хотели бы вы рассказать мне что-нибудь о себе?

— Это был несчастный случай.

Он начал нервно ерзать на стуле.

— Даже не знаю, зачем я здесь. Господин Миллер сказал, что мне необходимо прийти сюда и побеседовать с вами, потому что и вам в вашем положении тяжело.

— Да, так можно было бы сказать. В свое время я хотела лишиться себя жизни, но не могла пользоваться руками. Я действительно пала духом. Но вот... — Я сделала паузу, давая понять, что ничего не знаю о его проблеме.

Его красивое лицо исказилось страданием. Он вынул руки из плаща. Кисти были ампутированы.

— Вы видите эти отвратительные обрубки! — сказал он в отчаянии. — Я потерял свои руки во время пожара. И вот теперь не могу совладать с собою, — его голос выдавал негодование и горечь.

— Да, господин Миллер прав. Думаю, что смогу вам помочь.

— Как? — спросил он резко. — Вы ведь не в состоянии возратить мне руки!

— Нет, конечно, этого я сделать не могу. Но я была в таком же состоянии, как и вы. Мне знаком гнев и то чувство, будто со мной обошлись несправедливо. А для мужчины, может быть, это еще тяжелее. Вы же знаете, как хочется независимости. Думаю, что и меня вы можете понять.

Я рассказала ему кое-что о пребывании в больнице, о «Зеленых Дубах», сказала, что его чувство вполне естественно.

— Но как вы преодолели это? Как справились с собой в вашем положении? Вы научились радоваться, и вообще в вас не чувствуется цинизма. Откуда вы черпаете силы?

— Ну, это уже совсем другая, чудесная история. Рассказать ее вам?

Он утвердительно кивнул головой.

И я рассказала ему, как получила благодаря Иисусу Христу доступ к Богу и Его силе, о том, как Бог проявлял себя в моей жизни все последние годы и как Он помог мне преодолеть страх и опасения и справиться с требованиями жизни. Затем я свидетельствовала о

силе Евангелия, о котором впервые узнала в пятнадцать лет в лагере «Молодая жизнь».

Лицо его постепенно начало проясняться. Почти полчаса я рассказывала ему о том, что преподавал мне Бог. Прощаясь, он сказал: «Большое спасибо, Джони. Нейл Миллер был прав. Вы помогли мне. Я попытаюсь укрепить свой дух. Большое спасибо!»

Этот молодой человек ныне доволен жизнью. Он читает лекции в училище для пожарников.

А между тем выставка в городском ресторане подходила к концу. Идея Миллера положила начало моей жизни как художницы. Вечером я, к своему великому изумлению, узнала, что мои рисунки проданы по пятьдесят — семьдесят долларов за штуку. В кассе оказалось свыше тысячи долларов!

Благодаря этой выставке балтиморское телевидение сделало отдельную передачу о моих картинах. К тому же меня пригласили в студию, и я опять могла показать свои картины.

Сейсур Копф из балтиморской газеты «Американские новости» написал обо мне статью на целую колонку. — Почему вы подписываете свои рисунки буквами СБ? — спросил он. — Мой ответ он изложил в новой статье.

— Эти буквы, господин Копф, означают: «Слава Богу». Бог любит нас. Он заботится о нас. А любящим Бога все содействует ко благу, даже и то, что случилось со мной в семнадцатилетнем возрасте. Бог милостив ко мне. Он вложил в меня образ Иисуса Христа, а Иисус научил меня терпению и покою. Иисус придал моей жизни новый смысл. Мои картины доказывают, что Бог способен даровать силы возвыситься над обстоятельствами — как мне, так и всем.

В течение всей весны меня приглашали принимать участие в местных художественных выставках.

Выставка в Балтиморе открыла мне двери в христианские женские союзы, школы, церкви. На встречах с гражданами города я могла не только показывать картины, но и свидетельствовать о Христе. Я даже получила возможность поехать в Вашингтон посмотреть Белый Дом, где подарила один из своих рисунков жене нашего президента Пет Никсон. Мне предложили выступить по радио и телевидению, а всякий новый контакт влек за собой новые выступления и встречи.

Благодаря постоянно растущему спросу на картины, я приобрела достаточную независимость. Теперь в материальном отношении я уже не была бременем для своих близких, я сама зарабатывала. Я начала издавать серию подарочных открыток со своими рисунками, которые пользовались большим спросом. Мы назвали мою фирму «Джони СБ».

Приблизительно в это же время мой хороший друг Энди Бирд сообщил о своем намерении приобрести право на книжную торговлю христианскими изданиями. Он спросил, не заинтересует ли меня участие в этом. Мы обсудили вопрос с Кеном Вагнером, нашим третьим пайщиком. Наше намерение обещало успех. Многие давно уже молились о том, чтобы была организована торговля христианскими изданиями в западной части Балтимора.

Наконец в сентябре 1973 года после нескольких месяцев молитв и упорного труда состоялось открытие книжного магазина на улице Северный Роллинг.

Мы помолились прямо перед открытием магазина, молитва была посвящена тем, кто еще оставался безразличным к Евангелию. Наш магазин должен был стать средоточием христианской любви к ближнему, ко всем нуждающимся в помощи.

Я сама продавала в магазине свои картины и их

копии. Их реализация прямо соответствовала моей трудоспособности. Будучи связанной работой в магазине, сроками договоров и художественными выставками, я с большим трудом могла удовлетворить возрастающий спрос.

Я писала свои проповеди о Христе, печатала их и распространяла на художественных выставках. Я описывала необычный метод своего рисования и говорила о своей вере в Иисуса Христа.

Вся моя деятельность давала возможность быть независимой и — что намного важнее — славить Господа Бога.

16

Лето 1975 года я проводила на ранчо Сайксвил. Однажды утром меня позвали к телефону.

— Мисс Эрексон, я из нью-йоркского «Ежедневного обозрения». Мы хотели бы, чтобы вы участвовали в нашей телепрограмме, рассказали свою историю и показали картины. Могли бы вы приехать к нам?

От волнения я едва могла говорить. Из «Ежедневного обозрения»?

— Ну, конечно, — ответила я, — охотно приеду к вам.

Джей стояла у телефона и делала заметки. Мы условились на 11 сентября. Джей отвезла меня в Нью-Йорк, взяв в качестве помощниц наших подруг Шери Пендергресс и Синди Блюбо.

Устроившись в отеле, мы поехали в Центр Рокфеллера побеседовать с директором, планирующим программы. Он прочитал мне сценарий программы, мы обсудили возможные вопросы журналиста. Он подго-

товил меня к выступлению и определил направление, в котором должна будет протекать беседа с интервьюирующей Барбарой Уолтерс.

Утром на следующий день я встретила с Барбарой Уолтерс. Прожекторы освещали студию и нагревали воздух.

Госпожа Уолтерс улыбнулась и посмотрела в свои заметки.

— Расслабьтесь, Джони, — сказала она любезно. — Вы удобно сели?

— Да, спасибо.

— Отлично.

— Пятнадцать секунд! — внезапно крикнул кто-то из-за камер.

Я не нервничала, как предполагала. Вероятно, потому что ясно представляла себе все, что хотела бы сказать. Я знала, что мое свидетельство будут слушать миллионы людей. Я не знала точно, какие вопросы задаст мне госпожа Уолтерс, но понимала, что она не спросит лишнего.

— Десять секунд.

«Господи, — быстро молилась я, — дай мне уверенность, мудрость, самообладание. Я хочу, чтобы Ты был прославлен».

— Пять.

Я сглотнула слюну, облизнула губы и увидела, как режиссер дал знак начинать.

Одна из камер подала красный сигнал, и госпожа Уолтерс повернулась в том направлении. «Мы хотим показать вам собрание рисунков, находящихся сейчас у нас в студии, — сказала она. — Вы увидите, что эти рисунки, выполнены с высоким художественным мастерством и, казалось бы, искусной, опытной и уверенной рукой. Однако это не так. Они выполнены совершенно необычным методом. Их автор — Джони

Эрексон из Балтимора, что в Мэриленде». Затем она обратилась ко мне, и началось интервью.

Я уже не могу вспомнить подробностей, разве только то, что госпожа Уолтерс вела передачу очень естественно. Вопросы ее были интересны, они не настаивали на мне. Она располагала к себе с первого же мгновения, так что мне стало казаться, будто она моя старая подруга.

Во время нашего разговора камера снимала мои выставленные рисунки. Интервью продолжалось десять минут.

После «Новостей» госпожа Уолтерс интервьюировала меня еще пять минут для зрителей Нью-Йорка.

Я радовалась, что сумела сказать все, что хотела. Госпожа Уолтерс поблагодарила меня и занялась другими людьми, приглашенными на программу.

В то утро была приглашена и Элеонора Мак-Говерн, супруга сенатора. Мы долго беседовали с ней после передачи. Она рассказала, что ее муж, бывший кандидат на пост президента от демократической партии, открыл для себя многое из тех же ценностей, что и я.

— Это было еще тогда, когда он изучал богословие, прежде чем занялся политикой, — объяснила мне госпожа Мак-Говерн.

Мы беседовали и о ее собственных духовных взглядах, я подарила ей недавно выполненный рисунок — изображение Иисуса Христа. Мы обменялись адресами, чтобы поддерживать связь друг с другом.

Пока техники убирали помещение, у меня появилось время подумать о происшедшем.

— Представь только, — сказала я Джей, — сегодня я говорила о своей вере двадцати или тридцати миллионам человек! Это действительно грандиозно!

В то утро программу смотрели и руководители компании «Джилет»: президент Эль-Нагль и вице-прези-

дент Джон Престон. Увидев, какими перьями я пользуюсь при рисовании, они устроили несколько моих выставок.

Многие зрители, смотревшие то «Ежедневное обозрение», прислали мне письма. Некоторые из них хотели приобрести копии картин, другие заказывали открытки, третьи просили подробнее рассказать о моих переживаниях.

Моя первая выставка, финансируемая компанией «Джилет», проходила в элегантной галерее на улице Лассаля в Чикаго, возле прославленного Центра Джона Ганкока. Она длилась целую неделю. Здесь я демонстрировала свою технику рисования. Тогда же я дала интервью газетам «Чикаго трибюн» и «Сан таймс». Я выступала также в студии Эс-би-си в Чикаго, в программе «Ли Филипп шоу».

По возвращении домой меня ожидал поток писем. Меня часто просили найти время для интервью. Выставочные залы в Линкольн-Центре в Нью-Йорке и Атлантик-Ричфилд-Пласа в Лос-Анджелесе предлагали мне свои помещения. Многочисленные церкви и христианские группы вступали в контакт со мной и просили выступить у них. Национальная студенческая газета «Университетская жизнь» дала обо мне многополосный репортаж. Выступления по радио и телевидению продолжались.

Я поняла, что Бог использовал «Ежедневное обозрение», чтобы расширить мои возможности для свидетельства о Господе Иисусе Христе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Было бы великим чудом, если бы я сейчас у вас на глазах была бы исцелена: встала бы на ноги! Все мы с воодушевлением прославили бы Бога. Мы своими глазами видели бы власть и силу Божью. Разве это не было бы чудесно?

Я выступала перед полуторатысячной молодежной аудиторией.

— Но гораздо большим чудом стало бы то, если бы сейчас исцелились ваши души, потому что такое исцеление имеет последствие и действует в вечности. Если бы мое тело исцелилось внезапно самым дивным образом и я могла бы, скажем, последующие тридцать или сорок лет стоять на своих ногах, это было бы чудесно, но потом я все равно бы умерла. А душа живет вечно. С точки зрения вечности, моя жизнь — краткая вспышка молнии, которая тотчас же угасает.

После этого кто-то спросил:

— Вы не думаете, что прежде были слишком своевольны и упрямы, так что Богу пришлось поразить вас и усадить в коляску?

Я отрицательно покачала головой:

— В псалмах сказано, что Бог не поступает с нами по грехам и беззакониям нашим. Мой несчастный случай не был наказанием за грехи, не зависел от того, заслужила я наказания или нет. Один Господь знает, почему я была парализована. Видимо, Он знал, что в конечном итоге моя жизнь будет счастливее, если я стану служить Ему. Если бы я могла пользоваться ногами, кто знает, как сложилась бы моя жизнь. Веро-

ятно, я, как и многие, вышла бы замуж, а потом, возможно, развелась и была бы разочарованной и несчастной. Когда я училась в гимназии, я была самолюбива и строила жизнь на сиюминутных ценностях. Я часто жила за счет других.

— А теперь вы счастливы? — спросила меня девушка.

— Да, действительно счастлива. Ни за какую мирскую цену не хотела бы другой жизни. Бог не каждому дарует столько внимания, как мне, и не в каждую жизнь Он входит столь явно, как в мою. Большинство из живущих просто плывут по течению. Бог не входит в их жизнь, хотя знает, что в конечном итоге они губят себя. Конечно, от всего этого Ему больно. Я благодарна Богу за то, что Он обратил меня к Себе, дабы преобразить. Бывает, что прежде чем подойти к Богу, необходимо сломать себе шею. К сожалению, не всегда люди прислушиваются к словам и используют чужой опыт. Надеюсь, что, ознакомившись с моим опытом, вы сможете избежать тех горьких уроков, которые выпали на мою долю, прежде чем я смогла чему-нибудь научиться.

После путешествия в Чикаго я увидела в своей коляске возможность для наиболее эффективного благовествования. Я особенно радовалась, когда после беседы со мной молодые люди посвящали жизнь Господу Иисусу Христу. Это было частью того, что Писание называет «нечто лучшее».

Я поняла, почему Павел мог радоваться в страданиях, почему Иаков советует принимать искушение с радостью, почему Петр призывал не чуждаться огненных искушений, убеждая не считать их чем-то странным. У всех этих бедствий и трудностей существовал единственный смысл: прославление Иисуса Христа.

В тишине я благодарила Бога за свое вынужденное самосовершенствование. Я вспомнила, как несколько лет назад, еще в больнице, кто-то сказал мне: «Поду-

май о венце, который ты будешь носить на небесах за свои нынешние страдания».

— Я не хочу никаких венцов, — ответила я с вызовом. — Я хочу стоять на своих ногах!

Теперь я думаю иначе. Я радуюсь возможности страдать ради Него, чтобы иметь еще большую способность прославлять и возвеличивать Его. Быть может, это звучит несколько гордо или высокопарно, но сегодня я убеждена, что моя болезнь — не самое важное в моей судьбе.

Бог создал особые условия для моей жизни, чтобы сформировать характер в соответствии с Его помыслами, чтобы уподобить меня Господу Иисусу Христу. Во Втором послании к коринфянам мы находим еще одно объяснение моего состояния: я должна утешать других, проходящих через аналогичные испытания.

Мудрость в том, чтобы полностью доверять Богу, а не вопрошать Его: «О Боже, почему Ты допустил это?» Если я полностью вручаю себя воле Божьей, я точно знаю, что Он ведет меня. Это вовсе не слепой стоицизм: я познаю Бога, зная, что Он достоин моего упования. Сама я непостоянна, из колеблющихся. Но Бог неизменен. Я испытывала подъемы и падения. Я огорчалась и сомневалась, а Бог всегда тот же: Он полон любви.

Апостол Иаков писал обреченным на растерзание, их жребий был суровее моего. Но если Слово Божье утешало их, то почему оно не может утешить меня?

Я пишу это на исходе 1975 года. Я сижу в своей коляске за занавесом в огромном зале конгресса в Канзас-сити. Меня пригласили выступить перед двумя тысячами молодых людей в программе «Молодежь для Христа».

У меня есть еще несколько минут для размышлений и для того, чтобы оглянуться на свою жизнь. Перед моим мысленным взором прошли минувшие восемь лет, встали знакомые лица родных и друзей: Джей, Дианы, Дика, Дональда, моих родителей, Стива, —

словом, всех тех, которых Бог ввел в мою жизнь для формирования во мне образа Иисуса Христа. Теперь я благодарна Ему за все: за смех и слезы, за удовольствия и боль. Все это необходимо для «возрастания в благодати». Та молодая девушка, терявшая самообладание в каждой новой ситуации, теперь стала женщиной, полагающейся на всемогущество Божье.

Я слышу, как Эл Метцгер, руководитель организации «Молодежь для Христа», представляет меня. И я вдруг четко осознаю свое пребывание здесь. В течение последующих тридцати минут я буду рассказывать двум тысячам молодых людей о том, как Бог превратил незрелого и своевольного подростка в молодую женщину, способную, несмотря на свои страдания, радоваться. Может быть, это единственная возможность: то, что я скажу им, может оказаться решающим для их бытия в вечности. А потому я серьезно и ответственно готовлюсь к выступлению.

Я расскажу о том, как Бог действовал в моей жизни, и объясню им это в меру своего понимания. Я хочу возвеличить перед ними любовь Божью и Его славу, хочу говорить о реальности греха и покаяния, хочу объяснить, почему Иисус Христос пришел в этот мир.

Эл Метцгер закончил свое вступление. Чак Гарриот несет на сцену мой мольберт, а его жена Дебби вкатывает мою коляску в яркую полосу прожектора.

Пока стихают аплодисменты, я привожу мысли в порядок и молюсь, чтобы Дух Святой воспользовался моим опытом и словами, дабы коснуться сердец моих молодых слушателей. Я надеюсь, что и здесь, как и на других собраниях, Бог призовет на служение многих молодых людей. Я буду рада и тому, если хоть один из них обратится к Иисусу Христу.

Это вознаградило бы мои страдания за минувшие восемь лет.

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Будем всегда помнить, что обетование «Все содействует ко благу» даровано только тем, кто любит Бога и принадлежит к семье Божьей. Из-за грехов и своего мятежа против Бога мы удалились от Него и достойны осуждения. Однако Бог так возлюбил нас, что послал на смерть Сына Своего Иисуса Христа, распятого на кресте за мои и ваши грехи. Если мы действительно верим, что Иисус Христос понес наказание вместо нас, если мы признаем Его нашим Господом, если мы повинемся Ему, мы можем быть уверены в жизни вечной.

Я надеюсь, что при чтении этой книги Дух Святой войдет в ваше сердце и откроет его для Истины. Иисус жив, и сила Его с вами. Он ежедневно являет Себя в моей жизни, и чего только Он не способен совершить в вашей!

Принадлежите ли вы к семье Божьей? Надеюсь, что когда-нибудь мы все встретимся в Его славе.

Джони СБ